

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕТАЯЗЫКОВОГО СЕМИНАРА
ИЛИ РАН**

2017–2019

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЛИ РАН
2020**

УДК 81.373
ББК (2Рос=Рус)1

*Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Д. В. Руднев*
(Санкт-Петербургский государственный университет);
кандидат филологических наук *О. Н. Крылова*
(Институт лингвистических исследований РАН)

Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Выпуск 3. 2017–2019 годы / отв. ред. С. С. Волков, Н. В. Карева, Е. М. Матвеев. — СПб.: ИЛИ РАН, 2020. — 242 с.
ISSN 2686-8334
DOI 10.30842/268683342020

В третьем выпуске сборника «Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН» публикуются статьи, подготовленные участниками научного семинара «Метаязык авторской лексикографии», действующего на базе Института лингвистических исследований РАН. Они посвящены проблемам русской авторской и исторической лексикографии, в том числе вопросам метаязыка «Словаря языка М. В. Ломоносова», готовящегося в ИЛИ РАН, исследованию метаязыка зарубежных словарей, стиховедению. Издание предназначено для специалистов-лексикографов, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, всех интересующихся проблемами лексикографии и разработкой новых словарей.

ББК (2Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛКОВ С. С.	О СЛОВАРЕ «МАТЕРИАЛОВ К РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА	5
КАРЕВА Н. В., КУЗНЕЦОВА Н. А.	СОЮЗЫ В «МАТЕРИАЛАХ К РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ»	25
ШАРИХИНА М. Г.	ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ В РУССКОЙ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН)	56
МАТВЕЕВ Е. М.	О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА	71
ВАСИЛЬЕВА О. В.	ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ)	118
ДЯГИЛЕВА И. Б.	К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКЕ СЛОВАРЕЙ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ XIX ВЕКА	127
СТАРОВОЙТОВА О. А.	«И ЗА ДЕНЬГИ РУСАКА НЕМЦЫ ОФРАНЦУЗЯТ...» (К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ ОТЭТНОНИМНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ)	139
ШЕСТАКОВА Л. Л., КУЛЕВА А. С.	СВОДНЫЙ АВТОРСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ	152
МОСКВИН В. П.	ЦЕЗУРА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	174

От редакции

Настоящее издание продолжает серию публикаций ИЛИ РАН, которые представляют результаты деятельности научного семинара «Метаязык авторской лексикографии», неформального научного сообщества, объединяющего усилия филологов, занимающихся практической словарной работой. Семинар работает на базе Института лингвистических исследований в течение нескольких лет. За это время было проведено более тридцати заседаний, на которых обсуждался широкий круг проблем, связанных с теорией и практикой составления словарей: это общие проблемы лексикографии, проблемы русской исторической и авторской лексикографии, проблемы иноязычной (в том числе славянской) лексикографии, метаязыковые особенности риторических и грамматических текстов, лексикографические проблемы готовящейся в ИЛИ РАН серии словарей языка М. В. Ломоносова. В заседаниях метаязыкового семинара ИЛИ РАН в 2017–2019 гг. и в подготовке статей для настоящего сборника приняли участие коллеги из различных подразделений словарного отдела ИЛИ РАН, Санкт-Петербургского государственного университета (Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина) и Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва). Редакционная коллегия выражает глубокую благодарность всем участникам заседаний семинара, авторам статей, рецензентам сборника, а также дирекции Института лингвистических исследований РАН за помощь и поддержку.

О СЛОВАРЕ «МАТЕРИАЛОВ К РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, архивные материалы, грамматика, лексика, XVIII век, словарь.

В статье рассматриваются вопросы подготовки авторского исторического словаря, объектом которого будут материалы личного научного архива М. В. Ломоносова, известные под названием «Материалы к Российской грамматике» (1744–1757). Эти материалы являются важным и интересным источником для изучения лексического состава русского языка середины XVIII в. Обосновывается актуальность и новизна этого научного проекта, главной целью которого станет исследование диалектной и просторечной лексики в идиолекте М. В. Ломоносова.

1. Постановка проблемы

1.1. В архиве Российской академии наук хранится уникальная рукопись — собрание черновиков, записей и заметок М. В. Ломоносова (ф. 20, оп. 1, № 5) с середины сороковых до начала шестидесятых годов XVIII в. [Волков, Карева 2018]. Этот архив Ломоносова объемом в 158 листов (примерно 25 тыс. словоупотреблений) представляет собой не единый текст, а «случайным», искусственным образом сформировавшуюся коллекцию личных документов, каждый из листов которой имеет отдельную ценность.

В 50-е годы прошлого века Г. П. Блоком и В. Н. Макеевой была осуществлена расшифровка и подготовка документов личного научного архива Ломоносова к публикации (ранее были опубликованы без сохранений особенностей текста только отдельные

* Волков Сергей Святославович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. Электронная почта: 79219995201@yandex.ru.

фрагменты рукописи — например, в книге А. С. Будиловича «М. В. Ломоносов как натуралист и филолог» [Будилович 1869: Приложение II, 17–35 (отд. паг.)]. В 1952 г. документы личного архива вышли в свет в 7-м томе Академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова [Ломоносов 1952: 595–760] под названием «Материалы к Российской грамматике»¹; они были переизданы под тем же названием (изменения коснулись только системы комментариев) в составе второго (а точнее — первого, но «дополненного и исправленного», по определению Э. И. Колчинского, организовавшего эту работу [Колчинский 2016: 163; Колчинский 2017: 94–155]), собрания сочинений М. В. Ломоносова в 2011 г. [Ломоносов 2011: 475–616].

Необходимо указать на следующие важные факты: 1) часть документов коллекции в 1952 г. была отчуждена редакционной коллегией седьмого тома и опубликована как отдельные произведения в других томах собрания или в том же томе, но под другими названиями (например, шуточная «сценка» «Судь российских писменъ», «Примечание на предложение о множественном окончании прилагательных имен» и др.) [Волков, Карева 2018: 532–533]; 2) количество собственно грамматических терминов в текстах коллекции сравнительно невелико (с большой осторожностью можно оценить как 5–6%); основной лексический фонд составляет народно-разговорная, обиходно-бытовая или так называемая простонародная лексика, т. е. лексика, соотносившаяся с определенной сферой употребления — жизнью простого народа [Сорокин 1949]; 3) часть текстов из «Рукописи 112» не опубликована в Полном собрании сочинений М. В. Ломоносова [Волков, Карева 2018: 534]. Причина этого остается пока неизвестной: то ли у редакционной коллегии вызывало какое-то сомнение авторство Ломоносова,

¹ Возможно, что современная филология «обязана» этим названием А. С. Будиловичу: «Еще в конце сороковых годов Ломоносов начал собирать *материалы для русской грамматики* (выделено нами. — С. В.)» [Будилович 1869: 64], «это черновой *материал для русской грамматики* (выделено нами. — С. В.)» [Будилович 1869, Приложение II: 15 (отд. паг.)].

то ли эти материалы не попадали под общую «грамматикальную» концепцию, изобретенную Г. П. Блоком и В. Н. Макеевой, то ли, что более вероятно, об этих материалах в спешке просто забыли. Более того, как установила исследовавшая рукопись Н. В. Карева, текст, к большому сожалению, был подвергнут цензурным купюрам: была, в частности, удалена обсценная лексика.

Вряд ли можно считать корректным предложенное редакционной коллегией 7-го тома название — «Материалы к Российской грамматике», так как в коллекцию входят не только черновые записи, отражающие работу М. В. Ломоносова над «Российской грамматикой», но и планы будущих работ, его рисунки, фрагменты задуманных, но не завершенных поэтических произведений Ломоносова (см., например, «Какъ быстрой вихрь летить, сорвавъ себя съ оковъ»; «Въ водахъ игранье чудъ морскихъ»² [Ломоносов 1952: 619]), заметки, связанные с работой над «Риторикой», «Древней Российской историей» [Волков 2019: 123–130; Карева, Кузнецова 2020], небольшие тексты и записи по географии, минералогии и ботанике [Волков 2019а: 215–216]³, выписки из церковных книг и даже полемические отклики Ломоносова на события литературной жизни XVIII в.: «Ни одного путнаго вирша нѣтъ» [Ломоносов 1952: 623]⁴. Можно также высказать очень осторожное

² Ср. тот же образ в описании родного для Ломоносова русского Севера в героической поэме «Петр Великий»: Среди пречудныя при ясном солнце ночи / Верьхи златых зыбей пловцам сверкают в очи. / От севера стада морских приходят чуд / И воду вихрями крутят и кверху бьют [Ломоносов 1959: 704].

³ А. С. Будилович, работавший с архивом Ломоносова одним из первых, т.е. до периода «редакторского креатива», записал следующее: «Въ Библиот. А. Н. хранится сборникъ черновыхъ бумагахъ <так!> Л-ва, преимущ. работы по составленію русской грамматики .. Тутъ замѣтки очень различныхъ лѣтъ от 1746 до 1762 (90 стр. имя Екатерины II). Замѣтки очевидно не въ хронологич. порядкѣ; замѣтки грамматиц. прерываются переложениямъ <так!> псалмовъ, затѣмъ отрывки одъ, эпиграммъ» [Будилович 1871: 96].

⁴ Возможно, эта заметка связана с переводом стихов к проекту иллюминации 25.04.1748 г. См. письмо М. В. Ломоносова Г. Н. Теплову 22 апреля 1748 г.

предположение о том, что во второй половине 40-х годов XVIII столетия М. В. Ломоносов еще не принял окончательного решения о, так сказать, «формате» будущего труда по грамматике. Возможно, он предполагал написать свой труд, подобно его предшественникам И. В. Паузе, М. Шванвигцу, В. Е. Адодурову на немецком языке и для немецких читателей, о чем, пожалуй, может свидетельствовать ряд его записей, в том числе, например, «Das ь höhret man zuweilen oft zu Ende am Ende eines Worts nach den Buchstaben g und ch, als wenig, durch, u. d. g.» [Ломоносов 1952: 619], ориентированных, скорее, на носителя немецкого, а не русского языка.

Особенностью издания «Материалов к Российской грамматике» (далее — МРГ) также является то, что редакционная коллегия приняла странное решение включить в текст МРГ «приложения», не принадлежащие руке М. В. Ломоносова. Это часть «Рукописи 112», которую мы обычно называем «конспектом Смотрицкого» — более 10 листов выписок из грамматики Мелетия Смотрицкого о местоимении, наречии, союзе, предлоге, междометии (см. точное описание в [Карева, Пивоваров 2019: 221–222]), сделанные, очевидно, по поручению или распоряжению Ломоносова, а возможно, и под его диктовку, кем-то из его помощников⁵ и содержащие правку Ломоносова.

1.2. Материалы научного архива М. В. Ломоносова в научной литературе традиционно рассматривались как ценное, но при этом некое *второстепенное*, можно даже сказать в какой-то степени *второсортное* дополнение к его грамматическим сочинениям

⁵ Заметим, что этот неизвестный «помощник», по-видимому, не отличался особой компетентностью и, более того, внимательностью, так как в разделе «О предлогѣ» [Ломоносов 1952: 755] сделал нелепую ошибку — понял церковнославянское числительное *двадесѣтъ* ‘двадцать’ как ‘двенадцать’: «Въ Россійскомъ языкѣ предлоговъ числомъ есть двѣнадцать: у, от, из или съ, во, со, на, над, о или об, по, под, пред, при, до, ко, за, вос, нис, рас, пре, про» [Ломоносов 1952: 755]. При этом в «конспекте» далее перечисляются как раз *двадцать* предлогов в грамматике М. Смотрицкого [Грамматика 1648: 276], т. е. считать, даже «на перстах», т. е. дактилономически, он, по-видимому, тоже не умел.

(см., например, [Живов 2004: 220; Живов 2017 II: 1039])⁶. Такое отношение легко понять, легко объяснить. Дело в том, что в кратких, отрывочных, бессистемных записях-скорописях Ломоносова *найти* нужный историку языка материал совсем не просто, а мало-мальски адаптированного к задачам современной филологии указателя слов к этой коллекции текстов просто не существует.

1.3. Между тем, так называемые «Материалы к Российской грамматике» представляют собой интересный объект для исследования, во-первых, как ценный источник сведений об идиостиле М. В. Ломоносова и, во-вторых, как не менее ценный источник по истории лексики и фразеологии русского языка XVIII в. Такое исследование, осуществляемое, например, словарными методами будет актуально прежде всего потому, что покажет нам идиолект Ломоносова совершенно в ином, можно сказать в *неожиданном* ракурсе. Поскольку это материалы глубоко личного характера, которые стали общественным достоянием, собственно говоря, только благодаря случаю (см. об этом [Кулябко, Бешенковский 1975]), то можно предположить, что границы актуальных в то время норм и правил словоупотребления для этой группы текстов расширяются, система этических и нормативных запретов отчасти элиминируется. Это приводит к тому, что в тексты вовлекается широкий круг маргинальных, периферийных, окказиональных, редких, диалектных и, иногда, прямо скажем, стилистически сниженных экспрессивных и обсценных элементов. Внимательный и заинтересованный наблюдатель, таким образом, может увидеть в МРГ то, что более не представлено ни в одном другом тексте М. В. Ломоносова; это, в свою очередь, позволит больше узнать о великом русском

⁶ Так, например, В. М. Живов пишет в монографии «История языка русской письменности»: «Действительно, Ломоносов специально выделяет “неупотребительныя и весьма обетшальныя” славянские слова, такие как “обоваю, рясны, овогда, свѣнѣ и сим подобныя” (далее следует указание на “Предисловие о пользе книг церковных”), а в “Материалах к Российской грамматике” упоминает о “старых словах российских церковных”» [Живов 2017 II: 1039].

просветителе, расширить наши представления об идиолекте образованного представителя русского (и, более того, петербургского) социума середины XVIII в.

2. Актуальность, научная и практическая значимость исследования текста МРГ

2.1. Как представляется, лексикографический анализ материалов личного научного архива М. В. Ломоносова будет полезен для изучения истории лексики и фразеологии русского языка XVIII в. и, следовательно, имеет научную и практическую значимость по следующим причинам: 1) употребление большого числа единичных или редких языковых фактов, *характерных только для этой группы текстов* и абсолютно не представленных в других произведениях М. В. Ломоносова (будет применяться помета «Только в МРГ»). Это, прежде всего, лексические элементы русских диалектов, просторечная и простонародная лексика, т. е. лексика русского народного быта, традиционных верований, ремесел и промыслов (например, *дровни, векша, копна, куженька, ночвы, мерёжа, присушить, шиликун*⁷, «У лѣшихъ лѣва пола наверьху, тѣни нѣтъ» [Ломоносов 1952: 618] и мн. др.); 2) оценочная лексика: *чистоплюй, молокосос, вертопрах, воротоглаз, верхогляд* и др.; 3) факты языкового новаторства М. В. Ломоносова [см. Волков, Карева 2018: 537]); 4) разнообразные устойчивые словосочетания — пословицы, поговорки, сравнения и пр., например, *чуру не знать, на воздух говорить, приказал долго жить, из рук кормить, живот надрывать, точь в точь, беду проспать, как в воду канул, как лютый лев; как свят 'клятва', хоть бай не бай, а денги дай*; 5) большое число разнообразных этнонимов и этнохоронимов (*аглинчанин, персиянин, хилианец, лопарь, ярославец, олончанин, тверитин, вологженин, туляк, поморец, куроостровец; мурин, арап, эфиоп* и пр.); 6) рефлексии М. В. Ломоносова по поводу тех или иных

⁷ Н. И. Толстой считал черновые наброски и заметки по русской мифологии, которые входят в корпус МРГ, «еще недостаточно исследованными» [Толстой 1995: 270].

явлений языковой нормы русского языка середины XVIII в. (см., например, на л. 6 об.: «мерзну, мерзнешь или мержеешь не знаю» или на л. 11 об.: «Ячмень — которого рода?»); 7) многочисленные языковые варианты (*кудель* и *куделя* и мн. др.), парадигмы форм различных языковых единиц, ударения в словах и в словоформах, правила чтения и произношения (см. «Б какъ п передъ л: рубль — rурl, храбрь — chrapr»), отражение фактов редукции и особенностей живого русского произношения того времени (см. на л. 7 об.: «Изъ журнала isëgjurnalа. Исъ чего чит[ается] ищего»; также «Говорятъ жжался, а не жжался», «Сшибка чит[ается] шшибка; жжимаю ч[итається] жжимаю», «Plodsemnoi, non v[er]o plotsemnoi» [Ломоносов 1952: 609, 623, 629] и многое другое. Для исследователей идиолекта и идиостиля М. В. Ломоносова очень важен тот факт, что языковой материал МРГ отличается от языкового материала текстов, составляющих Академическое полное собрание сочинений Ломоносова (1950–1983), так как тексты МРГ, благодаря принципиальной позиции редакционной коллегии, не были модернизированы и, таким образом, позволяют современным исследователям наблюдать *подлинную* графику, орфографию, морфологию и пр. М. В. Ломоносова: так, хотя в «Российской грамматике» Ломоносов не включил в российскую азбуку буквы ѝ «кси» и џ «пси» [Ломоносов 1755: 41–42], тем не менее МРГ показывают, что название города *Алексин* (*совр.* Тульская область РФ), он всё-таки традиционно писал как *Алеѝинъ*, притяжательное прилагательное от имени *Алексей* — как *Алеѝевъ*, а название книги Ветхого Завета — как *џалтырь* [Ломоносов 1952: 620; 638; 647]. Кроме того, это все-таки «Материалы к Российской грамматике», поэтому записи М. В. Ломоносова предоставляют современному исследователю разнообразный материал для наблюдений над формированием корпуса русской филологической терминологии и, шире, терминологии гуманитарных наук. Впервые в этом тексте, например, появляется рассуждение Ломоносова о *диалектах* русского языка и о *штилях*: их не три, как все привыкли, а еще пять: *Штиль раздѣлить на риторической, на пиитической,*

гисторической, дидакалической, простой [Ломоносов 1952: 609]; о глагольной терминологии в МРГ см. [Карева 2011].

2.2. Работа с текстом МРГ позволяет реконструировать некоторые неизвестные страницы биографии М. В. Ломоносова. Например, на обороте л. 19 Ломоносов записывает: «У Спаса в Чигасах» [Ломоносов 1952: 625]: можно предположить, что Ломоносов во время обучения в Славяно-греко-латинской академии в Москве бывал по каким-то своим делам в Таганской слободе за Яузой и знал о существовании церкви Спаса Всемилоостивого в Чигасах, которая находилась на территории между современными Третьим и Пятым Котельническими переулками (этот культурный объект утрачен, как и многие другие, в конце 20-х годов XX в.).

2.3. Характерной чертой идиолекта М. В. Ломоносова является мультилингвизм, многочисленные факты перемены кодов и смешения разных языковых стихий. Тексты М. В. Ломоносова на иностранных языках ранее практически не были объектом лингвистического и историко-культурного исследования: документы его личного архива представляют для этого особенно интересный и познавательный материал, так как содержат записи на латинском, немецком, французском, итальянском, греческом языках. Более того, латинский и немецкий языки выступают в качестве своеобразного «метаязыка» МРГ, объясняя или интерпретируя русский текст, например, на л. 13: «Изъ недѣли въ недѣлю — alle Wochen einmahl; Отъ недѣли за недѣлю перекладывать. Von einer Woche auf die andere verschieben»; «Стремглавъ — gestürzt» [Ломоносов 1952: 614; 628]. Не менее интересными являются записи Ломоносовым русской речи иностранцев, отражающие специфическую мультикультурную и мультиязыковую среду Санкт-Петербурга середины XVIII столетия.

3. Структура словаря, метаязык, словник. Словарная статья

3.1. Казалось бы, материалы личного архива Ломоносова, сохранившие до нашего времени особые черты его идиолекта, должны стать одним из источников «Словаря языка М. В. Ломоносова»,

тем более, что лексический массив этого источника уже оцифрован и получил предсловарную обработку в виде электронной базы данных в формате Excel, см., например,

ДИАЛЕКТ:

Лемма	Словоформа	Контекст	Стр.
ДИАЛЕКТ	діалектахъ	О діалектахъ російськихъ	606
ДИАЛЕКТ	діалектахъ	О діалектахъ	608
ДИАЛЕКТ	діалекта	Російской языкъ главно можно раздѣлить на три діалекта	608
ДИАЛЕКТ	діалектахъ	въ присовокупленіи о діалектахъ перемѣнахъ и діалектахъ російскаго языка	608
ДИАЛЕКТ	діалектахъ	тщаніе, тшчаніе. слянія и діалекты	598

Однако следует признать, что словарная статья к лексическим материалам из МРГ в некоторых случаях будет выглядеть в общем корпусе «Словаря языка Ломоносова», мягко скажем, как *albus corvus*, и, как представляется, потребует применения особых метаязыковых средств. Прежде всего, составителям и редакторам придётся столкнуться с таким необычным и странным для любого словаря явлением, как «пустая» словарная статья. Речь идёт о единичных или низкочастотных лексических единицах, которые употребляются только в этом тексте Ломоносова (пример статьи к слову **ГОЛОМЯ** см. в Приложении)⁸. Во-вторых, большое количество народно-просторечной и диалектной лексики в МРГ требует специального

⁸ Совершенно неясно, с какой целью Ломоносов записал на полях рукописи это слово; возможно, он в тот момент размышлял над существительными среднего рода на -мя или существительными, не имеющими форм множественного числа, ср. запись на этом же листе (л. 26 об.) «Тѣмя не имѣеть множ.» [Ломоносов 1952: 637]. Слово может быть также связано с какими-то ностальгическими воспоминаниями о юности на русском Севере и о морских походах с отцом. Слово это было Ломоносову чем-то важно, хотя и оказалось единичным элементом его идиолекта.

объяснительного, «реального» комментария, а следовательно, и «переформатирования» справочного отдела — обязательной зоны словарной статьи в «Словаре языка М. В. Ломоносова», т. е. дополнительного включения в справочный отдел данных основных русских диалектных словарей, демонстрирующих «панораму» употребления того или иного диалектного слова — хотя бы «Словаря русских народных говоров», «Архангельского областного словаря», «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого, словаря «Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор» А. Н. Грандилевского и справочника «Русские говоры Беломорья» С. А. Мызникова, словаря В. И. Даля и пр., ведь многие из этих диалектных слов по понятным причинам отсутствуют в «Словаре Академии Российской», «Словаре русского языка XVIII века» и т. д. Включение в справочный отдел словарных статей, лексикографирующих лексику МРГ, ссылок на научную литературу тоже в некоторых случаях следует считать целесообразным (см. в качестве примера пробную словарную статью **ШИЛИКУН** в Приложении). Это значит, что в «Словаре языка Ломоносова» система словарного описания и, соответственно, модель словарной статьи, которой следует быть единой для всего словаря, неизбежно будут варьироваться. В-третьих, относительно слов в списках и перечислениях (т. е. в так называемых темных, недифференцированных контекстах) не всегда существует возможность точного установления семантики, и, следовательно, весьма сомнительна достоверность её последующего словарного представления. Например, гапакс **БЕРЛИН** (единственное употребление во *всех* текстах Ломоносова) в примере из МРГ «Берегъ, **берлинь**, бѣсь, близнецъ, блинь, блокъ, блудъ, бобъ, барсукъ, богъ, бояринъ, бокъ, болванъ, боръ, боршъ, бракъ, братъ, брусъ, бубень, **буторъ**, бунтъ, букъ, буравъ, бусарманъ, быть [Ломоносов 1952: 637], в котором грамматика явно доминирует над семантикой, может получить только «предположительное» и, соответственно, снабженное в плане

метаязыка хедж-маркерами⁹ толкование ‘возможно: двухместная карета с крытым кузовом и вертикальными рессорами’. Вот еще яркий пример: гапак **ЗАВАРЗАЙ** в вертикальном перечне существительных мужского рода второго склонения [Ломоносов 1757: 68] на *-й* «...чай, малахай, заусай, **заварзай**, край, легистай, краснойбай...» [Ломоносов 1952: 677]: ‘вероятно: неряха, неряшливый человек’¹⁰, поскольку можно только предполагать, что Ломоносов, собственно говоря, имел в виду. Далее, отметим особый разряд лексических единиц, отражающих в МРГ «скрытые рефлексии автора» (термин В. П. Григорьева): вычеркнутые самим Ломоносовым слова, дважды зачеркнутые слова, слова на полях, а также слова, которые отмечены любимым знаком Ломоносова *NB* и проч., например: «Небось! *Adverbium* <зачёркнуто Ломоносовым — *C. B.*>. *Interjectio. Courage!* <зачёркнуто Ломоносовым — *C. B.*>» [Ломоносов 1952: 613]; «*NB. NB. NB. Пиши онъ, mandativus modus*» [Ломоносов 1952: 691].

3.2. Уникальная информация для русской исторической морфологии и лексикологии, содержащиеся в МРГ, необычная судьба самого источника, важность МРГ для понимания становления лингвистических концепций в русской науке XVIII в., малая изученность лексики и фразеологии МРГ, возможно, являются достаточным основанием для того, чтобы поставить вопрос об особом «отношении» к лексикографическому описанию лексического массива МРГ. Таким особым «отношением», допустим, может стать его словарная разработка с помощью отдельного экспериментального авторского исторического словаря (пусть даже *регистрирующего*, а не объяснительного типа) одного текста Ломоносова, входящего в серию словарей, объединенных исследовательским и лексикографическим проектом «Словарь языка М. В. Ломоносова», тем более, что словари одного произведения или группы

⁹ Хедж-маркеры как бы «страхуют» ответственность говорящего за неверность высказывания [Горина, Храброва 2017: 44].

¹⁰ Ср. ЗАВАРЗАЙКА ‘неряшливая, неопрятная женщина’ [СРНГ 9: 296].

текстов единого жанра давно не являются чем-либо новым и экзотическим. Они уже хорошо известны современной авторской лексикографии. Это, например, словарь «Язык писем М. В. Ломоносова» (Казань, 2008), «Словарь языка комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”» (Москва, 2007), подготовленный лексикографами Межкафедрального словарного кабинета СПбГУ словарь «Моление Даниила Заточника» (Ленинград, 1981; переиздание Санкт-Петербург, 2008), книга Т. Е. Абрамзон «“Письмо о пользе стекла” М. В. Ломоносова» (Москва, 2010) и многие другие.

3.3. С точки зрения словника такой словарь будет включать *апеллятивную* и *онимическую* (топонимы и антропонимы) лексику, а с точки зрения списка заголовочных слов — лексику русскую, латинскую, немецкую, итальянскую, французскую, греческую. Соответственно сказанному, словарь будет иметь три раздела — русскую алфавитную или «входную» часть, латинскую алфавитную часть и греческую алфавитную часть (к счастью, Ломоносов не записал числительные на китайском и готтентотском (!) языках, хотя предполагал это сделать и даже оставил свободное место в подготовленной им таблице [Ломоносов 1952: 652]). Следовательно, он будет одновременно и историческим толковым, и переводным словарем, и, одновременно с этим, будет выполнять роль полезного для всех специалистов по словесной культуре XVIII в. помощника-словоуказателя. В целях описания такого сложного и неоднородного материала необходимо будет усложнить метаязык словарной статьи, например, ввести новые специальные пометы, например: *в примерах, в списке, в перечислении, на полях, отмечено «нотабене», зачеркнуто Ломоносовым, исправлено Ломоносовым* и проч. (пробные словарные статьи см. в Приложении).

3.4. Специфика лексического материала МРГ обуславливает и специфику словарной статьи. Помимо традиционных зон или структурных частей словарной статьи (заголовочное слово, краткая грамматическая характеристика, необходимые пометы, толкование, примеры употребления, устойчивые сочетания и фразеология, справочный отдел и пр.), в нее могут дополнительно быть

включены: 1) раздел, в котором будут даваться цитаты-иллюстрации из других произведений М. В. Ломоносова (вводится в тексте статьи с помощью знака + «плюс»), подтверждающие, конкретизирующие или дополняющие семантическую характеристику заголовочной единицы (лексическая или фразеологическая единица МРГ на общем фоне идиолекта Ломоносова); 2) специальный редакторский комментарий (вводится с помощью знака *≠*, включающий иллюстрации из текстов XVIII и XIX вв. и служащий установлению статуса заголовочного слова, особенно для маркированных слов, зачеркнутых слов или слов, правильность прочтения которых при подготовке текста архива Ломоносова к печати в 50-е годы прошлого века вызывает сомнения); 3) раздел, в который будут «изолироваться» материалы «конспекта Смотрицкого» — всё-таки следует признать, что эти тексты написаны *не* Ломоносовым. Об особенностях справочного отдела мы уже кратко писали выше.

Заключение

Экспериментальный словарь «Материалов к Российской грамматике» мог бы отвечать двум главным особенностям идиолекта М. В. Ломоносова — его мультилингвизму и энциклопедизму, он мог бы одновременно интегрировать в своем словнике русскую и иноязычную лексику, а заодно и устранить некоторые недостатки изданий 1952 и 2011 гг., наиболее досадным из которых является, безусловно, «механическая», без каких-либо принципиальных изменений и дополнений, публикация в «исправленном и дополненном» издании 2011 г. справочных материалов («Материалы для толкования устаревших слов» [Ломоносов 2011: 836–855]), подготовленных В. Н. Макеевой почти 70 (!) лет назад для издания 1952 г. и, следовательно, не соответствующих современной научной парадигме, так как они не учитывают значимые и актуальные для такого справочника материалы крупнейших

современных лексикографических проектов — «Словаря русского языка XVIII века», «Словаря русских народных говоров», «Архангельского областного словаря», «Национального корпуса русского языка» и, конечно, других. Надеемся, что «Словарь “Материалов к Российской грамматике” М. В. Ломоносова» (название рабочее) сможет хотя бы отчасти восполнить эту лауну в описании творческого наследия выдающегося деятеля русского Просвещения. Ясно одно: будет много трудностей, преодолевать которые придется метаязыковыми средствами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пробные словарные статьи

ГОЛОМЯ (1), *ср.*

— *Арх. Морск.* Только в МРГ: открытое море; далекая от берега часть моря (?).

Голомя (7: 637).

✍ Карбас, отъехав в голомя, то есть далеко от берега, кидает якорь (Лепехин IV: 23). Голомя значить у Поморцовъ отдаленіе въ море (Озерецковский, 175). Нам пришлось выйти в океан довольно далеко или, как говорят поморы, «в голомя», в открытое море, для того, чтоб обогнуть самый характерный в геологическом отношении остров Кильдин (Константин Случевский. Поездки по Северу России).

— **Справ.** голомя́, *речение простонар.*, голомя́нной САР¹ I: 187; САР² I: 1169; голомя́, голомя́нный, *ср., обл.* Сл. 1847 1: 274; голомя́, голоменный, *м., обл.* Сл. РЯ XVIII в. 5: 157; СРНГ 6: 321; АОС 9: 264.

ИВЕРЕНЬ (6), *м.*

— *Небольшая часть, отделившаяся, отлетевшая от какого-л. твердого тела; осколок, отщепок.*

Корень, кореня, иверень, иверня (7, 632). В списке слов. Иверень, рня (7, 712).

+ В «Изъяснениях, надлежащих к слову о электрических воздушных явлениях» (1753): При сем сообщается профиль оных сеней, где убит профессор Рихман [фиг. 6]. В h стоял он, голова его была против g, в m стоял мастер Соколов. В с вырван из двери иверень и вскинут в d; ab — оторванная часть ободверины (3, 101). В «Первых основаниях металлургии»: Работники, которые к разбиванию крупных руд приставлены, надевают на ноги толстые кожаные или и берестяные штиблеты, чтобы иверни, которые от руд отпрядывают, ног и берцов не повредили (5, 486).

— **Справ.** САР¹ III: 179; Сл. 1847 I: 99; Дилакторский 175; СРНГ 12: 58; Слов. Русск. говоров Карелии 2: 263; Сл. РЯ XVIII в. 8: 242.

КУРОСТРОВ (4), м.

— *Остров в нижнем течении реки Северной Двины (совр. Холмогорский район Архангельской области РФ), на котором находилась деревня Денисовка (совр. село Ломоносова) — малая родина М. В. Ломоносова.*

Городы, отъ рѣкъ имена имѣющіе, къ вопросу гдѣ принимаютъ падежь на. Ехсіре: в Колѣ, въ Поноѣ, въ Золотицѣ. ... На Покровкѣ. Въ Пушкаряхъ. На Куростровѣ (7, 624). Имена собственныя рѣкъ, городовъ и сель, а особливо отечественныя, имѣють въ родительномъ а: Волховъ, Волхова; Днѣпръ, пра; Кіевъ, ва; Володимеръ, ра; Можайскъ, ска; Тоболскъ, ска; ~~Куростровъ, ва~~; Алеѣзинъ, на; Порховъ, ва; Нѣжинъ, на; Куростровъ, ва. Вычитай: Донъ, у (7, 647).

+ В «Российской грамматике» (1757), § 572–573: Имена городов, по рекам проименованных, полагаются в предложном падеже с предлогом на: на Дону жить прохладно, на Москвѣ — весело. Сему последуют имена улиц, гор, полей, морей, островов: живеть на Покровкѣ, гульбище на трехъ горахъ, на Дѣвичьемъ полѣ, на Куростровѣ, буря была на Каспійскомъ морѣ (7, 575).

КУРООСТРОВЕЦ (1), м.

— В таблице названий населенных пунктов и производных от них названий жителей этой местности или населённого пункта.

Холмогорець. Колянинъ. Тулякъ. Поволець. Куростровецъ (7, 638).

У С. В. Максимова: Куростровцы — круглые земляки знаменитого Ломоносова — издревле гончары. Еще до Петра по Двине «не боги горшки обваривали, а все те ж куростровцы» (Максимов С. В. Год на Севере, 1859).

— **Справ.** Куростр^овцы — жители Куростровского селения в Холм. уезде, занимающиеся преимущественно гончарством. О них поговорка: не боги горшки-то обваривают, а теж Куростровцы (Подвысоцкий 79).

ПРЕДЛОГ (14), м.

— **Грамм.** Служебная часть речи (слова), которая употребляется с именами и глаголами; предлоги могут быть слитными (т.е. префиксами) и раздельными.

Сложенныя съ предлогами имена суть нарѣчія, которыхъ предлоги не съ своимъ падежемъ положены или имена сами безъ предлоговъ неупотребительны, н. п.: вдругъ, ~~вмѣстѣ~~, вмѣстѣ, .. впрямь, вдоль, сверхъ, вплоть (7, 611). Вступленіе о грамматикѣ вобщѣ. (далее зачеркнуто Ломоносовым.) Глава 1. О чтении. Глава 2. О имени и 3. О глаголѣ. О мѣст[оимении]. 4. О глаголѣ и причастиі. 5. О предлогахъ. 6. О нарѣчіяхъ (7, 611). Съ когда значить подобень полагается съ винительнымъ падежемъ: онъ зъ дубъ. NB. Сего смотри и при протчихъ предлогахъ (7, 617). Снаружи кажется, бутгобы издвухъ предлоговъ и имени, однако слово наружъ не имѣеть никакого знаменованія, и сіе есть третіе правило для различенія нарѣчій отъ именъ съ пре[д]логами (7, 633). Сложенныя <глаголы> составляются 1) изъ имени и глагола: н.п. благодарю, 2) изъ мѣстоименія и глагола: н.п. своевольствую. 3) изъ нарѣчія и имени и глагола: н.п. прекословлю, несмотрю, 4) изъ одного предлога и глагола: н.п. отдаю, прославляю, 5) изъ двухъ

предлоговъ и глагола: какъ преодѣваю, 6) изъ трехъ предлоговъ и глагола: разопредѣляю, 7) изъ предлога, имени и глагола: н.п. обоготворяю, отреноживаю, оживотворяю (7, 680). Черезъ сложение съ предлогами получаютъ времена часто новыя знаменованія и большую силу, о чемъ ниже сего пространно показано будетъ (7, 681). Въ пятые, раздѣляются <еще> глаголы на простыя и сложенные. Простыя состоятъ безъ предлога, напр., даю; сложенные составляю имѣютъ на переди соединенной съ собою предлогъ одинъ, н. п.: отношу, или два, н. п.: преодѣваю, или три, н. п.: разопредѣляю, или имя, н. п.: благодарю, или предлогъ и имя, н. п.: обоготворяю, отреноживаю, (7, 699).

+ В конспекте «Грамматики М. Смотрицкого» анонимного «помощника» Ломоносова: Предлогъ есть часть слова нескланяемая, но предполагаемая другимъ частямъ (7, 755). Въ Россійскомъ языкѣ предлоговъ числомъ есть двѣнадцать <?>: у, от, из или съ, во, со, на, над, о или об, по, под, пред, при, до, ко, за, вос, нис, рас, пре, про (7, 755). Ср.: в «Грамматике 1648 г.»: Предлогъ, есть часть слова нескланяемая, инымъ слова частемъ сложнѣ и сочинительнѣ предлагаемая. Всехъ предлогъ есть двадесять, у, от, из, или съ, во, со, на, над, о или об, по, под, пред, при, до, ко, за, вос, нис, рас, пре, про (Гр. 1648: 313).

— **Справ.** ЛП 36; САР² V: 171; Сл. 1847 III: 429; БАС 11: 127.

ПОБЫТ (4), м.

— Только в МРГ. Порядок, последовательность, образ действий.

Побыть, побытомъ (7, 625). Побытомъ (7, 675).

⌘ Какимъ побытомъ. Какимъ образом, порядком (7, 625).

— **Справ.** Даль III 140; СРНГ 27: 212 побыт, побытом Пинеж., Арх.; Подвысоцкий 124; Сл. РЯ XVIII в. 20: 86; БАС³ 17: 189 устар. и обл.

ШИЛИКУН (4), м.

— **Мифол.** Только в МРГ: на Русском Севере — вредоносный сезонный демон, связанный со стихией воды.

Лъшей, полудница, шиликунъ, водяной, домовой, бука, не жить, кикимора, яга баба, обмѣны — вспоматовать всѣ ихъ дѣйствія (7, 618). В таблице мифонимов. Шиликунъ (7, 709). В перечне существительных мужского рода: .. шелк, у, шелоникъ, шершень, шня, шиликунъ, шишакъ, а, шкапъ, а (7, 718).

✍ К числу типичных сезонных демонов севернорусских поверий можно отнести шуликунов, которые целыми ватагами выходят из воды в канун Рождества, а после Крещенья снова исчезают в воде. Эти маленького роста остроголовые вредоносные духи проникали в дома и хозяйственные постройки, похищали продукты, оставленные без благословения, крали недопряденную пряжу, проказили, пугали на улице прохожих [Виноградова 2000: 101].

— **Справ.** Даль IV 652; Подвысоцкий 194; Толстой 1995: 270–280; Черепанова 1996: 97–99.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будилович 1869 — Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог: С прил., содержащими материалы для объясн. его соч. по теории яз. и словесности. СПб., 1869.
2. Будилович 1871 — Будилович А. С. Ломоносов как писатель: сб. материалов для рассмотрения авт. деятельности Ломоносова. СПб., 1871.
3. Волков 2019 — Волков С. С. Восточнославянские теонимы в текстах М. В. Ломоносова // Литературная культура России XVIII века. Вып. 8 / под ред. П. Е. Бухаркина и Е. М. Матвеева. СПб.: Геликон плюс, 2019. С. 120–139.
4. Волков 2019а — Волков С. С. Древ и трав великолепие, красота цветов и плодов изобилие (заметки о фитонимах в текстах М. В. Ломоносова) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. Отв. ред. С. А. Мызников. СПб., 2019. С. 214–232.
5. Волков, Карева 2018 — Волков С. С., Карева Н. В. «Материалы к Российской грамматике» М. В. Ломоносова как источник сведений для истории русского языка XVIII века // Серия Ad Fontes (Материалы и исследования по истории науки. Вып. 14). Миллеровские чтения — 2018. Преимственность и традиции в сохранении и изучении

- документального академического наследия. Материалы II Международной научной конференции 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 531–539.
6. Грамматика 1648 — Грамматика 1648 г. Предисловие, научный комментарий, подготовка текста и составление указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007.
 7. Горина, Храброва 2017 — *Горина О. Г., Храброва В. Е.* Лингвистический хеджинг как коммуникативная структура (в русле корпусных исследований) // Вестник Новосибирского гос. университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. С. 44–53.
 8. Живов 2004 — *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
 9. Живов 2017 — *Живов В. М.* История языка русской письменности: в 2 т. М., 2017.
 10. Карева, Кузнецова 2020 — *Карева Н. В., Кузнецова Н. А.* Стихотворческие и грамматические фигуры в «Материалах к Российской грамматике» М. В. Ломоносова // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXIV. СПб., 2020. С. 768–784.
 11. Карева, Пивоваров 2019 — *Карева Н. В., Пивоваров Е. Г.* К истории создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова: хронология, варианты, сотрудники // *Slověne*. 2019. № 2. С. 215–233.
 12. Карева 2011 — *Карева Н. В.* Наименования глагольных категорий в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
 13. Колчинский 2016 — *Колчинский Э. И.* Второе издание полного собрания сочинений М. В. Ломоносова: обычная история с необычным концом // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. Вып. 2. СПб, 2016. С. 156–169.
 14. Колчинский 2017 — *Колчинский Э. И.* К пятилетию выхода в свет второго издания «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 1. С. 94–115.
 15. Кулябко, Бешенковский 1975 — *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975.
 16. Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* Материалы к Российской грамматике // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 595–760.
 17. Ломоносов 2011 — *Ломоносов М. В.* Материалы к Российской грамматике // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в 10 т. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Наука, 2011. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758. М.; СПб., 2011. С. 475–616.

18. Ломоносов 1959 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
19. Ломоносов 1755 — *Ломоносов М. В.* Российская грамматика Михайла Ломоносова. СПб., 1755.
20. Сорокин 1949 — *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. I. М.; Л., 1949. С. 95–160.
21. Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Шуликуны // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 270–280.
22. Черепанова 1996 — *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

S. Volkov. About the Dictionary to M. V. Lomonosov's «Materials for Russian Grammar»

Keywords: M. V. Lomonosov, grammar, vocabulary, 18th century, dictionary.

The article provides a description of problems, related to the compiling of the author's historical dictionary, the object of which will be the documents of the personal scientific archive of M. V. Lomonosov, better known as «Materials for Russian grammar» (1744–1757) — an important source for the study of the vocabulary of the 18th century Russian language. The relevance and novelty of this new scientific project, the main objectives of which will be the study of dialect and vernacular vocabulary in the idiolect of M. V. Lomonosov, are substantiated.

СОЮЗЫ В «МАТЕРИАЛАХ К РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ»

Ключевые слова: союзы, Ломоносов, Смотрицкий, грамматика, классификация, терминология, XVIII в., «Российская грамматика», «Материалы к Российской грамматике».

Статья представляет собой подробный комментарий к разделу о союзах в «Материалах к Российской грамматике». Рассматривается выработанная еще в античности и частично сохранившаяся в грамматиках Нового времени схема описания этой части речи. Основным источником раздела о союзах в «Материалах» является грамматика Мелетия Смотрицкого; ее текст, однако, был подвергнут значимым модификациям, которые заключались как в отдельных терминологических заменах, так и в полном переосмыслении ряда грамматических категорий.

В 1987 г. вышла статья Х. Кайперта «Traditionsprobleme im grammatischen Fachwortschatz des Russischen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts» [Keipert 1987], в которой рассматривались славяноязычные грамматики XVI–XVIII вв. и представленные в них семантические классификации союзов. Особое внимание было уделено «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Предпринятый Х. Кайпертом сопоставительный анализ номинаций показал, что ломоносовская терминология сформировалась под влиянием переводных и оригинальных учебных руководств на русском и немецком языках, созданных в Академии наук в 1730–1740-е годы, а также церковно-славянской традиции и в первую очередь — трактата Мелетия Смотрицкого «Грамматики словенския правильное синтаagma» (1619).

* Карева Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: natasha.titova@gmail.com.

** Кузнецова Наталья Андреевна, лаборант ИЛИ РАН. Электронная почта: ku02@yandex.ru.

Фундаментальная статья Х. Кайперта послужила отправной точкой для нашего исследования. Мы обратились к фрагменту о союзах в «Материалах к Российской грамматике», так как этот источник был исследован Х. Кайпертом лишь частично. Последовательно комментируя текст, мы стремились выявить, какая грамматическая традиция стояла за каждой из его формулировок. Для этого в качестве сопоставительного материала были привлечены так называемые грамматики Академической гимназии (учебники И. В. Пауса, М. Шванвица, В. Е. Адодурова, В. И. Лебедева, В. Е. Теплова), грамматика Смотрицкого, европейские трактаты о языке XV–XVIII вв. (грамматики К. Ласкариса, М. Альвара, А. Арно и К. Лансло, И. К. Готтшеда), латинские и греческие трактаты Э. Доната, Присциана и Дионисия Фракийского.

Следует отметить своеобразие нашего основного источника — «Материалов к Российской грамматике». Публикация в 7 т. собрания сочинений Ломоносова [Ломоносов 1752: 595–760] была осуществлена по рукописи, хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 20. Оп. 1. № 5). Эта рукопись, вернее, — коллекция рукописных материалов — была сформирована после смерти Ломоносова; в нее вошли тексты, относящиеся к словесным наукам. Документы отбирались по тематическому принципу, и хронологически разнородные материалы оказались объединены [Кулябко, Бешенковский 1975: 89–102; Волков, Карева 2018]. Вместе с ломоносовскими заметками в «Материалы» попали также листы с записями, сделанными рукой неизвестного лица [Ломоносов 1952: 709–759]. Как было указано при публикации, кто-то помогал Ломоносову систематизировать языковой материал [Ломоносов 1752: 908] — возможно, записывал под его диктовку. Об участии самого Ломоносова в этой работе свидетельствуют сделанные им на полях многочисленные пометы. Имя «помощника» Ломоносова до сих пор не установлено (о некоторых версиях см. [Карева, Пивоваров 2019: 204–205]). При этом нужно отметить, что написанные его почерком разделы о местоимении, наречии, предлоге,

союзе, междометии являются законченными микротекстами. Они дают возможность представить, от какой модели отталкивался Ломоносов, разрабатывая свою концепцию грамматического описания, и на какие источники ориентировался.

1. Терминология и схема грамматического описания

При публикации в Академическом полном собрании В. Н. Маеева охарактеризовала заметки «помощника» Ломоносова как переложение на русский язык грамматики Смотрицкого [Ломоносов 1952: 908]. Позже Х. Кайперт отметил, что использованные в «Материалах к Российской грамматике» наименования *сопрягательное, разделительное, сослагательное, винословное, недоуметельное*, обозначающие семантические классы союзов, восходят к «Грамматике словенския правильное синтагма» [Keipert 1987: 264].

Но не только общая терминология свидетельствует о зависимости одного текста от другого. В обоих источниках мы видим одну и ту же схему подачи грамматического материала. Сначала дается определение союза и перечисляются его признаки — *начертание, знаменованье, порядок* (Смотрицкий использует термин *чин*); далее последовательно раскрывается каждый из них — союзы классифицируются по формальной структуре, семантическим свойствам и позиции в предложении.

Схема описания союза, состоящая из определения, перечисления трех признаков и типологии согласно каждому из них, была выработана еще в античности и позже воспринята грамматикографией Средневековья и Раннего Нового времени. Невозможно указать, в какой именно момент этот канон сложился окончательно, однако в ключевых для истории европейской грамматической мысли трудах — «*Institutiones Grammaticae*» Присциана (VI в.), «*Ars maior*» и «*Ars minor*» Элия Доната (IV в.) — союзы описываются именно так.

Охарактеризуем разделы этой схемы, отталкиваясь от текста «Материалов».

2. Определение союза

Раздел о союзе в «Материалах к Российской грамматике» начинается с определения:

«Союзъ есть частица (*зачеркнуто* часть слова) нескланяемая, иныя части слова пристойно между собою въ рѣчи совокупающая» [Ломоносов 1752: 756].

Формулировка близка определению Смотрицкого, которое, в свою очередь, является почти дословным переводом определения из грамматики К. Ласкариса¹ (1476).

«Союзъ / есть часть слова нескланяемая / иныя слова части чиновна в разум связующая» [Кузьминова, Ремнева 2000: 387];

«Σύνδεσμός ἔστι μέρος λόγου ἄκλιτον, συνδέον τὰ ἄλλα μέρη τοῦ λόγου εἰς διάνοιαν μετὰ τάξεως» [Lascaris 1476: л. 50 об.] («Союз — часть слова несклоняемая, связывающая остальные части речи в предложение по порядку» — *здесь и далее пер. авт.*).

Начиная с античности существовало несколько вариантов определения союза². Мы кратко охарактеризуем те из них, которые, как мы предполагаем, отразились в цитируемом выше тексте из «Материалов».

Первый вариант определения был выработан стоиками, а именно — Диогеном Вавилонским (ок. 240–140 гг. до н. э.) (см. о нем:

¹ Об источниках раздела о союзах в грамматике Смотрицкого см. [Kosiuba 1975: 284–298; Колесов 1991: 226]. Один из них — греческая грамматика Константина Ласкариса (1434–1501, см. о нем [Sandys 1908: 76–78]) — вышла первым изданием в Милане в 1476 г. Мы пользовались отсканированной версией этой книги, опубликованной на сайте www.archive.org. Страницы в этом издании не нумерованы, мы ссылаемся на присутствующую в сканированной версии карандашную нумерацию листов. Помимо влияния на Смотрицкого, учебник Ласкариса лег в основу так называемых малой и пространной грамматик братьев Лихудов [Мечковская 1984: 52; Рамазанова 2015: 44–46].

² Подробнее о союзе в античных грамматиках см. [Schoemann 1862: 204–214; de Kreij [s.a.]; Colombat 2013; Swiggers, Wouters 2015]. Одна из ключевых работ — [Swiggers, Wouters 1997] — к сожалению, была нам недоступна.

[Столяров 2008a]). Отличительной чертой этой дефиниции является указание на то, что союз связывает между собой «части речи»:

«σύνδεσμος δὲ ἐστὶ μέρος λόγου ἄπτωτον, συνδοῦν τὰ μέρη τοῦ λόγου» (Diog. Laert. Vit. philos. 7,58)³ (*пер.* «Союз есть несклоняемая часть речи, связывающая части речи»).

Почти дословный перевод этого определения дает Присциан в «Institutiones Grammaticae»:

«Coniunctio est pars orationis indeclinabilis, coniunctiva aliarum partium orationis» [Keil 1859: 93] (*пер.* «Союз есть несклоняемая часть речи, связывающая другие части речи»).

Второе определение союза было сформулировано под влиянием учения о высказываниях, также разрабатываемого стоиками. Его дает Дионисий Фракийский (род. ок. 166 г. до н. э.)⁴:

«Σύνδεσμός ἐστὶ λέξις συνδέουσα διάνοιαν μετὰ τάξεως καὶ τὸ τῆς ἐρημνείας κειμηλὸς δηλοῦσα» [Uhlig 1883: 86] (*пер.* «Союз — часть речи, связывающая мысль по порядку и проясняющая проречу (букв. «зияние») мысли»⁵).

Как мы видим, согласно этой дефиниции, союз связывает не отдельные слова, а «мысль», и притом «по порядку». Указание на то, что союз — неизменяемая часть речи, отсутствует. Загадочная

³ Комментарий к этому определению см. [de Kreij [s.a.] §16; Swiggers, Wouters 2015: 778–779].

⁴ Дионисий Фракийский — автор первой сохранившейся древнегреческой грамматики «Τέχνη γραμματικὴ». Многие введенные им термины — названия частей речи и т. д. — были усвоены греческой традицией и переведены на латынь и другие языки [Sandys 1908: 1, 137–138]. Подлинность дошедшего в рукописях под именем Дионисия Фракийского трактата составляет предмет не утихающей научной дискуссии [Pagani 2011: 30–37; Swiggers, Wouters 2015: 782–783]. Речь идет либо о тексте Дионисия Фракийского с некоторыми интерполяциями, либо о позднеантичном тексте (III–V вв. н. э.), некоторые части которого восходят к Дионисию. Вопрос об авторстве трактата чрезвычайно важен для истории древнегреческого учения о языке, однако в масштабах европейской грамматической традиции представляется второстепенным — поэтому здесь мы говорим о «Τέχνη γραμματικὴ» как о трактате Дионисия.

⁵ Об этом определении подробнее см. [de Kreij § 54–55].

формулировка о «прорехе мысли» последующей грамматической традицией усвоена не была⁶. А вот первую часть довольно точно повторил Донат:

«Coniunctio est pars orationis adnectens ordinansque sententiam» [Keil 1864: 388; 364] (*пер.* «Союз — часть речи, связывающая и упорядочивающая предложение»).

В таком виде определение использовалось последующими поколениями грамматистов. Формулировку Доната, например, повторил Альвар в «De institutione grammatica» [Alvares 1859: 128] — трактате, хорошо известном в России в первой половине XVIII в. [Карева, Кузнецова 2020: 778–779]. К этой же традиции восходит и дефиниция союза в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова:

«Conjunctiones, wodurch eine Rede mit einander verknüpft wird...» (*пер.* Л. Н. Григорьевой: «Союзы, с помощью которых осуществляется связь в речи...») [Волков, Филиппов (ред.): 178–179].

Указанные два варианта определения довольно рано начали контаминироваться. Это можно заметить, обратившись к процитированным выше дефинициям из грамматик Ласкариса, Смотрицкого и «Материалов». Утверждение, что союз — несклоняемая часть речи, связывающая между собой другие, соотносит их с первым вариантом определения, восходящим к Диогену Вавилонскому и Присциану. Однако указание на то, что союз связывает другие части речи так, чтобы получилась законченная мысль или предложение, восходит к формулировкам Дионисия Фракийского и Доната.

Завершая наш анализ, отметим некоторые нюансы словоупотребления. Как мы помним, союз, согласно определению из «Материалов», — это «частица», другие части речи «пристойно между собою въ рѣчи совокупляющая».

⁶ Мы не берем сейчас в расчет византийскую традицию, на которую трактат Дионисия Фракийского имел большое влияние. Так, у Димитрия Халкокондила [Chalkokondyles 1546: 172] определение союза заканчивается словами «... καὶ τὸ τῆς ἔρμενείας κεληνὸς πληροῦσα» («заполняющая прореху мысли»).

Употребление лексемы *частица* в данном случае обусловлено, по всей видимости, влиянием европейской традиции и ее рецепцией в России. Так, Арно и Лансло в «Grammaire générale et raisonnée» называют союзы *particules* ('частицами') [Arnault, Lancelot 1660: 137]. В грамматике И.-В. Пауса они названы *kleine Wörtgen* ('словечки') [Keipert 2016: 370], в латинской грамматике Лебедева — *частицами* [Лебедев 1746: 242]⁷. А Готтшед называет *Redetheilchen* ('частицами речи') все части речи [Gottsched 1748: 124].

Слово *пристойно* в определении, очевидно, указывает на порядок слов. Этой лексеме соответствует *чиновне* у Смотрицкого, *μετὰ τάξεως* (т. е. 'по порядку') у Дионисия Фракийского и Ласкариса, *ordinans* у Доната и *порядочно* у Шванвица и Теплова [Шванвиц 1730: 345; Шванвиц 1734: 311; Теплов 1752: 173].

Наконец, формулировка «*въ рѣчи совокупающая*» соотносится с «*въ разумъ связующая*» у Смотрицкого, что, в свою очередь, передает «*συνδέων ... εἰς διάνοιαν*» Ласкариса. *Разум* у Смотрицкого значит 'законченная мысль, предложение'. В «Материалах» в этом значении используется лексема *речь*. Такое словоупотребление характерно для идиолекта Ломоносова: под *речью* у него нередко имеется в виду 'высказывание, предложение'.⁸

3. Перечисление свойственных союзу категорий

За определением в «Материалах к Российской грамматике» следует перечисление трех свойственных союзу грамматических признаков:

«Союзу приличествуют начертаніе, знаменованіе и порядокъ» [Ломоносов 1952: 756].

Стандарт описания частей речи, состоящий из определения, списка признаков и их последовательной характеристики, впервые

⁷ *Частицы* у Лебедева соответствуют немецкому *Wörter* в «Compendium grammaticae latinae» — его источнике [Compendium 1773: 188] (нам было доступно только издание 1773 г. этого учебника).

⁸ См., например, в «Кратком руководстве к риторике»: «Повторения знатнейшие виды суть четыре ... 4) когда следующая речь от того же слова начинается, которым первая окончилась» [Ломоносов 1952: 7, 55].

появился у Дионисия Фракийского. Однако при описании союза Дионисий сам не последовал ему. В «Τέχνη γραμματικὴ» глава о союзах содержит только определение и классификацию по значению [Uhlig 1883: 86–100]. Впервые заданный Дионисием стандарт был применен к союзу в латинских грамматиках — например, «Ars minor» и «Ars maior» Доната [Keil 1864: 364–365; 388–389], «Institutiones Grammaticae» Присциана [Keil 1859: 93–105].

Западноевропейская грамматическая традиция Средневековья и Нового времени во многом следовала античной. Главы о союзах в грамматиках новых языков обязательно содержали определение и классификацию по значению (*potestas*). Разделы о формальной структуре (*figura*) и позиции в предложении (*ordo*) часто опускались. Их заменяли экскурсы об особенностях употребления и правописания конкретных союзов, различиях между союзами и другими частями речи и тому подобные частные замечания. Из известных нам грамматик Нового времени — если не брать в расчет переводы античных грамматик на европейские языки — восходящая к Донату и Присциану схема описания союза реализована в полном виде только у Смотрицкого:

«Последуютъ соузови три / Начертаніе: Знаменованіе: и / Чинь» [Кузьмина, Ремнева 2000: 387].

Цитируемый выше фрагмент из «Материалов» с перечислением свойственных союзу категорий, несомненно, следует Смотрицкому — в других известных Ломоносову источниках схема описания была дана в усеченном виде.

Например, в грамматике Альвара союзы классифицировались по значению и по позиции в предложении. Свойственные союзу грамматические признаки Альвар не перечислял. Категория *figura* была общей для всех частей речи [Alvares 1859: 128, 133].

Иную схему описания находим в грамматике Ласкариса. В главе о союзах после определения называются семантические классы союзов и указывается, что этой части речи свойственна категория *σχήμα*, соответствующая лат. *figura* [Lascaris 1476: лл. 50 об.–51].

И.-В. Паус в «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» в главе о союзах дает классификацию союзов по значению и по позиции в предложении. Свойственные союзу категории он не перечисляет, понятие *figura* (*Gestalt*, *начертание*) вводит в главе, посвященной словообразованию [Keipert 2016: 371–372, 202].

Схожее описание союза мы находим в латинской грамматике В. И. Лебедева. В главе о союзе приводится определение, классификация по семантическим свойствам и позиции в предложении; *figura* как отдельная категория не рассматривается [Лебедев 1746: 242–243, см. также Compendium 1773: 188–189].

В «Немецкой грамматике» Шванвица в главе, посвященной союзу, дана классификация по значению. Не указывается, что союзы могут различаться по позиции в предложении. Категория *figura* (*начертание*) раскрывается в главе «О этимологии обще» как свойственная всем частям речи [Шванвиц 1730: 130–132; 344–346; Шванвиц 1734: 70–71; 310–315].

Наконец, в «Новой французской грамматике» В. Е. Теплова дается определение и «разделение» союзов по значению [Теплов 1752: 173–176]; категории, характеризующие формальную структуру слова и его позицию в предложении, не вводятся.

В грамматике Готтшеда в главе о союзах также приводится только определение и классификация союзов по значению [Gottsched 1748: 327–328].

Как и в предыдущем разделе, наш сопоставительный анализ мы хотели бы завершить наблюдениями над словоупотреблением. Формулировка в «Материалах» отличается от формулировки Смотрицкого всего несколькими словами. О замене термина *чин* на термин *порядок* речь пойдет ниже; здесь же мы хотели бы обратить внимание на выбор глагола. Смотрицкий вводит перечисление категориальных признаков следующим образом: «последуют союзови три...»⁹. В «Материалах» эта формулировка изменена

⁹ *Последуют* у Смотрицкого соответствует греческому *παρέπονται* ('следуют' или 'сопровождают'); в латинских грамматиках при перечислении признаков частей речи использовалась глагольная форма *accidunt* (букв. 'случаются').

на «союзу приличествуеть...». Тот же глагол использован в разделе о местоимении:

«Мѣстоименію приличествуютъ слѣдующія свойства: видъ, качество, родъ, число, начертаніе, лице, падежь и склоненіе» [Ломоносов 1752: 747].

Однако в разделе о наречии употреблен другой глагол:

«Нарѣчію приписывать должно видъ, начертаніе, уравненіе и знаменованіе» [Ломоносов 1752: 753].

По всей видимости, «Материалы» отразили попытки модифицировать формулировку Смотрицкого и поиски более подходящего варианта. Выражение «приписывать должно», возможно, появилось под влиянием латинского *attributa* (букв. ‘назначенное’, ‘приписанное’), использовавшегося в соответствующих контекстах, например, у Альвара: см., например, «De accidentibus sive attributis partium orationis» («О признаках частей речи») [Alvares 1859: 129].

4. Начертание

Начертание — первый из рассматриваемых в «Материалах» категориальных признаков союза. В «Материалах» выделяются *простое, сложное и сосложненное начертания* союзов. Эта классификация — а вместе с ней большинство терминов и примеров — были заимствованы из грамматики Смотрицкого:

«Начертаніе можетъ быть простое: *какъ, прежде*; сложное: *прежде нежели* и сосложненное: *прежде нежели какъ*» [Ломоносов 1752: 756];

«Начертанія союза суть три: Простое: *яко / прежде*: Сложное: *яко / прежде даже*: Пресложненное: *яко / прежде даже не*» [Кузьмина, Ремнева 2000: 387].

Заслуживает внимания замена термина *пресложненное начертание* у Смотрицкого на *сосложненное начертание* в «Материалах». Отметим, что в разделе о наречиях *пресложненное начертание* Смотрицкого заменено на другой термин — *сослагательное начертание*:

«Начертанія суть три: простое — *славно*, мудро; сложное — *пре-славно*, *премудро*; сослагательное — *препрославно*, *прелюбомудро*» [Ломоносов 1752: 754];

«Начертанія Наречія суть три: Простое: яко / *славно*. Сложенное: яко / *преславно*. Пресложенное: яко / *препрославно*» [Кузьминова, Ремнева 2000: 383].

Наличие в «Материалах» дублетных наименований *сосоложенное* и *сослагательное начертания* свидетельствует о терминологических поисках, результатом которых стало появление в «Российской грамматике» новации *двуречные союзы*.

При этом к *двуречным* оказался отнесенным союз *прежде нежели*, в «Материалах» классифицируемый как *сложный*. В «Российской грамматике», таким образом, были модифицированы не только термины, но и сами принципы разделения союзов. Чтобы понять, в чем именно заключались изменения, рассмотрим типологию *начертаний* у Смотрицкого, представленную в разделе «О имене», и сопоставим ее с соответствующей классификацией союзов в «Российской грамматике».

В грамматике Смотрицкого *начертание* — это словообразовательная категория, характеризующая степень деривационной сложности лексемы:

«Начертаніе есть / простаго и сложеннаго реченія различіе:

Начертанія суть три: Простое: Сложенное и Пресложенное:

Простое есть / им же имя само о себе без примешенія стоящее познавается: яко, *славный*:

Сложенное есть / им же двома реченма состоящее имя познавается: яко, *преславный*:

Пресложенное есть / им же тремя реченми сложенное имя предлагается: яко, *препрославленный*» [Кузьминова, Ремнева 2000: 169].

При выделении трех типов *начертаний* учитывалось количество «речений» внутри «речения», т. е. знаменательных или служебных слов внутри одного слова. При этом приставки понимались как присоединенные к слову предлоги (т. е. как самостоятельные «речения»), а также учитывалось только количество «речений» внутри слова, а не слитное или раздельное его написание.

В «Российской грамматике» термин *начертание* в значении ‘морфемная структура’ не использовался¹⁰. Однако союзы в соответствии с этим признаком классифицировались следующим образом:

«Союзы суть или простые, как: *прежде, ибо*, или сложенные, как: *ежели, дабы, также*; или двуречные: *прежде нежели, того ради*» [Ломоносов 1952: 552].

Согласно этой классификации, *простыми* назывались союзы, состоящие из одного корня; *сложенными* — из двух корней. Выделение *двуречных* было основано на орфографическом критерии: *двуречные союзы*, по мысли Ломоносова, состоят из двух раздельно написанных слов, также функционирующих как отдельные лексемы. Этот подход, по всей видимости, лучше отвечал нуждам преподавания, чем механический подсчет «речений» у Смотрицкого.

Характеризуя античную традицию, послужившую отправной точкой и для Смотрицкого, и для Ломоносова¹¹, нужно отметить, что многие грамматисты — например, Дионисий Фракийский, Донат и Ласкарис — не определяли категорию *σχημα* или *figura*; ее содержание легко выводилось из приводимых примеров [Uhlig 1883: 29; Lascaris 1476: л. 5; Keil 1864: 365, 377]. Подробную характеристику категории *figura* («начертание») дал Присциан. Он выделил три вида *начертания* — *simplex* («простое»), *composita* («сложенное») и *decomposita* («пресложенное»)¹². Первые два вида

¹⁰ *Начертание* в «Российской грамматике» — это буква. См., например: «Первые отмены действительно голосу сопрягаются, и начертания, или буквы, их изображающие, по справедливости гласными называются» [Ломоносов 1952: 399].

¹¹ О теории словообразования, в том числе о категории *начертания* в античной, немецкой и французской традициях XVII–XIX вв. см. [Kaltz, Leclercq 2015].

¹² При переводе терминов Присциана мы использовали терминологию Смотрицкого, так как наименования *простое* — *сложенное* — *пресложенное* возникли в результате калькирования соответствующих греческих и латинских рядов. Однако нужно отметить существенные различия между *пресложенным начертанием* у Смотрицкого и *figura decomposita* у Присциана, о которых см. далее.

раскрываются через примеры: *simplex* — например, *magnus* (‘великий’); *composita* — например, *magnanimus* (‘великодушный’). Однако важные уточнения содержит определение третьего вида — *figura decomposita*:

«*Decomposita*, quam Graeci *παρασύνθετον* vocant, id est a compositis derivata, ut ‘magnanimitas’, quae rationabiliter separatim accepta est figura a Graecis. neque enim simplex poterit esse, quae a composita derivatur dictione, neque composita, quia, quod suum est compositorum, non habet, id est ut ipsa per se ex diversis componatur dictionibus separatim intellegendis sub uno accentu et unam rem suppositam accipiat, ut est ‘respublica’, ‘iusiurandum’ et alia. <...> si enim dicam ‘magnanimitas compositum est a magno et animitate’, nihil dico, ‘animitas’ enim per se non dicitur. necesse est ergo dicere, quod ‘magnanimus’ quidem compositum est a magno et animo, quae sunt intellegenda per se, a magnanimo autem derivatum est ‘magnanimitas’» [Keil 1855, 177–178].

(пер. «Пресложенное, которое греки называют *παρασύνθετον*, т. е. образованное от сложеного слова, как *великодушие*. Оно разумно выделено греками в отдельное начертание. Ведь не может быть простым речение, которое производится от сложеного речения; и сложеным быть не может, поскольку не обладает свойством сложных речений, а именно, чтобы само по себе речение составлялось из двух отдельно понимаемых речений при одном произношении и принимало одно значение, как например, *respublica* (‘государство’), *iusiurandum* (‘клятва’) и прочее такого рода. <...> ведь если я скажу: «*великодушие* составлено из *великого* (*magnus*) и *души* (*animitas*)», то скажу пустое, ведь *душие* (*animitas*) не говорят отдельно. Следовательно, нужно говорить, что *великодушный* (*magnanimus*) сложено из *великого* (*magnus*) и *души* (*animus*), самостоятельно понимаемых слов; а *великодушие* (*magnanimitas*) — производное от *великодушный* (*magnanimus*)»).

Таким образом, античная традиция знала три вида начертания: (1) *простое*, греч. *σχήμα ἀπλοῦν*; лат. *figura simplex*; (2) *сложенное*, греч. *σχήμα σύνθετον*; лат. *figura composita*; (3) *пресложенное*, греч. *σχήμα παρασύνθετον*; лат. *figura decomposita* [Uhlig 1883: 29; Lascaris 1476: л. 5; Keil 1864: 365, 377]. *Пресложенное* отличалось от *сложеного* тем, что не сводилось к сумме отдельных слов и было образовано от *сложеного*.

Начертание рассматривалось как словообразовательная категория, присущая всем классам слов. Упоминалась она, тем не менее, при характеристике далеко не всех частей речи. Так, у Дионисия Фракийского не указаны виды *начертания* при описании предлогов [Uhlig 1883: 70–72], союзов [Uhlig 1883: 86–100] и артиклей [Uhlig 1883: 61–62]. Кроме того, для некоторых частей речи выделялось не три, а два вида начертания — как, например, у Присциана и Ласкариса для союзов [Lascaris 1476: л. 51; Keil 1859: 92]. В грамматике Смотрицкого два вида начертаний указано для местоимений, а для предлогов не выделено никаких [Кузьмина, Ремнева 2000: 259, 386–387].

Еще в античности рассмотрение категории *начертания* было упрощено. Начиная с Доната, большинство латинских грамматиков стали выделять только *figura simplex* (простое начертание) и *figura composita* (сложенное начертание)¹³. Этот подход унаследовали и большинство грамматиков европейских языков. Нередко *начертание* рассматривалось в отдельной главе как общая для всех классов слов категория и не упоминалось в главах, посвященных каждой части речи отдельно [Alvares 1859: 133; Keipert 2016: 202; Шванвиц 1730: 130–132; 1734: 70–71].

Смотрицкий, таким образом, следовал традиции, выделявшей три вида *начертания* вообще, но для союзов — только два, и распространил выделение третьего класса (*пресложенное начертание*) на описание союзов. При этом сам термин *пресложенное* имел у него несколько иной смысл, нежели *decomposita* у Присциана или *παράσύνθετον* у Дионисия, так как классификация *начертаний* у Смотрицкого была основана на подсчете «речений» внутри союза и не имела дополнительных критериев.

¹³ Альвар, Шванвиц и Паус тоже выделяют только *figura simplex* или *figura composita* [Alvares 1859: 133; Шванвиц 1730: 130–132; Шванвиц 1734: 70–71; Keipert 2016: 202]. О. Кочуба называет только одну новолатинскую грамматику, в которой выделяется *figura decomposita* — «Methodicae grammaticae libri quatuor» Л. И. Урсина (1592) [Kociuba 1975: 173].

Разделение сложных союзов на состоящие из двух и трех речений, очевидно, было избыточным, и в «Материалах» мы видим терминологическую замену (*пресложненное* — на *сосложненное*). По нашему мнению, эта модификация показывает, что уже на подготовительном этапе работы классификация Смотрицкого была подвергнута пересмотру, результатом которого стало выделение в «Российской грамматике» нового класса *двуречных союзов*.

5. Знаменование

Х. Кайперт первым отметил совпадение ряда терминов — *сопргательное, разделительное, сослагательное, винословное и недоуметельное (знаменования)* — в «Материалах» и у Смотрицкого [Ломоносов 1752: 756; Кузьмина, Ремнева 2000: 387–388]. По мнению Х. Кайперта, термин *заключительное знаменование* указывает на другой источник — второе издание «Немецкой грамматики» [Шванвиц 1734: 315]; а наименование *соответственное знаменование* является терминологической новацией «Материалов» [Keipert 1987: 259, 264–265]. Опираясь на наши источники, мы дадим греческие, латинские, немецкие и французские аналоги использованных в «Материалах» терминов, а также прокомментируем те изменения, которые претерпела семантическая классификация союзов от античности до середины XVIII в.

Термин *знаменование* соответствует латинскому *significatio*, нередко обозначавшему семантику частей речи (см., например, в «*Arg minor*» Доната о наречии [Keil 1864: 362]). При описании значений союзов, однако, чаще использовался термин *potestas (vis)*¹⁴.

¹⁴ См., например, у Присциана и Доната [Keil 1859, 93; Keil 1864, 364]. Примеры употребления *potestas* (букв. ‘власть, сила’) в значении ‘семантика слова или текста’, начиная с Цицерона см. [Kamptz 1982: 312.45–313.28]. Некоторые примеры показывают, что в этом значении термины *potestas, significatio* и *vis* употреблялись как синонимы. Например, Присциан, говоря о значении предлогов, употреблял все три слова [Keil 1859, 35], а Сергей в комментарии к Донату дает для союзов *significatio* и *potestas* как синонимы [Keil 1864, 516]. Наконец, в списке собственных союзу категорий на месте *potestas* также появлялось *species* (‘вид’) —

Некоторые грамматисты, характеризуя значение союзов, и вовсе обходились без специальной лексемы [Uhlig 1883: 87–100; Lascaris 1476: лл. 50 об.–51; Теплов 1752: 173–176; Gottsched 1748: 328].

Говоря о классификации значений союзов, следует учитывать, что значительная часть греческой и латинской терминологии восходит к понятийному аппарату стоической философии [Schoemann 1862: 204–214; Long, Sedley 1987: 1, 192–212; 2, 196–213; Столяров 2008b: 786–788]. Одним из разделов логики стоиков было учение о высказываниях, т. е. полных предложениях, могущих быть истинными или ложными. Стоиков интересовали критерии истинности сложных высказываний. Например, если два высказывания соединить союзом, будет ли итоговое высказывание истинным или ложным? Для решения подобного рода вопросов была создана классификация сложных предложений по соединяющим их части союзам¹⁵. У сохранившего ее Диогена Лаэртского [Diog. Laert. Vitae 7, 65–6; 7, 69, 71–74] встречаются многие термины, которые стали использоваться потом при перечислении значений союзов Дионисием Фракийским и другими греческими авторами. Калькирующие их латинские термины, в свою очередь, обнаруживаются у Доната, Присциана, а славянские кальки — в грамматике Смотрицкого, а затем в «Материалах».

(1) *Сопрягательное знаменование* в «Материалах» — его иллюстрируют союзы *и* и *же* — соответствует греч. *σύνδεσμοι συμπλεκτικοί* (от *συνπλέκω* ‘связывать вместе, сплести’) [Diog. Laert. Vitae 7, 72; Uhlig 1883: 87–89; Lascaris 1474: л. 50 об.] и лат. *significatio copulativa* (от *copulare* ‘связывать’) [Keil 1864: 364; 388; Keil 1859: 93–94; Alvares 1859: 128; Шванвиц 1730: 344; Шванвиц

см., например, у Присциана, Доната и Альвара [Keil 1859: 93; Keil 1864: 364; Alvares 1859: 128]. Интересно отметить возможную параллель к лат. *potestas*, которую дает § 564 «Российской грамматики»: «Винословных сила есть в сопряжении причин предложенной мысли» [Ломоносов 1952: 573].

¹⁵ Описанные положения логики высказываний приписываются стоику Хрисиппу (278–205 гг. до н. э.), основателю стоической логики [Столяров 2000b: 786–788]. Диоген Вавилонский, автор одного из определений союзов (см. выше, стр. 28–29), был учеником Хрисиппа.

1734: 312; Keipert 2016: 370].¹⁶ По-русски в первом издании грамматики Шванвица этот подтип называется *конюнкціїи связанія или совокупленія* [Шванвиц 1730: 345]; во втором — *соединительные союзы* [Шванвиц 1734: 313]. Этот же термин фигурирует у Теплова [Теплов 1752: 173] вместе с его французским аналогом — *conjonctions copulatives ou d'assemblage* [Теплов 1752: 173]. В немецкоязычной традиции этот подтип называется *Bindende FügWörter* у Пауса [Keipert 2016: 370] и *Verknüpfende Bindewörter* у Готтшеда [Gottsched 1748: 328] — последний термин позже был использован в переводе «Российской грамматики» на немецкий [Lomonossow 1764: 324].

(2) *Разделительное знаменование* в «Материалах» — союзы *или, ли, либо, ни, ниже* — соответствует греч. *σύνδεσμοί διαζευκτικοί* (от *διαζεύωμι* ‘разделять’) [Uhlig 1883: 90–91; Lascaris 1474: лл. 50 об.–51] и лат. *coniunctiones disiunctivae* (от *disiungere* ‘разделять’) [Keil 1864: 364, 389; Keil 1859: 97–98; Alvares 1859: 128; Шванвиц 1730: 344; Шванвиц 1734: 312; Keipert 2016: 370]. Термин *разделительное знаменование* в «Материалах» заимствован у Смотрицкого; он используется также у Теплова [Теплов 1752: 174] и во втором издании грамматики Шванвица [Шванвиц 1734: 313] — в первом фигурируют *конюнкціїи отдъленія* [Шванвиц 1730: 345]. У Пауса разделительные союзы названы *Gegen- oder Neben Bindende FügWörter* [Keipert 2016: 370]; у Теплова фигурирует также французский термин *les conjonctions disjonctives, ou de division* [Теплов 1752: 174].

(3) *Соответственное знаменование* в «Материалах» иллюстрируется союзами *но, хотя и однако*. Термин соответствует греч. *σύνδεσμοί ἐναντιωματικοί* (от *ἐνάντιος* ‘противоположный’) [Uhlig 1883: 100; Lascaris 1474: л. 51] и лат. *coniunctiones adversativae* (от *adversus* ‘противоположный’) [Keil 1959: 99–100; Шванвиц 1730: 346; Keipert 2016: 370]. Ему соответствует *противителное*

¹⁶ Различные варианты калькирования терминов, обозначающих семантические классы союзов, в славянских грамматиках в XVII–XVIII вв., приводит в своей статье Х. Кайперт [Keipert 1987: 246–265].

знаменовании у Смотрицкого, а также *союзы противления* или *противительные* у Шванвица [Шванвиц 1730: 347; Шванвиц 1734: 313]. Немецким аналогом термина является *Gegenscheinende FügWörter* у Пауса¹⁷ [Keipert 2016: 370]. У Готтшеда данный подтип объединяет уступительные и противительные союзы, отсюда два термина — *Entgegensetzende* и *Zu widerlaufende Bindewörter* [Gottsched 1748: 328], из которых последний использован в переводе «Российской грамматики» на немецкий [Ломоносов 1764: 324].

Термин *соответственное знаменование* является новацией «Материалов» [Keipert 1987: 264]. В «Российской грамматике» Ломоносов вернулся к *противительному знаменованию* Смотрицкого [Ломоносов 1952: 553], однако использовал терминологические находки «Материалов». См. § 41:

«Союзы самых понятий соответствие¹⁸ между собою показывают. <...> Пример ...: *Хоть вижу, да не разумью*» [Ломоносов 1952: 406].

Подкласс *соответственных союзов* выделялся не всеми грамматистами. Его не рассматривал Донат¹⁹, а Дионисий Фракийский упомянул *σύνδεσμοί ἐναντιωματικοί* лишь в конце главы о союзах как дополнительный подтип, не включенный в основную классификацию [Uhlig 1883: 100]. Те, кто выделял *соответственные союзы*, — например, Присциан и Ласкарис — нередко объединяли в этом подклассе уступительные и противительные.

¹⁷ Паус отмечает при этом, что немецкому термину соответствуют латинские *adversativae* и *concessivae*.

¹⁸ Следует отметить, что в филологических трудах Ломоносова под «соответствием понятий» может также пониматься и причинно-следственная связь, и логическое соответствие между подлежащим и именной частью сказуемого. См.: «Доказательства от причины производятся, когда две вещи между собою так соответствуют, что одна ради другой бывает, то следует из того, что одна другой нужна, полезна или пристойна» [Ломоносов 1952: 163]; «Итак, когда кто хочет соединить две простые идеи в сложную, то недовольно, чтобы их связать каким ни есть союзом, как *надежда и ободрение*, ибо в сем соединении нет совершенного разума, но должно между ими положить какое-нибудь взаимное соответствование, например: *надежда есть ободрение*» [Ломоносов 1952: 116].

¹⁹ Соответствующие примеры распределены у Доната по классам *expletivae* и *causales* [Keil 1864: 364–365; 389].

В большинстве грамматик первой половины XVIII в. уступительные и противительные союзы рассматривались по отдельности. Так, *conjunctiones adversativae* и *concessivae* разграничены в «Compendium grammaticae latinae» [Compendium 1773: 188–189] и у Лебедева [Лебедев 1746: 242–243]. У Готтшеда выделены *Entgegensetzende* и *Zu widerlaufende Bindewörter* [Gottsched 1748: 328]. В «Материалах» противопоставления уступительных и противительных нет, в качестве примера *соответственного знаменования* даны союзы *но, однако, хотя*. Это классификационное решение было перенесено и в «Российскую грамматику».

(4) *Сослагательное знаменование* в «Материалах» — союзы *ежели, ежели жь, когда, буде, буде не, естли бы, дабы* — восходит к греч. *σύνδεσμοί συνάπτικοί* (от *συνάπτω* ‘соединять, связывать’) [Uhlig 1883: 88; 91–92; Lascaris 1474: л. 51] и соответствует лат. *coniunctiones continuativae* (от *continuo* ‘связывать в непрерывную последовательность’; *continuus* ‘непрерывный’, ‘последовательный’) [Keil 1859: 94–95]²⁰. Изначально греческий и латинский термины использовались для обозначения только условных союзов, однако сама внутренняя форма этих наименований подразумевала наличие семантики последовательности, взаимосвязи²¹.

²⁰ Донат не выделял соответственные союзы (*coniunctiones continuativae*) в отдельный класс и объединял их с причинными (*causales*) [Keil 1864: 364–365, 389]. Вообще в античности слово *continuativus* редкое, кроме Присциана, почти ни у кого не засвидетельствованное [Spelthahn 1907b].

²¹ Термин *continuativus*, как представляется, подразумевает образование логической взаимосвязи. Однако родственный этому прилагательному глагол *continuo* практически не употреблялся в таком значении [Spelthahn 1907]. Ближе всего к нужному нам словоупотребление Цицерона в трактате «О природе богов» [Spelthahn 1907b: 723.5–9], где речь идет о некоей «взаимосвязи» в природе; у него же встречается употребление существительного *continuatio* («последовательность»), которое можно истолковать в смысле логической или причинной взаимосвязи [Spelthahn 1907a: 721.13–31]. Наконец, прилагательное *continuus* не имеет значения ‘логически последовательный’ [Spelthahn 1907d], однако образованное от него наречие *continuo* (‘на месте’, ‘тотчас’) может употребляться в значении ‘следовательно’ [Spelthahn 1907e: 728.84–729.24].

И действительно, Диоген Лаэртский, например, указывает, что союз *εἰ* ('если') устанавливает между высказываниями причинно-следственную связь:

«Τῶν δ' οὐχ ἀπλῶν ἀξιωματῶν συνημμένον μὲν ἔστιν <...> τὸ συνεστὸς διὰ τοῦ “εἰ” συναπτικοῦ συνδέσμου. ἐπαγγέλλεται δ' ὁ σύνδεσμος οὗτος ἀκολουθεῖν τὸ δεύτερον τῷ πρώτῳ, οἷον “εἰ ἡμέρα ἐστί, φῶς ἐστί”» [Diog. Laert. 7, 71] (*пер.* «А из сложных высказываний сосложненное то, которое составлено с помощью сослагательного союза *если*. Ведь этот союз сообщает, что второе следует из первого, например: *если день, то светло*»).

А Прициан определяет сослагательные союзы как передающие отношения последовательности:

«Continuativae sunt, quae continuationem et consequentiam rerum significant <...> quae significant ordinem praecedentis rei ad sequentem, ut “si stertit, dormit”» [Keil 1859: 94] (*пер.* «Последовательные — те, которые обозначают связность и последовательность вещей. <...> которые обозначают порядок от предшествующей вещи к последующей, например: *Если он храпит, он спит*»).

В определенный момент — точно датировать его мы не можем — латинский термин *continuativae* был переосмыслен и стал обозначать слова, характеризующие очередность событий. Это видно на примере «академических» грамматик первой половины XVIII в., разграничивающих союзы следования и условия. Шванвиц выделяет два подкласса: *coniunctiones continuatiuae* или *ordinatiuae* и *coniunctiones conditionales*²². В русском переводе это *конъюнкции продолжения* и *договаривания* [Шванвиц 1730: 344–347],

²² В классической латыни это слово писалось *condicionalis* (от *condicio*, 'договор'; отсюда значение 'условия какого-либо обязательства', см. [Норре 1906а: 127–129]). Прилагательное *condicionalis* использовалось в античных грамматиках для характеристики высказываний [Норре 1906b: 137]. В какой момент появился термин *coniunctiones conditionales*, указать сложно. О. Кочуба цитирует «Methodicae grammaticae libri quatuor» Л. И. Урсина (1592), который указывает, что термин *significatio continuativa* в современных ему сочинениях заменяется на *significatio conditionalis* [Кочиуба 1975: 293].

а в издании 1734 г. им соответствуют *союзы продолжительные (расположительные)* и *союзы кондициональные* [Шванвиц 1734: 312–315]. Подобным же образом союзы разделены в «Compendium grammaticae latinae» [Compendium 1773: 188–189] и грамматике Лебедева. У последнего *coniunctiones continuatiuae* или *ordinatiuae* названы *расположительными или продолжительными*, а *coniunctiones conditionales* — *значащими договор* [Лебедев 1746: 242–243]. Паус также разграничивает *ordinatiuae* и *conditionales*, последнему термину дано немецкое соответствие *Bedingugs-Knüpfwörtgen* [Keipert 2016: 370–371]. Наконец, Готтшед выделяет *Fortsetzende* и *Bedingende Bindewörter*: первый термин относится к союзам следования, второй — к условным [Gottsched 1748: 328].

Эта традиция, вероятно, повлияла на Ломоносова. В «Российской грамматике» *сослагательное знаменование* заменено на *условное* [Ломоносов 1752: 552], а в переводе использован термин Готтшеда *Bedingende Bedeutung* [Lomonossow 1764: 324].

(5) *Винословное знаменование* соответствует греч. *σύνδεσμοὶ αἰτιολογικοί* (от *αἰτιολογικός* ‘размышляющий о причинах’) и лат. *coniunctiones causales* (*causalis* ‘причинный’). В греческой традиции этот подкласс объединял союзы причины и цели [Uhlig 1883: 93–94; Lascaris 1474: л. 51], однако в латинских грамматиках он нередко включал в себя также противительные, условные и следственные союзы [Keil 1864: 364–365, 389; Keil 1859: 94–97; Alvares 1859: 128; см. также Шванвиц 1730: 346; Keipert 2016: 370]. По всей видимости, влиянием латинской традиции можно объяснить тот факт, что в «Материалах» к *винословным* отнесены не только причинные *ибо, понеже, потому что*, но и целевой союз *длятого что* (sic!).

Термин *винословное* в «Материалах» заимствован у Смотрицкого. Шванвиц переводит *coniunctiones causales* как *конъюнкциу виновенія* в первом издании [Шванвиц 1730: 347] и как *винословные* во втором [Шванвиц 1734: 313]. Этот же термин использован в грамматиках Лебедева [Лебедев 1746: 243] и Теплова; последний приводит также французское соответствие *les conjonctions causales ou causatives* [Теплов 1752: 174]. В грамматике Пауса дан

только латинский термин, а у Готтшеда причинные союзы названы *Verursachende Bindewörter* [Gottsched 1748: 328]. Термин Готтшеда использован и в переводе «Российской грамматики» [Lomonossow 1764: 324].

(6) *Заключительное знаменование* в «Материалах» — союзы *такимъ образомъ, и такъ, тогоради* — соответствует греч. *σύνδεσμοι συλλογιστικοί* (от *συλλογίζομαι* ‘подводить итог’, отсюда ‘делать вывод’) [Uhlig 1883: 95–96; Lascaris 1474: л. 51]. Несколько латинских терминов обозначали этот подкласс: *coniunctiones rationales (rationalis* ‘разумный’) у Доната [Keil 1864: 365, 389]; *coniunctiones collectivae* (от *colligere* ‘собирать’, ‘подводить итог’) или *illativae (inferre* ‘вносить’) у Присциана и Альвара [Keil 1859: 100–101; Alvares 1859: 128]. В результате калькирования латинского *illativae* и возник термин Смотрицкого *наносительное знаменование* [Kociuba 1975: 290–291], позже использованный в «Российской грамматике» [Ломоносов 1952: 553] вместо *заключительного* из «Материалов».

У Пауса заключительные союзы названы *coniunctiones ratiocinativae* [Keipert 2016: 371]. Этот термин иногда употреблялся в латинских грамматиках вместо *rationalis* [Keil 1857: 225]. В «Compendium grammaticae latinae» [Compendium 1773: 188–189] они названы *coniunctiones conclusivae*²³ (от *concludere* ‘заключать’), в переводе Лебедева — *заключительные союзы* [Лебедев 1746: 242–243]. Тот же латинский термин и его русский аналог *союзы заключения* или *заключительные союзы* дает Шванвиц в изданиях грамматики 1730 и 1734 гг. [Шванвиц 1730: 346–347; Шванвиц 1734: 314–315]. *Заключительные союзы* также выделяет Теплов и приводит французское соответствие *les conjonctions conclusives ou illatives* [Теплов 1752: 175]. Готтшед не выделяет этот подкласс, и в немецком переводе «Российской грамматики» термин *наносительные союзы* передан как *beschließende Bindewörter* [Lomonossow 1764: 324].

²³ В античности это слово было редким и в грамматиках не употреблялось, см. [Spelthahn 1906].

(7) *Недоуметельное знаменование* — в «Материалах» его иллюстрируют слова *чать, ли, нивѣть, никакъ* — соответствует греч. *σύνδεσμοὶ ἀπορ(ῥ)ηματικοί* (от *ἀπορέω* ‘быть в затруднении, сомневаться’) [Uhlig 1883: 94–95; Lascaris 1474: л. 51] и лат. *coniunctiones dubitativae* (от *dubitare* ‘сомневаться’) [Keil 1859: 101–102]. В античных грамматиках этот класс включал в себя вопросительные частицы: Присциан отнес к нему *an* (‘ли’), *-ne* (‘ли’) [Keil 1859: 101–102]. Некоторые европейские грамматики рассматривали самые разные слова со значением сомнения как *coniunctiones dubitativae* (см., например, у Пауса [Keipert 2016: 371]). Впрочем, этот подкласс выделялся редко.

Термин *недоуметельное знаменование* в «Материалах» заимствован из «Граматики словенския правильное синтаagma». Однако если Смотрицкий отнес к этому подтипу только вопросительные частицы (анализ его примеров см. [Kosciuba 1975: 297]), то в «Материалах» как *недоуметельные союзы* трактуются связанные с народной речью наречия (*нивьѣть*, см. [Сл. РЯ XVIII 15: 132–133]) и вводные слова со значением сомнения (*чать*, см. [Ломоносов 1952: 367]). Сам термин встречается в «Кратком руководстве к красноречию», причем к *недоуметельным союзам* здесь отнесен союз *или*:

«Простые идеи подлежащего и сказуемого соединяются в разуме общем или особенном, утвердительном или отрицательном: ... чрез союзы недоуметельные: злобный человек явно или тайно вредить желает» [Ломоносов 1952: 120].

В «Российской грамматике» *недоуметельное знаменование* было исключено из классификации.

6. Порядок

Порядок или *расположеніе в рѣчи* — последняя из рассматриваемых в «Материалах» союзных категорий. Она характеризует положение союза по отношению к соседним словам, и термин калькирует лат. *ordo* ‘ряд, порядок’ [Keil 1864: 364–365; 388–389; Keil 1859: 93–105]. Выделение *ordo* — черта, прежде всего, латинской

и новолатинской традиции²⁴; в грамматиках европейских языков эта категория рассматривалась редко. В грамматике Смотрицкого *ordo* переведено как *чин*; русский термин *порядок* использован в грамматике Лебедева [Лебедев 1746: 242–243].

Формального определения *порядка* нет ни в одном известной нам грамматике: семантика категории раскрывалась через представленный набор оппозиций. Латинские грамматики обычно делили союзы по этому признаку на три вида. У Смотрицкого и в «Материалах» также выделены три разновидности *чина* или *порядка* союзов.

Первый тип союзов назван в «Материалах» *предлагательными*. Это союзы, которые «кладутся наперед» — *понеже, хотя, не токмо, сверхъ того* и проч. [Ломоносов 1752: 756]. Сам термин *предлагательный* заимствован у Смотрицкого [Кузьминова, Ремнева 2000: 388] и калькирует латинское *praepositivae* (от *praepone* ‘класть спереди’). Этот термин встречается у Доната и Альвара [Keil 1864: 365; 389; Alvares 1859: 128], причем последний также указывает синоним *principes* (‘находящиеся в начале’). У Присциана нет специального термина; характеризуя этот тип союзов, он использует пассив *praeponi* (‘быть положенным перед чем-то’) [Keil 1859: 104–105]. В «академических» грамматиках первой половины XVIII в. использовался термин *praepositivae* — мы встречаем его у Пауса и Лебедева, причем последний дает русское соответствие *поставляемые наперед* [Keipert 2016: 372; Лебедев 1746: 243; см. также Compendium 1773: 189].

Второй выделяемый в «Материалах» тип — *последствующие союзы*. К ним отнесены *тогоради, тоже, однако, но, еще* и проч. У Смотрицкого этот тип назван *подлагательным чином*. В латинской традиции у Доната использовался термин *coniunctiones subiunctivae* (от *subiungere* ‘подсоединять, присоединять после чего-то в т. ч. в речи’ [OLD s. v. 5b]), у Альвара этот термин фигурировал наряду с синонимом *subditae* (от *subdere* ‘присоединять

²⁴ См. [Kosiuba 1975: 297–298] о непосредственных источниках Смотрицкого.

после’) [Alvares 1859: 128]. Присциан использовал пассив *supponi* (‘быть поставленным (в тексте) ниже, далее’, ‘быть присоединенным (к тексту)’ [OLD s. v. *suppono* 5]) [Keil 1859: 104–105]; изредка встречался термин *postpositivae* [Keil 1859: 466]²⁵, и именно он получил распространение в «академических» грамматиках. Мы встречаем *coniunctiones postpositivae* у Пауса и Лебедева, у последнего — с русским соответствием *позади полагаемые союзы* [Keipert 2016: 372; Лебедев 1746: 243; см. также *Compendium* 1773: 189].

Третий выделяемый в «Материалах» тип — это *общей природы наблюдающие* союзы, которые «кладутся ... и прежде, и послѣ». Его иллюстрируют *однако, хотя, понеже* и проч. Смотрицкий называл этот тип *общим чином*. В латинской традиции был известен термин *coniunctiones communes* (‘общие’) — его использовал Донат, затем Альвар, наряду с синонимичным термином *coniunctiones mediae* (‘средние’). Присциан, не используя специального термина, писал о союзах, которые «*indifferenter et praeroni et supponi possunt*» («могут быть без различия поставлены и спереди, и после») [Keil 1859: 104]. Позже термин *coniunctiones communes* был использован в «*Compendium grammaticae latinae*» [Compendium 1773: 189], затем у Лебедева с русским переводом *общие союзы*, «которые в речи наперед и позади поставляются» [Лебедев 1746: 243].

Насколько можно судить по терминологии и набору примеров, латинские грамматик и, следом за ними, Смотрицкий, рассматривали *ordo* как положение союза внутри предложения. *Praepositivae* ставились в абсолютное начало вводимой ими клаузы, *postpositivae*, наоборот, не могли стоять в абсолютном начале: сюда относились слова типа *quidem* (‘-то’) и энклитики — например, *-que* (‘и’).²⁶

²⁵ *Partitiones XII Vers. Aen.* 1, 26 — трактат, посвященный морфологическому разбору всех слов, встречающихся в первых 12 строках «Энеиды».

²⁶ Эти принципы изложены также у Пауса: «*Hier ist nichts mehr zu merken, als dieses, daß etliche nur allein voran entweder nach einem *Commate* oder *periodo* können gesetzt werden; Etliche aber werden nicht im Anfang gesetzt, sondern laßen zum wenigsten ein Wörtgen voran gehen. Jene werden *Praepositivae*, diese aber *Postpositivae* genennet*» [Keipert 2000: 372]

Наконец, *сontinues* могли стоять как в начале, так и не в начале [Compendium 1773: 189; Лебедев 1746: 243].

Принципы классификации по *порядку* в «Материалах» не очевидны. Указывается, что *понеже, хотя, не токмо, сверхъ того* относятся к *предлагательным союзам*. «*Послѣдствующіе симъ*» — т. е. перечисленным выше *предлагательным* — союзы *тогоради, тоже, однако, но, еще* [Ломоносов 1952: 757]. Набор иллюстраций в третьем подклассе в «Материалах» — *однако, хотя и понеже* — включает в себя союзы, фигурировавшие в примерах в двух предыдущих подклассах. *Однако* упоминалось в списке *последствующих союзов*, а *хотя и понеже* — *предлагательных*. Кроме того, к *последствующим* в «Материалах» отнесен союз *но*, у Смотрицкого трактуемый как *предлагательный*.

Разделение союзов по *порядку* в «Материалах» расходится с традиционным пониманием категории *ordo* в латинских грамматиках и *чина* у Смотрицкого. По всей видимости, оно подразумевало не место союза внутри вводимого им предложения, но положение вводимого союзом придаточного предложения относительно главного. Только так можно истолковать указание на то, что союзы второго типа — «*послѣдствующіе*» союзам первого типа.²⁷ Предложенное нами истолкование подтверждается текстом «Российской грамматики»:

«Разделяются союзы на *предыдущие* и *последующие*. *Предыдущие*: *ежели, хотя, не* и сим подобные; *последующие*: *то, однако, но*, напр.: *ежели здоровъ, то къ намъ отпишетъ; учение хотя трудно, однако пріятно; не смерти, но грѣховъ бойся* [Ломоносов 1952: 553].

В «Российской грамматике» Ломоносов полностью отказался от третьего класса *общей порядокъ наблюдающих* и усилил

(*пер.* «Здесь больше ничего не нужно отметить, кроме того, что некоторые союзы могут быть поставлены только в начале после запятой или периода; но некоторые не ставятся в начале, а пропускают вперед себя хотя бы одно слово. Первые называются *Praepositivae*, вторые — *Postpositivae*»).

²⁷ По всей вероятности, подразумевалась конструкция вида «*хотя* (или другой *предлагательный союз*) ... , *но* (или другой *последующий союз*) ...».

противопоставление двух классов за счет замены термина *предлагательные* на *предыдущие*, составляющее очевидную пару к термину *последующие*. Значение этих двух классов он доходчиво проиллюстрировал примерами, в которых первая часть вводилась одним из *предыдущих* союзов, а вторая — одним из *последующих*. Наконец, в немецком переводе были использованы немецкие прилагательные *vorangehende* — *nachfolgende* и латинские *anteriores* — *posteriores* [Lomonossow 1764: 324–325]. Обе терминологические пары, насколько нам известно, являются новациями немецкого издания «Российской грамматики»; они не имеют аналогов в рассмотренных нами источниках. Вероятно, это был сознательный шаг, поскольку введенная Ломоносовым классификация союзов по *порядку* была нова и по сути.

Исследование с привлечением широкого контекста показало, что за формулировками и даже отдельными лексемами небольшого текста — раздела о союзах из «Материалов к Российской грамматике» — стоит целый ряд источников. Это «академические» грамматики первой половины XVIII в., европейские и восточнославянские трактаты о языке XVI–XVII вв., авторы которых опирались на выработанные еще в античности схемы, модифицируя их, но сохраняя при этом общие принципы подачи грамматического материала.

Представленные в статье данные подтвердили отмеченную еще В. Н. Макеевой и Х. Кайпертом зависимость описания союзов в «Материалах к Российской грамматике» от соответствующего раздела грамматики Смотрицкого. Однако предпринятый анализ показал, что текст Смотрицкого был творчески переработан в «Материалах». Выявлен широкий спектр модификаций: от точечных терминологических поправок до полного переосмысления используемых грамматических категорий.

Внимательное изучение содержащихся в «Материалах к Российской грамматике» черновых заметок позволяет лучше понять «Российскую грамматику» и отчасти проследить формирование

лежащих в ее основе грамматических концепций. В предлагаемом очерке мы ограничились привлечением лишь тех фрагментов из «Российской грамматики», сопоставление с которыми проливает свет на трудные для истолкования места из «Материалов». Прделанная работа является первым шагом в исследовании раздела о союзах в «Российской грамматике» — этому сюжету в будущем мы надеемся посвятить отдельную статью.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Лебедев 1746 — *Лебедев В. И.* Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества. СПб., 1746.
2. Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л., 1952.
3. Теплов 1752 — [*Теплов В.*] Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на Российский язык переведена Академии наук переводчиком Васильем Тепловым. СПб., 1752.
4. Шванвиц 1730 — [*Шванвиц М.*] Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. Нѣмецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и российской юности въ пользу издана отъ учителя нѣмецкаго языка при Санктъ Петербургской гимназии. СПб., 1730.
5. Шванвиц 1734 — [*Шванвиц М.*] Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und zum Gebrauch des St. Petersburgischen Gymnasii zum andern mal herausgegeben. Нѣмецкая грамматика собранная изъ разныхъ авторовъ и въ пользу Санктпетербургской гимназии вторымъ тиснениемъ изданная. СПб., 1734.
6. Alvares 1859 — Emmanuelis Alvares societate Jesu de Institutione Grammatica libri tres. Juxta Editionem Venetam anni 1575. Parisiis, 1859.
7. Arnault, Lancelot 1660 — Arnault A., Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée: contenant les fondemens de l'art de parler. Paris, 1660.
8. Chalkokondyles 1546 — Demetriji Chalcondylae Erotemata, siue Institutiones Grammaticae. Basileae, 1546.
9. Keil 1857 — Grammatici Latini ex Recensione H. Keilii. Vol. 1: Flavii Sosipatri Charisii Artis Grammaticae libri V, Diomedis Artis Grammaticae libri III ex Charisii Arte Grammatica excerpta. Leipzig, 1857.

10. Keil 1859 — *Grammatici latini ex recensione H. Keilii*. Vol. 3: Prisciani Institutionum Grammaticarum libri XIII–XVIII ex recensione Martini Hertzii, Prisciani opera minora ex recensione Henrici Keilii. Leipzig, 1859.
11. Keil 1864 — *Grammatici Latini ex Recensione H. Keilii*. Vol. 4: Probi Donati Servii qui feruntur de arte grammatica libri ex recensione Henrici Keilii, Notarum laterculi ex recensione Theodori Mommseni. Leipzig, 1864.
12. Keipert 2016 — *Keipert H. (ed.)*. J. W. Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg. Bearbeitet von A. Huterer. Schlussredaktion von H. Keipert. Bonn, 2016.
13. Lascaris 1476 — *Lascaris [K]*. Grammatica Graeca. Mediolani, 1476. URL: <https://archive.org/details/ita-bnc-in1-00000509-001/page/n67/mode/2up> (дата обращения: 06.06. 2020).
14. Lomonossow 1764 — *Russische Grammatik verfasst von Hern M. Lomonossow*. Aus dem Russischen übersetzt von J. L. Stavenhagen. St. Petersburg, 1764.
15. Nauck 1867 — *Nauck A. (ed.)* Lexicon Vindobonense. Petropoli, 1867.
16. Uhlig 1883 — *Uhlig G. (ed.)* Dionysii Thracis Ars Grammatica, qualem exemplaria vetustissima exhibent. (Grammatici Graeci; Vol. 1,1). Leipzig, 1883.

Научная литература

1. Волков, Карева 2018 — *Волков С. С., Карева Н. В.* «Материалы к Российской грамматике» М. В. Ломоносова как источник сведений для истории русского языка XVIII в. // Миллеровские чтения — 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб., 2018. С. 531–539.
2. Карева, Кузнецова 2020 — *Карева Н. В., Кузнецова Н. А.* Стихотворческие и грамматические фигуры в «Материалах к Российской грамматике» М. В. Ломоносова // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXIV. СПб., 2020. С. 768–784.
3. Карева, Пивоваров 2019 — *Карева Н. В., Пивоваров Е. Г.* К истории создания «Российской грамматике» М. В. Ломоносова: хронология, варианты, сотрудники // *Slověne*. 2019. Vol. 8, №2. С. 198–216.
4. Колесов 1991 — *Колесов В. В.* Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений. Позднее Средневековье / Отв. ред. А. В. Десницкая. СПб., 1991. С. 208–254.
5. Кулябко, Бешенковский 1975 — *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975.
6. Мечковская 1984 — *Мечковская Н. Б.* Ранние восточнославянские грамматики / под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1984.

7. Рамазанова 2015 — *Рамазанова Д. Н.* Рукописная и печатная книга в учебной практике Славяно-греко-латинской академии в конце XVII в. // «В России надо жить по книге.» Начальное обучение чтению и письму: Становление учебной книги в XVI–XIX вв. / под ред. М. В. Тендряковой, В. Г. Безрогова. М., 2015. С. 42–52.
8. Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–22. СПб., 1992–2019.
9. Столяров 2008a — *Столяров А. А.* Диоген Вавилонский // Античная философия: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 330–332.
10. Столяров 2008b — *Столяров А. А.* Хрисипп // Античная философия: Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 785–789.
11. Colombat 2013 — *Colombat B.* La définition et la fonction de la conjonction dans la tradition grammaticale latine et dans les premières grammaires françaises // *Langages*. 2013 (2). №190. Pp. 13–31.
12. Forcellini 1965 — *Lexicon Totius Latinitatis*. Vol. 4. Patavia, 1965.
13. Hoppe 1906a — *Hoppe H.* Condicio // *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 127–137 (здесь и далее при ссылке это издание [URL]: <http://www.thesaurus.badw.de/tll-digital/tll-open-access.html>, дата обращения: 06.06.2020; далее сокр. TLL).
14. Hoppe 1906b — *Hoppe H.* Condicionalis // TLL. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 137–138.
15. Kaltz, Leclercq 2015 — *Kaltz B. Leclercq O.* Word-formation Research from Its Beginnings to the 19th Century // *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe* / Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.). Vol. 1. Berlin, Boston, 2015. Pp. 22–37.
16. Kamptz 1982 — *v. Kamptz H.* Potestas // TLL. Vol. X.2. Leipzig, 1982. 300–321.
17. Keipert 1987 — *Keipert H.* Traditionsprobleme im grammatischen Fachwortschatz des Russischen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts // *Die Welt der Slaven*. Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang XXXII, 2. München, 1987. S. 230–301.
18. Kociuba 1975 — *Kociuba O.* The Grammatical Sources of Meletij Smotric'kij's Church Slavonic Grammar of 1619. Columbia University, 1975.
19. de Kreij [s. a.] — *de Kreij M.* From σύνδεσμοι to *Particulae*. [URL:] <https://chs.harvard.edu/CHS/article/display/6200> (дата обращения 06.06.2020).
20. Long, Sedley 1987 — *Long A. A., Sedley D. N.* The Hellenistic Philosophers. Vol. 1. Translations of the Principal Sources with Philosophical Commentary. Vol. 2. Greek and Latin Texts with Notes and Bibliography. Cambridge, 1987.
21. OLD — Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
22. Pagani 2011 — *Pagani L.* Pioneers of Grammar. Hellenistic Scholarship and the Study of Grammar // *From Scholars to Scholia*. Chapters in the

- History of Ancient Greek Scholarship / F. Montanari, L. Pagani (eds). Berlin, 2011. P. 17–64.
23. Sandys 1903 — *Sandys J. E.* A History of Classical Scholarship. Vol. 1. From the Sixth Century BC to the End of the Middle Ages. Cambridge, 1903.
 24. Sandys 1908 — *Sandys J. E.* A History of Classical Scholarship. Vol. 2. From the Revival of Learning to the End of Eighteenth Century (in Italy, France, England and the Netherlands). Cambridge, 1908.
 25. Schoemann 1862 — *Schoemann G. F.* Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten. Dargestellt und beurteilt von G. F. Schoemann. Berlin, 1862.
 26. Spelthahn 1906 — *Spelthahn H.* Conclusivus // TLL. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 80.
 27. Spelthahn 1907a — *Spelthahn H.* Continuatio // TLL. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 721–722.
 28. Spelthahn 1907b — *Spelthahn H.* continuativus // TLL. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 722.
 29. Spelthahn 1907c — *Spelthahn H.* continuo // TLL. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 722–725.
 30. Spelthahn 1907d — *Spelthahn H.* continuus // TLL. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 725–728.
 31. Spelthahn 1907e — *Spelthahn H.* adv. continuo // TLL. Vol. 4. Leipzig, 1906–1909. 728–729.
 32. Swiggers, Wouters 1997 — *Swiggers P., Wouters A.* The *Sundesmos* in Ancient Greek Grammar: Grammatical Status and Subtypes // Proceedings of the 16th International Congress of Linguistics. Pergamon, Oxford, 1997. P. 1–13
 33. Swiggers, Wouters 2015 — *Swiggers P., Wouters A.* Description of the Constituent Elements of the (Greek) Language // Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship / F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos (eds.). Leiden, Boston, 2015. P. 759–797.

N. Kareva, N. Kuznetsova. Conjunctions in «Materials for Russian Grammar»

Keywords: conjunction, Lomonosov, Smotrytsky, grammar, classification, terminology, XVIIIth century, «Russian Grammar», «Materials for Russian Grammar».

The paper is a detailed commentary to the section on conjunctions in «Materials for Russian Grammar» by M. V. Lomonosov. The study of the model of conjunctions description was developed since antiquity and partly followed in the grammars of the Modern ages. The main source of the section on conjunctions in the «Materials» is the grammar manual by Smotrytsky but its scheme was significantly modified: some terminological replacements were introduced and several grammatical categories were redefined.

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ В РУССКОЙ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН)

Ключевые слова: имена собственные, литературная ономастика, словарное описание, авторская лексикография, метаязык.

В статье рассматриваются метаязыковые средства, которые служат для описания личных имен в трех авторских словарях: «Словаре языка Пушкина», «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» и в словаре «Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен». Основное внимание уделяется вопросу о соответствии выбранных способов и подходов концепции словаря, а также его целям и задачам.

1. Для современного этапа развития русской лексикографии характерно формирование разных аспектов и подходов к описанию литературной ономастики¹, что во многом определяется ростом научного интереса к вопросам ее словарного описания. В настоящее время в пределах ономастической авторской лексикографии² сложился особый корпус исследований и словарей

* Миляуша Габдрауфовна Шарихина, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: justmilya@yandex.ru.

¹ В современной лингвистической терминологии существует несколько обозначений этого направления: литературно-художественная ономастика, поэтическая ономастика, поэтонимология (в трудах В. М. Калинкина и представителей Донецкой ономастической школы). Подробный критический обзор терминологических названий ономастики художественной литературы представлен в статье А. А. Фомина [Фомин 2009].

² По терминологии В. М. Калинкина, поэтонимография; см. [Калинкин 1999, 2018; Федотова 2017].

[Шестакова 2011: 129; Шестакова 2019: 130]. За последние два десятилетия было подготовлено и опубликовано более десятка словарей, в которых словник ограничен только именами собственными и их производными [Козырев, Черняк 2015: 247–257; Шестакова 2019: 130]. Помимо этого, ономастическая лексика, функционирующая в художественных произведениях одного или нескольких авторов, входит в общий словник с апеллятивами и словами других частей речи в составе словарей разных типов.

Подробное исследование становления и развития основных принципов и методов ономастической авторской лексикографии представлено в особом разделе монографии Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011: 115–130]. Обобщая свой обзор, исследователь приходит к выводу о том, что «место и характер описания в них (в авторских ономастических словарях. — *М. Ш.*) ИС (имен собственных. — *М. Ш.*) — всех или отдельных разрядов — определяются общей концепцией словаря, связаны с его типологическими, параметрическими и иными чертами. Каждый из рассмотренных подходов к словарному представлению литературных онимов предусматривает определенный вариант решения ряда принципиальных вопросов (таких как единица описания, правила соотношения ИС с другими онимами и апеллятивами, включение в словарь отонимических производных и др.), преследует, очевидно, свои цели (простую регистрацию ИС, их частотную характеристику, сопровождение иллюстрациями, подробное толково-энциклопедическое описание, лингвопоэтическое сопровождение и т. д. на материале произведений одного автора или группы авторов) и при строгой, последовательной реализации может быть успешным» [Шестакова 2011: 129–130].

Не ставя цель охватить весь корпус словарей, с разной степенью полноты описывающих ономастическую лексику, в настоящей статье мы хотели бы проанализировать особенности метаязыка трех словарей, наиболее важных с точки зрения формирования принципов описания авторского языка, — «Словаря языка Пушкина», «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» (выпуск

«Имена собственные») и словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имён». Основное внимание при этом будет уделено микроструктуре словарных статей, описывающих антропонимическую лексику³.

2. Функционирование ономастической лексики в литературно-художественном пространстве наиболее полно и подробно описано в авторских словарях. При этом, как отмечает Л. Л. Шестакова, более разработанным является язык художественной прозы. С этим связана общая ориентация метаязыка словарей на прозаическую литературу [Шестакова 2011: 107]. Имена собственные в таких словарях либо включаются в общий словник с апеллятивами и словами других частей речи (полностью или фрагментарно), либо составляют особый словник, ограниченный только ономастической лексикой⁴.

«Словарь языка Пушкина» (далее — СЯП). Общую специфику отражения имен собственных в СЯП Л. Л. Шестакова охарактеризовала следующим образом: «“Словарь языка Пушкина”, нацеленный (по аналогии с большими словарями общенационального языка) на описание ИН (имен нарицательных — *М. Ш.*) и тяготеющих к ним ИС, действительно, отразил все разнообразие античных, мифологических имен пушкинского лексикона» [Шестакова 2011: 118]. Первоначально составители словаря ограничили круг личных имен, отраженных в словаре, следующими группами: собственными именами античной, библейской и христианской мифологии, условно-поэтическими именами. Описание других разрядов личных имен предполагалось проводить только в тех случаях, если они

³ В настоящей статье под антропонимом понимается собственное именование реальных и вымышленных лиц, а также антропоморфных существ, за исключением случаев употребления имени нарицательного в значении имени собственного.

⁴ Л. Л. Шестакова выделила четыре направления «в словарном представлении литературных имен собственных», которые «сводятся к включению / невключению ИС (имен собственных — *М. Ш.*) в единый (с апеллятивами и словами других частей речи) словник» (Шестакова 2011: 117–118).

употреблялись в нарицательном или переносном значении [СЯП I, 16]. Между тем, как указывает Л. Л. Шестакова, при отборе личных имен составители словаря были вынуждены расширить круг ономастической лексики, который предполагали описать. Помимо указанных в инструкции групп, в СЯП обнаруживаются и другие имена собственные: «имена отдельных лиц и персонажей (употребленные в прямом значении), прозвища, названия некоторых художественных произведений, исторических событий, городских объектов, названия обществ, органов печати, наград, напитков, водных пространств и т. д.» [Шестакова 2011: 119]. Исследователь связывает такое расширение с разными причинами: «с неоднозначностью понимания онимов, в момент создания словаря, как особого типа обозначений, с подвижностью границ между ИС и ИН в художественной речи (ослаблением здесь их оппозиционности), сложностью в строгом разграничении и словарном представлении единиц противоположных лексико-грамматических разрядов, имеющих, условно говоря, омонимичный характер (ср., например, производное от Америка относительное прилагательное *американский* в пушкинском примере: “Американские дикари все вообще звероловы” — и в составе неоднословных названий, также отмечаемых у поэта: Американская компания, Американские Штаты) и т. д.» [Там же: 120].

Для составителей СЯП важной задачей стал поиск принципов описания имен собственных, которые, с одной стороны, могли бы служить для реализации цели исследовать язык эпохи сквозь призму пушкинского стиля. С другой стороны, при таком подходе, вероятно, было трудно избежать или проигнорировать многие случаи индивидуально-авторского словоупотребления, то есть материал пушкинских текстов сам диктовал или, по крайней мере, оказывал влияние на способы его описания. Особенно это актуально в связи с тем, что, по словам авторов СЯП, основное внимание предполагалось уделить семантическим сдвигам (употреблениям таких слов в нарицательном или переносном значении). Проявления этих процессов на лексико-семантическом уровне едва ли

можно охарактеризовать с точки зрения языка эпохи с той степенью обобщения, которая необходима в таких случаях.

«Словарь автобиографической трилогии М. Горького» (далее — САТГ) основан на иных принципах. В отношении представления в словаре имен собственных это проявляется в первую очередь в том, что данный разряд лексики в полном составе вынесен в отдельный выпуск словаря «Имена собственные» (далее — САТГ–ИС). Иные принципы толкования имен собственных по отношению к апеллитивам, принятые составителями словаря, позволили сформировать особый подход, который отражен в этом выпуске. Указанный подход во многом связан с тем, что методика описания имен собственных в САТГ–ИС соответствует основным принципам ларинской писательской лексикографии, принятым для основного словаря, — полноте семантико-стилистической разработки слов и конкретизирующему характеру описания. Широта подхода обусловила объем поставленных задач: «лингвистическую — раскрытие конкретного содержания имени или названия в узком и широком контексте произведения, историко-литературную — показ отношения самого писателя к носителям имен и названий, а также историко-культурную — демонстрацию в рамках словаря широкой картины русской действительности последней трети XIX в. через ту своеобразную систему лексических средств, какую представляют употребляемые писателем имена и названия» [САТГ–ИС: 6].

Концепции каждого из рассмотренных словарей отражаются на их метаязыке, в частности в содержании структурных разделов словарных статей. Принимая тезис о том, что спецификой проприальной семантики является приоритет энциклопедического значения (при дополнительном характере других видов значений)⁵, составители словарей сформулировали разные подходы к толкованию ономастической лексики.

⁵ Данное положение относится к общим принципам словарного описания имен собственных. См., например, [Сталтмане 1989: 3].

Основная цель семантического описания слов в СЯП состояла в том, чтобы «не истолковать значение слова или дать ему реальный комментарий, а лишь различить отдельные значения, если их в слове более одного» (СЯП, I: 19). В словаре горьковской серии приняты разные принципы толкования в отношении персонажей трилогии и остальных имен собственных, упомянутых в произведениях: «имена действующих лиц определяются с непосредственной опорой на содержание повестей»; «для всего остального состава собственных имен определения строятся с учетом того, что о них известно за пределами текстов повестей <...> Степень обстоятельности толкования в принципе обратно пропорциональна современной известности читателю личности, имени, топонима и т. д.» [САТГ–ИС: 8]. При этом в словаре горьковской серии даже общеизвестные имена получают более широкую трактовку, чем в СЯП, ср.:

СЯП

ЕВА (Эва) (11). *По библейскому сказанию, имя первой женщины. Вы знаете, что наша дева Была одета в эту ночь, По обстоятельствам, точь в точь Как наша прабабушка Ева. РЛ II 230 сн. 1.4. По красоте, по блеску, по глазам — Я узнаю того, кто нашу Ёву Привлечь успел к таинственному древу И там склонил несчастную к грехам. Гв 185. О люди! все похожи вы На прародительницу Эву: Что вам дано, то не влечет; Вас непрестанно змий зовет К себе, к таинственному древу: Запретный плод вам подавай, А без того вам рай не рай. ЕО VIII 27.9. [СЯП I, 765–766].*

САТГ–ИС

ЕВА. *По Библии — первая женщина, созданная богом, прародительница человеческого рода; за нарушение запрета бога (не трогать плодов с древа познания) была изгнана из рая на землю вместе с Адамом (см.). — Баба, — сила, она самого бога обманула, вот как! — жужжала она [Матрена], пристукивая ладонью по столу. — Из-за Евы все люди в ад идут .. Я особенно запомнил, что «Ева — бога обманула». Л 261. + Автор: Л 313, 361, 413, 418; Петр Васильевич: Л 389. — Адам — Ева. Цит. см. Адам [САТГ–ИС: 34].*

Приведенный пример демонстрирует принятую в САТГ–ИС степень полноты описания семантики, при которой комментарий к иллюстративному материалу эксплицирован в зоне толкования. В этом словаре специально оговаривается вопрос полисемии

и омонимии в отношении имен собственных: «для семантических выделений внутри словарной статьи применяется только знак —, а не нумерация, поскольку полисемия и омонимия для имен собственных имеют весьма условный характер» [САТГ-ИС: 9]. В то же время в СЯП такое указание для ономастической лексики не вводится. При этом случаи выделения нескольких значений у этой группы слов единичны. Семантическая иерархия в СЯП проявляется при описании оттенков (и в некоторых случаях — подоттенков) значения. Они выделяются с помощью двух (или одной) вертикальных черт, например:

ФЕБ (50). *Одно из наименований Аполлона, бога света и искусства в античной мифологии; символ поэзии, поэтического творчества, творческой деятельности в искусстве вообще.* Порос крапивою Парнас; В отставке **Феб** живет, а хороводец Старушек муз уж не прельщает нас. ДК 61. .. | сын, питомец, избранник Феба (*о поэте, художнике*): Не весь я предан тленю: С моей, быть может, тенью Полнощной порой Сын **Фёба** молодой, Мой правнук просвещенный. Беседовать придет И мною вдохновенный На лире воздохнет. С₁ 27.275. .. || *Шутливо вместо «бог».* Я помню его отроком, вырвавшимся из-под полоцких езуитов. Благословляю его во имя **Феба** и св.<ятого> Боболия безносого. Пс 224.19. .. || *О солнце.* Уж перестал **Феб** землю освещать; Со всех сторон уж тени налетают; Туман сокрыл вид рощиц и лесов; Уж кое-где и звездочки блистают... С₁ 2,41 [СЯП IV, 806].

Концепцией словарей определяются особенности отражения в них стилистической характеристики лексики и описания художественного употребления слов. В СЯП собственно стилистическая характеристика антропонимической лексики дается с помощью помет (например, *в ирон. употр.*, *в каламб. употр.*, *в шутил. употр.*) или развернутого уточняющего комментария, например:

НЕСТОР (2). *Имя старейшего из вождей, участвовавших в походе греков против Трои в Илиаде Гомера. .. В каламб. употр. (о Д. И. Языкове, переводчике сочинения Шлецера «Нестор»):* Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-**Нестору** (по крайней мере, издателю Нестора) [СЯП II, 885].

НОЙ (1). По библейской легенде — единственный человек, спасшийся со своей семьей при всемирном потопе. В шутил. употр. Что это у вас? потоп! ничто проклятому Петербургу! - - - Что погребя? признаюсь, и по них сердце болит. Не найдется ли между вами **Ноя**, для насаждения винограда? [СЯП II, 925].

НЕВЕЖДИН (2). Каламбурная переделка фамилии Н. И. Надеждина, издателя журнала «Телескоп». Секретарем был избран единогласно же Никодим **Невеждин** — молодой человек из честного сословия слуг [СЯП II, 802].

ГЛУХО-РЕВ (1). Шутивно об Александре Глухарева, петербургском трагическом актёре. Слышу отсюда драммоторжественный рев **Глухо-рева** [СЯП I, 493].

Характеристика поэтического преобразования семантики и художественного употребления имен собственных в СЯП представлена только пометой «*Перен.*» или также с помощью развернутого комментария, например:

ПРОД (2). Царь Иудеи, с именем которого связана евангельская легенда об избииении младенцев. .. *Перен.* О Борисе Годунове. Юродивый (ему вслед). Нет, нет! нельзя молиться за царя **Ирода** — богородица не велит. БГ XVII 32 [СЯП II, 248].

АКВИЛОН (4). Поэтич. наименование сильного ветра. Зачем ты, грозный **аквилон**, Тростник прибрежный долу клонишь? [СЯП I, 15].

СИЛЬФИДА (3). По средневековым поверьям — лёгкое и подвижное существо в образе женщины, олицетворяющее стихию воздуха. Вы сами знаете давно. Что нас любить немудрено. Что нежным взором вы Армида, Что легким станом вы **Сильфида** [СЯП IV, 133].

В САТГ–ИС особенности употребления стилистических помет определяются общим стилем трилогии. Как отмечают составители словаря, «основной массив имен собственных в трилогии по своей форме и стилевой окраске относится к разговорной речи и отражает обиходное общение действующих лиц из среды мещан, крестьян, мастеровых и т. д.» [САТГ–ИС: 10]. Этим объясняется ограниченная эмоциональная и функционально-стилистическая характеристика имен собственных в словаре, которые даются в форме развернутых пояснений (например, в бранном употреблении, в шутовском употреблении, в ироническом контексте присловия, неодобрительно и др.). Приведем примеры:

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ, НАПОЛЕОН, БОНАПАРТ. .. – Наполеон, *о его изображении* - - Среди всей этой благодости стоит - - графин, с хрустальной пробкой — головой Наполеона .. – *мн. Распространительно. О бунтовщиках* — Бонапарты эти и у нас бывали — Разин Степан Тимофеев, Пугач Емельян Иванов .. – *в бранном употреблении* — Что, козел? Опять бодаться пришел? Ах ты, разбойник! Весь в отца! Фармазон, вошел в дом — не перекрестился, сейчас табак курить, ах ты, Бонапарт, цена-копейка! [САТГ–ИС: 60].

МОИСЕЙ. *Древнееврейский пророк, законодатель, по библии, освободивший свой народ от иноземного господства. – с этимологизацией* — Живем, как слепые щенята, что к чему — не знаем, ни богу, ни демону не надобны! Какие мы рабы господа? Иов — раб, а господь сам говорил с ним! С Моисеем тоже! Моисею он даже имя дал: Мой сей, значит — богов человек. А мы чьи? [САТГ–ИС: 59].

На стилистические особенности употребления имен собственных косвенно указывает информация, которая приводится в «отсылочной справочной части» (за знаком +). В этом разделе статьи характеризуется источник иллюстративного контекста: авторское повествование (*Автор*), несобственно-прямая речь (*несобств.-прям. речь*), в речи отдельных персонажей (*дед, бабушка*), в прямой речи основного персонажа (*Алеша, Алексей*) и т. д. Например:

ГАВРИЛО (2). *Гавриил, один из семи архангелов, составляющих небесное воинство (день его памяти – 26 марта (8 апреля) – осознал в народно-христианском календаре как конец зимы).* — Гаврило архангел, *в образном контексте* – Ходим, бывало, мы с ней, с матушкой, зимой-осенью по городу, а как Гаврило архангел мечом взмахнет, зиму отгонит, весна землю обьет, – так мы подалее, куда глаза поведут. (Бабушка) Д 63 [САТГ-ИС: 26].

3. Отдельное направление в авторской ономастической лексикографии представлено «Словарем языка русской поэзии XX века» (далее — СЯРП)⁶, который отражает уникальный опыт семантического описания поэзии нескольких авторов — И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама,

⁶ Его предварял другой проект — экспериментальный словарь «Поэт и слово». Подробное описание его концепции, структуры и мета-языковых особенностей см.: [Григорьев 1973; Шестакова 2011: 202–206].

В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Являясь по своему типу словарем регистрирующего типа, он имеет ряд структурных особенностей, которые позволяют охарактеризовать его как «конкорданс нового поколения» [Шестакова 2011: 89]. Не останавливаясь подробно на его специфике, обратимся к способам отражения в словаре антропонимической лексики.

В СЯРП имена собственные вошли в единый словник с нарицательными существительными, что «позволяет оценить состав и роль таких единиц в творчестве разных авторов, а при анализе статей — увидеть характер их преобразования в поэтическом языке, функционирования в разных текстовых позициях и т. д.» [Шестакова 2011: 129]. Сводный тип словаря, в отличие от монографических авторских словарей дает возможность охарактеризовать и сопоставить репертуары онимов, которые используют поэты (либо отдельные группы поэтов), выделить среди них предпочтительные, поэтически значимые имена либо, наоборот, те из них, которые поэты не используют. Например, личные имена могут отражать «ориентиры поэтов в мире имен. Например, только у Анненского отмечается фамилия *Анхтин*, только у Ахматовой — имя *Антоний* <...>, только у Есенина — имя *Алексей* (Кольцов) и только у Кузмина — *Адонис* (встречается 7 раз) и т. д.» [Шестакова 2011: 128–129].

Корпус словарных статей в составе СЯРП, описывающих личные имена и отыменные производные, был оформлен в виде отдельного словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен» (М., 2005) (далее — СЯРП–СИ). В словник этого издания, помимо имен реальных и вымышленных лиц, теонимов, культонимов, инициальных обозначений ли и других сокращений личных имен, также вошли случаи употребления имени нарицательного в роли имени собственного и перифрастические именованья. Включены в словарь и отыменные лексемы (прилагательные, существительные, наречия и глаголы), включая зоонимы и топонимы, образованные от личных имен⁷.

⁷ См. п. 1. раздела «Как пользоваться словарем».

Словарное описание имен собственных в СЯРП-СИ построено на основе толково-энциклопедического принципа «с элементами лингвопоэтического комментария» [Шестакова 2011: 127]. Словарная статья состоит из следующих разделов: заголовочное слово, зона значения, зона контекстов, зона комментариев и зона шифров.

В словаре используется широкий спектр стилистических помет: 1. Пометы, указывающие на стилистическую ограниченность употребления слова в литературном языке («нов.», «прост.», «разг.», «устар.»); 2. Пометы, характеризующие сферу использования слов («библ.», «мифол.», «нар.-поэт.», «обл.», «церк.»); 3. Пометы эмоционально-экспрессивной окраски («бран.», «груб.», «детск.», «ирон.», «шутл.-ирон.», «шутл.», «ласк.», «уменьш.-ласк.», «увелич.»). Пометы «аллюз.» и «изм. цит.» сигнализируют об интертекстуальном характере контекста. Пометы, характеризующие семантическое усложнение слов в связи с художественным словоупотреблением, редки: «иноск.» и «клмб.». Приведем примеры употребления указанных выше помет:

МАРИЯ [библ.; персонаж евангельского рассказа о Марфе и ее сестре Марии (Лк. 10, 38-40)] Синий цвет подходит к шарфу, И равна в вас благодать, Как в одной признавши Марфу, В Вас Марии не узнать? То Мария, то Миньона, // Антигона вы всегда, — [посв. В. К. Шварсалон] *Шутл. Куз909 (128)*; — Я навесить пришел вас. Может быть, Не только навесить... — Молчит, ни слова. — Мне все известно. Вы ведь Вильгельм Штуде. У вас есть сестры, Марта и Мария, *РП Аллюз. Куз928 (326)*; Трудно Марфой быть, Марией — Просто... // .. Горько Марфой быть, Марией — Сладко... // .. стыдно Марфой быть, Марией — Славно... ===== Бренно Марфой быть, Марией — Вечно... ===== ...Все-то мыла и варила... Грязно Марфой быть, Марией — Чисто... *Аллюз. Цв936 (II, 342.2)*.

ИЛИ [Или (Эли) — одно из имен Бога (др.-евр.); см. тж ЭЛО-ИМ] Навсегда протер глухие длани Звездный твой Пилат. Или, Или, лама савахфани, Отпусти в закат. [«Или, Или, лама савахфани» — слова Иисуса Христа, означающие: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?»] (Мф. 27,46) *Цит. Ес916-17 (I, 254)*.

ШЕРЕМЕТЕВ [А. Д. Шереметев — дирижер и композитор, в 1905 г. начальник придворно-певческой капеллы] Это отец подымал свой ремень На тех, кто не сыты! И, отступление заметив, Чугунным

певчим Шереметев Махнул рукой, сказав: «Довольно Свинца крамольникам подпольным!» *Иноск. Хл921 (150)*.

ПЕГАС [в др.-греч. мифологии — крылатый конь, выбивший ударом копыта на горе Геликон ключ Иппокрену; символ поэт. вдохновения; в знач. *нариц.*] В вашей анкете / вопросов масса: / — Были выезды? / Или выездов нет? — / А что, / если я / десяток пегасов / загнал / за последние / 15 лет?! *Шутл.-ирон. М926 (246)*.

АЛЕКСАНДРА [А. Федоровна (1872–1918) — российская императрица, жена Николая II (с 1894 г.); см. *тж* ЦАРИЦА] Быть / Керенскому / биту и ободрану! / Уж мы / подыдем / с царевой кровати / эту / самую / Александру Федоровну. [игра слов: Керенского звали *Александр Федорович*] *РП Ирон. Клмб. М927 (534)*.

МУЗЕНЬКА [*ласк. к МУЗА*] Муза, музичка Плоской ступней шагала, Говоря во все горло... Милая Музенька Пальчиком стерла Допотопные начала. *Куз918 (214)*.

Весьма интересны в словаре способы передачи точки зрения или сомнений составителей. Помета «Хм.» («знак сомнения в правоте поэта») обычно характеризует отдельную цитату внутри статьи, поэтому находится в конце приведенного контекста, например:

КОРНЕЛЬ [Пьер К. (1606–1684) — франц. драматург] Орете: / «Пожарных! / Горит Мурильо!» / А мы — / не Корнеля с каким-то Расином — / отца, — / предложи на старье меняться, — / мы / и его / обольем керосином / и в улицы пустим — / для иллюминаций. *Хм. М918 (79)*.

Условный знак «?» («знак сомнения»), может находиться в разных зонах статьи, которые сопровождаются описанием или комментарием составителей. Приведем примеры:

ЛУИЗА [назв. парохода?] Может быть, из Гавра, Из Марселя Приплывет Луиза иль Жаннет, *Ес924 (II,225)*.

ТКАЧЕНКО [?] Как ткнуться? Что сказать? Перебрала оттенки. «Я — confidentка Шмидта? Я — его дневник? Я — крик его души из номеров Ткаченки, Вот для него цветы и связка старых книг? Удобно ли тогда с корзиной гиацинтов, Не значась в их глазах ни в браке, ни в родстве?» — *РП П926-27 (I,329.1)*.

РАСТРЕЛЛИ [Бартоломео Карло Р. (1675–1744) — рус. скульптор итал. происхождения] .. Царям / дворец / построил Растрелли. / Цари рождались, / жили, / старели. / Дворец / не думал / о вертлявом постреле [о Керенском?]. *М927 (527)*.

Появление и использование таких знаков в словарях литературной ономастики может быть обусловлено разными причинами: омонимией имен собственных, сложностью и многоплановостью поэтической семантики, отсутствием фактической информации о прототипе литературного персонажа. Между тем основной проблемой словарного описания ономастической лексики является установление необходимого минимума энциклопедических сведений, который был бы достаточным для интерпретации материала.

Выводы

Описание антропонимической лексики в рассмотренных словарях авторского языка подчинено принципам и подходам, принятым в каждом из них в отношении всех лексических групп. Специфика лексикографирования ономастической лексики заключается в двойственном характере ее семантики, которая обычно включает общеизвестный и контекстуальный компоненты. Соотношение каждого из данных компонентов в семантике имени собственного может быть разным (например, с одной стороны, прецедентные имена и, с другой стороны, имена персонажей, которые впервые появляются в произведении исследуемого автора). Между этими полярными ситуациями существует множество частных вариантов, которые требуют от составителей поиска особых решений. Так, например, семантика прецедентного онима может осложняться появлением у него дополнительных сем в авторском идиостиле. Другой пример — наличие прототипа у персонажа, имя которого появляется в литературном пространстве впервые. Решение этих, как и многих других вопросов определяется в авторских словарях их концепцией, целями и задачами.

За рамками настоящей статьи остались некоторые проблемы, которые также определяют специфику словарного описания литературной ономастики: нейтрализация противопоставления имен нарицательных и собственных в художественном языке, полисемия имен собственных и реальные исторические лица в художественном тексте.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

1. САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1–6. Л., 1974–1990.
2. САТГ–ИС — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Имена собственные. Л., 1975.
3. СЯП — Словарь языка Пушкина. Т. 1–4. М., 2000.
4. СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–8. М., 2001–2019.
5. СЯРП–СИ — Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имён. М., 2005. [URL:] <https://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003> (дата обращения: 29.04.2020).

Научная литература

1. Григорьев 1973 — Поэт и слово: опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. М., 1973.
2. Калинин 1999 — Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). Донецк, 1999.
3. Калинин 2018 — Калинин В. М. Ономография и поэтономография как самостоятельные научные направления // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2018. № 2. С. 31–35.
4. Козырев, Черняк 2015 — Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2015.
5. Сталтмане 1989 — Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. М., 1989.
6. Федотова 2017 — Федотова К. С. Поэтономография как новое направление авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 39–53.
7. Фомин 2009 — Фомин А. А. Всегда ли литературная ономастика тождественна поэтической ономастике? // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 57–67.
8. Шестакова 2011 — Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.
9. Шестакова 2019 — Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

M. Sharikhina. Specialities of Literary Onomastics Description in Russian Author Lexicography (Based on the Material of Personal Names)

Keywords: proper names, literary onomastics, dictionary description, author's lexicography, metalanguage.

The article focuses on metalanguage specialties that serve to describe personal names in three author dictionaries: «Dictionary of Pushkin's Language», «Dictionary of M. Gorky's Autobiographic Trilogy» and in the dictionary «Proper Name in 20th Century Russian Poetry: Dictionary of Personal Names». The main attention is paid to the question of the correspondence of the chosen methods and approaches to the concept of the dictionary as well as its goals and objectives.

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: словарь, антропонимы, русская панегирическая поэзия XVIII в., переносное значение, образное употребление.

Статья посвящена проекту словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII в. Основным материалом словаря станут торжественные оды и стихи русских поэтов XVIII в. Особое внимание будет уделено фиксации различных форм семантических преобразований антропонимов: их использованию в аллегории, в значении нарицательного существительного, вместо другого антропонима, в составе перифразы, сравнения или устойчивого сочетания. Представлен первоначальный вариант инструкции для составителей словарной статьи и пробные статьи.

I

С 2018 г. в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН ведется работа по подготовке словаря антропонимов в русской поэзии XVIII в. (на материале поэтических панегирических жанров). Такой словарь предполагается подготовить и выпустить в рамках серии тематических выпусков словарного проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова». Актуальность словаря обусловлена тем, что антропонимика XVIII в. обычно исключалась из словарного описания русской лексикографии¹. «Словарь Академии

* Евгений Михайлович Матвеев, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: ematveev@list.ru.

¹ Отметим, что на протяжении XVIII века неоднократно появлялись издания, содержащие справочную информацию о мифонимах. См., например: [Аполлодор 1725; Чулков 1767; Попов 1768; Аполлос 1781; Аполлос 1785; Этингер 1786] (благодарю С. С. Волкова за напоминание

Российской» [САР¹, САР²] и «Словарь церковнославянского и русского языка» [Сл. 1847] не содержат имен собственных. В наиболее авторитетном на сегодняшний день словарном издании, описывающем лексический массив XVIII в., — в «Словаре русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII], — антропонимы, теонимы и мифонимы отражены весьма ограниченно. Согласно проекту словаря, в него должны были быть включены: а) личные имена, употребленные в нарицательном смысле (обычно — в составе терминологических сочетаний и сложных терминов: *Иван-да-Марья*, *Иван-чай*, *Петров крест* — трава, *Антонов огонь*, *Анютины глазки* и т. п.), развившие переносно-характеризующие значения или употребленные в символически-обобщенном плане (часто в составе фразеологических оборотов, в пословично-поговорочных выражениях, перифразах: *Фома неверный*, *Иуда*, *Каин*, *сыновья Адама*, *лоно Авраама*, *Авессаломова злоба* и т. п.); б) имена и фамилии исторических лиц в случае их явного образно-символического употребления или формирования у них нарицательных значений (*Крез*, *Меценат*,

об этих справочниках). Существует также значительная традиция описания имен собственных в авторской лексикографии. См. обзор авторских словарей, в которые включены имена собственные, в книге [Шестакова 2011: 115–130]. Среди наиболее ранних такого рода справочников, упоминаемых исследовательницей, — пособия Я. Грота «Язык Державина. Словарь к стихотворениям Державина» [Грот 1883а] и «Общий именной указатель ко всем IX-ти томам академического издания сочинений Г. Р. Державина» [Грот 1883б], а также «Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» [Петров 1904]. В дальнейшем, однако, материал русского XVIII в. для разработки метаязыка лексикографического описания имен собственных не привлекался. См. в наст. изд. статью М. Г. Шарихиной, в которой проанализирован метаязык описания ономастики в трех словарях, — «Словаре языка Пушкина» [СЯП], «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» (выпуск «Имена собственные») [САТГ-ИС] и словаре «Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имён» [СЯРП-СИ]. При всей ценности накопленного в этих впечатляющих словарных проектах лексикографического опыта он оказался не вполне применим для целей настоящего словаря, посвященного XVIII в. — весьма специфической эпохе в истории русского литературного языка. Учитывая опыт предшественников, мы должны были разработать свой, соответствующий именно этому материалу, метаязык.

Цицерон, Август; Лютеры, Кальвины — в значении последователи учения и т. п.); в) мифологические имена, формирующие поэтику русского классицизма и предромантизма и обладающие большой степенью употребительности и популярности в русской литературной традиции XVIII в. (*Зевс, Юпитер, Вакх, Венера, Афродита, Марс, Геркулес, Озирис, Изида, Перун, Велес, Лада, Лель* и т. п.); г) имена литературных персонажей, употребляющиеся в нарицательном значении как обобщенные обозначения типических характеров (*Ментор, Дон-Кишот (Дон-Кихот), Ловелас (Ловлас)* и т. п.) [СлРЯ XVIII 1977: 17–18]. В «Правилах пользования словарем», изданных через 7 лет после Проекта, об онимах сказано следующее: «Не включена в Словарь ономастика и топонимика. Исключение сделано для ряда широко представленных в текстах XVIII в. мифологических, исторических, литературных имен, как правило, получивших типовое значение и переосмысленных» [СлРЯ XVIII 1984: 6]. В опубликованных выпусках словаря (Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–22. СПб., 1992–2019) образно-символическое или переносное употребление имен последовательно показано только в отношении имен мифологических — библейские и исторические имена, активно используемые в русской поэзии XVIII в. в образном контексте или в переносном значении (*Агарь, Александр (Александр Македонский), Алкивиад, Гектор, Ликург, Колумб, Моисей, Навин (Наввин), Ньютон (Невтон), Петр (Петр I), Платон* и мн. др.), в словаре не описаны.

Между тем, антропонимы и примыкающие к ним теонимы и мифонимы² в русской словесной культуре XVIII в. исключительно

² Для нашего материала представляется уместным использовать широкую трактовку термина *антропоним* и включать в это понятие собственно антропонимы в узком смысле [Подольская 1978: 30], мифоантропонимы как частные случаи мифонимов [Подольская 1978: 125] и теонимы [Подольская 1978: 131]. Причиной такого широкого понимания термина «антропоним» является то обстоятельство, что важной отличительной особенностью русской торжественной оды было объединение реальной и нереальной ономастики. Например, М. В. Ломоносов в «Оде

важны для формирующегося в эту эпоху русского литературного языка — именно в это время в России идет интенсивное формирование ономастического поля как особой лингвистической и историко-культурной категории и складывается культурно-исторический антропонимический тезаурус европеизированной культуры. Использование антропонимов в русской поэзии XVIII в. — одно из заметных средств создания экспрессивной образности поэтического стиля этой эпохи. При этом особенно ярко ощутимо функционирование антропонимов в качестве формульных элементов ведущего поэтического жанра эпохи «готового слова» [Михайлов 1997: 117] — торжественной оды. Именно в художественном пространстве оды и других панегирических поэтических жанров (панегирических стихов, надписей), репрезентирующих государственную имперскую мифологию русского XVIII в., соединяются герои, принадлежащие разным культурным традициям и эпохам — персонажи античных мифов, библейские цари и герои, деятели политической истории средних веков и нового времени, в том числе русские князья, цари, императоры, и даже ученые и литераторы [Абрамзон 2004: 3; Алексеева 2005: 192]. Цель осуществляемого словарного проекта — показать эти формульные элементы торжественной оды, пользуясь средствами метаязыка современной исторической лексикографии. В процессе работы над Словарем будут использоваться в том числе стратегии и приемы, выработанные в процессе составления «Словаря языка М. В. Ломоносова» в ИЛИ РАН. С другой стороны, метаязыковые приемы, разработанные для Словаря антропонимов, могут быть в будущем использованы в метаязыке «Словаря языка М. В. Ломоносова», в словник которого входят имена собственные.

на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1747 года» пишет: «В полях кровавых **Марс** страшился, / Свой меч в **Петровых** зря руках, / И с трепетом **Нептун** чюдился, / Взирая на Российский флаг» [Ломоносов 1959: 200]. Марс и Нептун оказываются такими же героями ломоносовской оды, каким является император Петр I.

II

Основной материал Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII в. составляют торжественные оды и стихи В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Н. Н. Поповского, М. М. Хераскова, А. А. Ржевского, Г. Р. Державина и Е. И. Кострова. Помимо этого, в материал Словаря вошли панегирические произведения В. И. Майкова, М. Н. Муравьева, И. И. Хемницера, Н. М. Карамзина и других поэтов XVIII в., которые включены в поэтический подкорпус «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ].

Одическому тезаурусу антропонимов, теонимов и топонимов М. В. Ломоносова посвящено исследование Т. Е. Абрамзон [Абрамзон 2004]. По сходным принципам нами были описаны антропонимы в торжественных одах и панегирических стихах других поэтов XVIII в. В описание попали следующие основные группы имен собственных: 1. Античные мифологические имена. 2. Библейские имена. 3. Исторические имена. Отдельно фиксировались различные формы семантических переосмыслений имен, в том числе использования собственного имени в значении имени нарицательного или другого имени собственного.

К настоящему времени созданы базы данных антропонимов в поэтических панегириках В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, М. М. Хераскова, Е. И. Кострова, Н. Н. Поповского, А. А. Ржевского и Г. Р. Державина (в базе более 2000 примеров).

III

Фиксация различных форм семантических преобразований антропонимов является одной из главных задач запланированного словаря. О семантической многоплановости мифологических имен в русской словесности XVIII в. писала, в частности, Л. А. Войнова: она разработала целую программу представления

мифологических имен в историческом словаре³, выделив две основные формы использования мифологических имен, каждая из которых имеет свои разновидности.

1. Мифологические имена в первичном основном значении:

а) имя в первичном прямом значении (называние конкретного мифического персонажа);

б) имя для обозначения скульптурных, живописных и других изображений мифических персонажей, например: *Кругом везде Амуры, не без смысла тут поставленные* (Карамзин);

в) мифологические имена в простейшей устойчивой символике (в аллегории): в этом случае заключенный в имени персонажа символ выступает на первый план, перекрывая первичную назывную функцию собственного имени, но переосмысления имени не происходит и оно сохраняет свое основное значение, например: *Во образе Екатерины / Сама Минерва се грядет* (Петров).

2. Использование мифологических имен в образно-перифрастическом плане для художественного описания каких-либо событий, действий, явлений природы, отвлеченных идей и т. п.:

а) имя в развернутой образной конструкции, например: *И се Минерва ударяет / В верьхи Рифейски копием* (Ломоносов);

б) имя в перифрастической конструкции, например: *слезы Авроры 'роса', сын Беллоны 'солдат'*;

в) имя в сравнительном обороте, например: *Не швед ли мнил, что он главою, / Как Атлас, держит целый свет* (Ломоносов);

г) прямое использование мифологического собственного имени для обозначения изображаемого лица, в том числе регулярные уподобления определенных исторических лиц соответствующим мифологическим персонажам, например: *(Российский) Геркулес 'о Петре I', (Северная, Российская) Минерва 'о Екатерине II'* («Такое изображение конкретного лица в образе античного бога или героя, которое условно можно назвать олицетворением, — пишет

³ К сожалению, разработанная Л. А. Войновой программа не была в полной мере реализована при составлении Словаря русского языка XVIII в. и других исторических словарей.

Войнова, — строилось на переносно-метафорическом переосмыслении мифологического собственного имени, в основе чего лежали привычные для поэтики классицизма и всей литературы XVIII в. ассоциативные связи»);

д) имя в новом переносном значении, которое формировалось на основе системного использования мифологических имен в образно-перифрастическом плане, например: *Марс* ‘война, битва’, *Морфей* ‘сон’, *Афродита* ‘вообще о красавице’ [Войнова 1977: 122–126].

Описанный нами материал демонстрирует, что сходные формы семантических преобразований используются в русской поэзии XVIII века не только при использовании мифологических имен, но и имен библейских и исторических. Например:

Моисей ‘великий законодатель’

В законах буди Моисеем <к Павлу Петровичу> (Херасков).

Петр ‘выдающийся правитель’

*Сердца мы Богу открываем, / Гремящим гласом все взываем: /
Утешь от Павла нас плодом! / Вели, чтоб в век цвела Россия! / И от
Наташи другия, / От Ней и Павловой любви, / Другаго нам Петра
яви!* (Херасков).

Новый Феофан ‘Платон Левшин’

И слыша нова Феофана, / Зрит Бога он во естестве <о Павле
Петровиче> (Сумароков).

IV

Еще до знакомства со статьей Войновой мы провели собственный анализ семантических преобразований мифологических, библейских и исторических имен в торжественных одах В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова и М. М. Хераскова. Этот анализ стал основой для нашей типологии семантических изменений антропонимов в панегирической поэзии XVIII в. Были выделены следующие типы семантического переосмысления или семантического осложнения личных имен в панегирической поэзии:

1. Антропоним в значении нарицательного существительного (антономазия). Например: *Ахиллес* ‘храбрый воин, герой’: *Под инну*

Трою вновь приступит / Российский храбрый Ахиллес (Ломоносов); *Пойдет Российский Ахиллес* (Сумароков); *Невтон* ‘ученый-естествоиспытатель’, *Платон* ‘философ, учёный-гуманитарий’: ... *может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля раждать* (Ломоносов).

2. Мифоним, замещающий антропоним (особая форма олицетворения). Например, образные наименования императрицы Екатерины II: *Астрея* (Петров); *Паллада* (Ломоносов); *Семирамида* (Сумароков); *Минерва* (Херасков).

3. Антропоним, замещающий этноним или топоним. Например, о Турции и турках: *Агарь* (Сумароков); *Мухаммед*, *Магомед*, *Магмед* (Ломоносов, Петров, Державин).

4. Антропоним в составе перифразы. Например, о Екатерине II: *О волн евксинских Амфитрита!* (Петров); о Петербурге: *Красуются Петровы стены* (Ломоносов); о Елизавете Петровне: *Мы славу Дщери зрим Петровой* (Ломоносов); о П. И. Панине: *Перикла Роска не забудет* (Сумароков); об Александре I: *Росския Минервы Внук / Умножил древней славы звук* (Херасков).

5. Антропоним в составе устойчивого сочетания (фразеологической единицы). Например, *закрывать вход во Янов дом* ‘прекратить войну’: *Премудрыя минервы персты, / Закрыли вход во янов дом* (Сумароков).

6. Антропонимические рифмы (всякая лексема на рифменной позиции получает семантическое осложнение, вступая в особые семантические отношения с рифмующимся словом). Например, *Морфей — Орфей: Не сладким сном в ночи прельщает / Народы дремлющи Морфей; / Не басни Амфион вещает, / Не камни движет здесь Орфей* (Херасков);

7. Обыгрывание антропонимов, относящихся к соименным героям. Например: *Наталия Красой прельстила, / И нам Петра произростила; / Яви нам новыя цветы, / Плоды последуют за ними: / Наталия судьбами сими, / Произрости Петра и ты!* (Сумароков). Автор обыгрывает совпадающие имена матери Петра I, Наталии Кирилловны Нарышкиной, и супруги Павла I, великой княгини Наталии Алексеевны.

8. Формирование в поэтическом контексте устойчивых бинарных пар антропонимов. Например: *Александр* и *Константин* (великие князья Александр и Константин Павловичи); *Колумб* и *Магеллан*; *Евгений* (Евгений Савойский) и *Тюрени*, *Борей* и *Зефир*⁴.

V

Ниже мы помещаем существующий на данный момент (июнь 2020 года) вариант инструкции для составителей словарных статей и пробные статьи словаря, составленные участниками проекта.

Инструкция для составителей Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века⁵

1. Заголовочные единицы

Словарь описывает антропонимы, встретившиеся в произведениях русской панегирической поэзии XVIII в. Заголовочными единицами Словаря являются современные энциклопедические формы этих антропонимов.

2. Отбор иллюстративного материала для словарной статьи и оформление ссылок на источники

Основным материалом Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII в. является русская панегирическая поэзия XVIII в. (торжественные оды, надписи, панегирические стихи). В основной материал словаря не включается духовная, философская, любовная, анакреонтическая, танатологическая поэзия, горацианские оды, дружеские послания и другие лирические жанры этой эпохи, а также эпические поэмы и драматургия. Хронологические границы материала словаря: с 1734 г. (появление

⁴ Подробнее об основных типах семантических преобразований имен в русской одической поэзии см.: [Бухаркин, Матвеев 2020].

⁵ В обсуждении составительских принципов и правил, помимо автора настоящей статьи, принимали участие члены коллектива словаря: С. С. Волков, С. С. Дубова, Н. В. Карева, Н. В. Кузнецова, А. С. Смирнова, М. Г. Шарихина.

«Оды торжественной о сдаче города Гданска» В. К. Тредиаковского) до 1801 г. (год воцарения Александра I).

Для отбора основного материала словарной статьи используют следующие имеющиеся у авторского коллектива базы данных:

- 1) база данных «Панегирические оды В. К. Тредиаковского»;
- 2) база данных «Панегирические оды М. В. Ломоносова»;
- 3) база данных «Панегирические оды А. П. Сумарокова»;
- 4) база данных «Панегирические оды Н. Н. Поповского»;
- 5) база данных «Панегирические оды М. М. Хераскова»;
- 6) база данных «Панегирические оды А. А. Ржевского»;
- 7) база данных «Панегирические оды и стихи В. П. Петрова»;
- 8) база данных «Панегирические оды Е. И. Кострова»;
- 9) база данных «Панегирические оды и стихи Г. Р. Державина»⁶.

Основными источниками Словаря, на основе которых были составлены вышеуказанные базы данных, являются следующие издания:

1. *Державин Г. Р.* Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 1. 1864. Т. 2. 1865. Т. 3. 1866.
2. *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1802.
3. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. / гл. ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец. М.; Л., 1950–1983. Т. 8. 1959.
4. *Петров В. П.* Сочинения: в 3 ч. СПб., 1811.
5. *Петров В. П.* Выбор Максима Амелина. М., 2016.
6. Поэты XVIII века: в 2 т. Л., 1972.
7. *Ржевский А. А.* Ода Ея Величеству Великой Государыне Императрице, истинной Матери отечества, Елисавете Петровне // Полезное увеселение. 1761. Декабрь. № 21.
8. *Ржевский А. А.* Ода Его Величеству, Всепресветлейшему, Державнейшему Великому и Милосердому Государю, Императору Петру Федоровичу, Самодержцу Всероссийскому, на всерадостное восшествие на Всероссийский престол // Полезное увеселение. 1762. Март.
9. *Ржевский А. А.* Ода Всепресветлейшему, Державнейшему Великому и Милосердому Государю, Истинному Отцу подданных, Императору

⁶ Базы 1–7 составлены Е. М. Матвеевым, база 8 составлена С. С. Волковым, база 9 — С. С. Волковым, Е. М. Матвеевым и М. Г. Шарихиной.

- Петру Федоровичу, Самодержцу Всероссийскому. Приносится в знак благодарности за безвременное и милосердное пожалование вольностию Российских дворян. Сочинена 1762 году Марта 1 дня // Полезное увеселение. 1762. Март.
10. *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне на восшествие на престол. М., 1762.
 11. *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне на день рождения ея. М., 1763.
 12. *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне в новый 1764 год. М., 1764.
 13. *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне на прибытие из Санкт-Петербурга в Москву. М., 1767.
 14. *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. императору Александру Павловичу на день восшествия на престол. СПб., 1801.
 15. *Сумароков А. П.* Оды торжественныя. Елегии любовныя / издание подготовил Р. Вроон. М., 2009.
 16. *Третьяковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так прозою / издание подготовила Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009.
 17. *Херасков М. М.* Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные: в 12 т. М., 1797–1801. Ч. 7. [1798?]

Для отбора иллюстративного материала, не попавшего в базы данных, составителями осуществляется дополнительный поиск примеров употребления имени по следующим ресурсам:

1) Национальный корпус русского языка (НКРЯ), поэтический подкорпус (<http://www.ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>). При обращении к материалам НКРЯ состав авторов может быть расширен (в словарную статью могут быть добавлены иллюстрации из панегирических произведений В. И. Майкова, М. Н. Муравьева, И. И. Хемницера, Н. М. Карамзина и других поэтов XVIII в.).

2) Издания поэтических произведений В. К. Третьяковского [Третьяковский 1963; Третьяковский 2009].

3) АПСС М. В. Ломоносова [Ломоносов 1950–1983]⁷.

4) ПСС А. П. Сумарокова [Сумароков 1787] и издание [Сумароков 1957].

⁷ Электронный текст настоящего издания был создан сотрудниками отдела «Словарь М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

5) Конкорданс к произведениям Г. Р. Державина (<http://derzhavin.petsru.ru/site/index-search>).

Также дополнительно рекомендуется обратиться к указателю словоформ в издании «Стихотворений» М. Н. Муравьева (https://rvb.ru/18vek/muravjov/wtindex/toc_index.html), к «Общему именному указателю ко всем IX-ти томам академического издания сочинений Г. Р. Державина» Я. Грота [Грот 1883б] и к Картотеке Слова-ря русского языка XVIII века, хранящейся в ИЛИ РАН.

Иллюстрации из произведений поэтических панегирических жанров помещаются в основной раздел словарной статьи (шрифт Times New Roman, 12 пт). Ссылки на источники помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом.

1) Однотомные издания (указывается фамилия автора и страница):

<i>издание</i>	<i>оформление ссылки</i>
Петров 2016	Петров, 5
Сумароков 2009	Сумароков, 5
Третьяковский 2009	Третьяковский, 5

2) Многотомные издания (указывается фамилия автора, том и страница):

<i>издание</i>	<i>оформление ссылки</i>
Державин 1864–1883	Державин I, 5 Державин II, 5 Державин III, 5
Костров 1802	Костров I, 5
Ломоносов 1959	Ломоносов VIII, 5
Петров 1811	Петров I, 5 Петров II, 5 Петров III, 5
Сумароков 1787	Сумароков II, 5 Сумароков IX, 5
Херасков 1798	Херасков VII, 5

3) Издания серии «Библиотека поэта»:

<i>издание</i>	<i>оформление ссылки</i>
Поэты 1972	Ржевский БП I, 5 Петров БП I, 5 Поповский БП I, 5 Костров БП II, 5
Сумароков 1957	Сумароков БП, 5
Тредиаковский 1963	Тредиаковский БП, 5

4) Оды А. А. Ржевского, вышедшие отдельными изданиями в XVIII в. и позднее не переиздававшиеся:

<i>издание</i>	<i>оформление ссылки</i>
Ржевский 1761	Ржевский 1761, 5
Ржевский 1762а	Ржевский 1762а, 5
Ржевский 1762б	Ржевский 1762б, 5
Ржевский 1762в	Ржевский 1762в, 5
Ржевский 1763	Ржевский 1763, 5
Ржевский 1764	Ржевский 1764, 5
Ржевский 1767	Ржевский 1767, 5
Ржевский 1801	Ржевский 1801, 5

В необходимых случаях, когда название произведения проясняет смысл приводимой цитаты, оно может быть добавлено в ссылку после фамилии автора, например: (Сумароков «Ода Государыне Императрице Елисавете Первой, о Прусской войне», II, 20).

При цитировании материалов Национального корпуса русского языка приводится фамилия автора, название произведения, сокращение «НКРЯ», например: (Муравьев «Храм Марсов», НКРЯ).

В словарь могут быть включены иллюстрации из дополнительных источников — в таких случаях в скобках после цитаты приводится фамилия автора, а сноска оформляется в подстрочном примечании (см. статью **АСТРЕЯ** ниже в разделе «Пробные словарные статьи»).

Иллюстрации из произведений поэтических непанегирических жанров, а также из прозы могут быть при необходимости включены

в словарь в качестве дополнительного сопоставительного материала в специальный раздел «Комментарий» (о нем см. ниже). В разделе «Комментарий» при использовании любых источников после цитаты в скобках указывается только фамилия автора и название произведения (Дмитриев «Ода П. П. Бекетову»).

3. Начальный раздел словарной статьи

Начальный раздел словарной статьи включает четыре компонента:

1. Заголовок словарной статьи — современная энциклопедическая форма имени (шрифт Times New Roman, 14 пт, полужирный, маюскул). Энциклопедическая форма берется из авторитетных энциклопедий и словарей, содержащих исторические и мифологические имена (см., в частности: [МС; МНР; ПЭ; РИЭ; СИЭ; ЭС]).

2. Форма имени на языке оригинала для имен на древнегреческом, латинском и новоевропейских языках (шрифт Times New Roman, 14 пт, курсив).

3. Для исторических лиц — годы жизни (шрифт Times New Roman, 14 пт, обычный).

4. Семантическое описание, в которое, помимо базовой энциклопедической информации, могут быть включены элементы содержания, выявленные в ходе анализа иллюстративного материала словарной статьи (шрифт Times New Roman, 14 пт, обычный).

Пример оформления начального раздела статьи:

ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ (нем. *Friedrich II, Friedrich der Große*, 1712–1786) — прусский король (1740–1786), выдающийся полководец, покровитель наук и искусств.

4. Показ вариантов имени

Варианты, встретившиеся в иллюстративном материале, приводятся вертикальным списком (шрифт Times New Roman, 14 пт, обычный). Например:

МИНИХ, БУРХАРД КРИСТОФ...

Миних

Минних

В словаре регистрируются фонетические, орфографические, словообразовательные и другие варианты имени. Вариантами одного имени считаются, в частности:

а) изолированное имя и имя с устойчивым апеллятивным конвоем (Александр, Великий Александр — в статье **АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ**; Карл, Великий Карл, Карл дванадесятый — в статье **КАРЛ XII**);

б) варианты именования персонажа с использованием имени и фамилии (Емелька, Пугачев, Пугачов — в статье **ПУГАЧЕВ, ЕМЕЛЬЯН ИВАНОВИЧ**).

Имена богов и героев древнегреческой мифологии (Афина, Зевс, Геракл) и имена отождествляемых с ними богов и героев римской мифологии (Минерва, Юпитер, Геркулес), с учетом различий их семантических обертонов и функций в русской поэзии XVIII в. описываются в *разных* статьях.

Также в разных словарных статьях описываются имена и прозвища (эпитеты) мифологических персонажей (Марс и Градив; Геракл и Алкид (Алцид); Аполлон и Феб), имена и прозвища исторических персонажей (Суворов и Рымникский).

5. Иллюстративный материал. Примеры использования имени без преобразования семантики

Задача иллюстративного материала — продемонстрировать особенности функционирования имени в русской панегирической поэзии XVIII в. Как правило достаточно привести один иллюстративный пример из произведений каждого поэта. Если имя встречается у нескольких поэтов, вошедших в материал словаря, то примеры располагаются в следующем порядке авторов: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков, Поповский, Херасков, Ржевский, Майков, Петров, Муравьев, Костров, Державин, Карамзин. При включении

в словарную статью иллюстрации из панегирической поэзии автора, не вошедшего в данный перечень, ее место определяется общей логикой и хронологией литературного процесса XVIII в. В начале раздела «Иллюстративный материал» приводятся примеры использования имени без преобразования семантики (в прямом значении).

Шрифт для набора текста иллюстративного материала: Times New Roman, 12 пт, обычный. Форма имени в приводимой цитате выделяется полужирным шрифтом, после цитаты в круглых скобках помещается ссылка на источник. Иллюстративный материал в некоторых случаях требует составительских комментариев, уточняющих смысл цитаты. Такие необходимые комментарии набираются курсивом и помещаются перед цитатой в угловых скобках (<...>), например:

КОНСТАНТИН I ВЕЛИКИЙ ..

<О Елизавете Петровне, вышедшей к Преображенским гренадерам с крестом в руках> Преж всех пошла с крестом Своим, / Чинил что прежде **Константин** (Ломоносов VIII, 57).

6. Иллюстративный материал. Примеры использования имени с преобразованием семантики

Фрагменты раздела примеров использования имени с преобразованием семантики, в которых демонстрируются различные виды семантических изменений, отделяются друг от друга абзацем и знаком «тире Срезневского» (—), который ставится перед соответствующей пометой или семантической рубрикой без пометы.

В словаре фиксируются следующие формы преобразования имен собственных в русской панегирической поэзии XVIII в:

1) Помета ***Мтн.*** — в метонимии.

Метонимия — это троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях смежности, связаны логически (при этом прямое значение сочетается с переносным). Например:

АННА ИОАННОВНА ..

— *Мтн. О России.* На юге **Анна** торжествует, / Покрыв своих победой сей (Ломоносов VIII, 23).

2) Помета **В аллег.** — в аллегории.

Под аллегорией понимается такая форма иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения. В аллегории отсутствует явление лексического переноса (все слова употребляются в прямом значении; ср. выше описание Л. А. Войновой случаев использования мифологических имен в простейшей устойчивой символикe (в аллегории), п. 1в), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета историко-культурных реалий, на которых строится образ. Аллегория тяготеет к однозначности и к синтаксически развернутой форме. Например:

МИНЕРВА ..

— *В аллег. О развитии горной промышленности на Урале.* И се **Минерва** ударяет / В верьхи Рифейски копием (Ломоносов VIII, 205).

НЬЮТОН, ИСААК ..

— *В аллег. О развитии естественных наук в России.* Твоя сияюща корона, / В России Лока и **Невтона** / И всех премудрых оживит (Сумароков, 39). Воззрим на здания Палладе, / И на жилищи Росских муз: / Узрим божественна Платона, / Сократа, Локка и **Невтона** (Сумароков, 124).

ЗЕФИР ..

— *В аллег. В описаниях природы, олицетворяющих мир, тишину, покой, обычно пришедших на смену войне, бедствиям, потрясениям.* Но как между стихий с зимой минет война / И нам является прекрасная весна, / От ней неистовы бореи убегают, / От ней приятные **зефиры** вылетают, / Дыхая по земле, дыхая по водам, / Велят всходить цветам, велят упасть волнам, / Ведут суда в моря

и земледельца в нивы, / Готовят сладкий плод и в пристань путь
счастливый (Ломоносов VIII, 529). Коль тщетно пышное упор-
ство, / Надеясь на свое проворство, / Збирает беглые полки; / В
пределы кроткого **зефира** / Златаго не приемлет мира: / Еще крова-
вой ждет реки (Ломоносов VIII, 656).

3) Помета **Антм.** — в антономазии.

Под антономазией понимается употребление имени собствен-
ного в значении нарицательного. Например:

АХИЛЛ ..

— **Антм.** *Отважный воин.* То не мать басней Троя, / Не один
тут **Ахиллес**: / Каждый рядовой из строя / Мужеством есть Геркулес
(Третьяковский, 152). Под инну Троя вновь приступит / Рос-
сийский храбрый **Ахиллес** (Ломоносов VIII, 106).

4) Помета **Олицетв.** — в олицетворении.

Такая помета в Словаре описывает примеры использования
имени мифологического персонажа для наименования историче-
ского лица. Здесь имя выполняет функцию устойчивого эпитета
или «имени-титла» [Проскурина 2006: 59], который присваивался
тому или иному историческому персонажу. Такие случаи можно
считать особой формой олицетворения (ср. выше классификацию
Л. А. Войновой, п. 2г). Например:

МИНЕРВА ..

— **Олицетв.** *Об Анне Иоанновне.* Не **Минерва** ль шлемом блещет?
(Третьяковский, 152). *О Елизавете Петровне.* Кто Ты? **Минерва**
иль Диана? Кто Мать Тебе и кто Отец? (Ломоносов VIII, 744). Мы
соружим похвал Тебе, **Минерве**, храм (Ломоносов VIII, 692). *О*
Екатерине II. Возшла **Минерва** на Престол (Ломоносов VIII, 780).
Представилась **Минерва** ясно, / Вещающая громогласно (Сума-
роков, 63). Чего желать России боле; / **Минерва** на ея престоле
(Сумароков, 71). Тебя <обращение к Павлу Петровичу> **минерва**

возросла, / Екатерине подражать (Сумароков, 179). В присутствии самой **Минервы**, / Талантов зрящей их на блеск, / Все рвутся быть искусством первы, / Снискать ея, верх счастья, плеск (Петров, 26). Встань, Платон, и посмотри, — / У нас **Минерва** на престоле (Петров, 38). В святилище доброт введенный я тобой <обращение к Г. Г. Орлову> / Питомец счастливый **Минервы** стал самой (Петров III, 43). Пронзи сих гидр, Орлов, то звание твое; / С тобою грозное **Минервы** копие (Петров III, 92). **Минерва**, царствующа нами / У вас <у поляков> оливу насадит (Херасков VII, 186). **Минервой** мужие избранны, / Те храмы бодрственно стрегут (Костров I, 57).

5) Помета **В перифр.** — в перифразе.

Перифраза — это фразеологическая единица, описательный оборот, который используется для замены какого-либо наименования. Отличительной чертой перифразы является ее неоднословность. В Словаре фиксируются перифразы, содержащие в своем составе антропонимы; перифрастические единицы (шрифт Arial Narrow, 12 пт, обычный) помещаются после пометы **В перифр.** и толкуются. Слова, входящие в перифразу, выделяются в иллюстративном материале полужирным шрифтом. Например:

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ ..

— **В перифр.** Новый Александр. *О Елизавете Петровне*. <В оде, посвященной Семилетней войне>. Не с Дарием имеешь дело, / Ты **новый Александр** теперь (Сумароков, 46).

В раздел «Иллюстративный материал» включаются только те перифразы, которые содержат заголовочные формы слова в качестве компонента. Перифразы, заменяющие заголовочное слово и не содержащие имени собственного, могут быть отражены в специальном разделе словарной статьи — в разделе «Комментарий» (о нем см. ниже). Пример оформления:

ЗЕФИР ..

☞ *В перифр.* Царь весны. Прервали ветры вдруг дыхания свои, / И царь весны, Зефир, не вее; / В молчаньи углубясь вся тварь благоговее (Петров II, 223).

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ ..

☞ *В перифр.* Смиритель стран Казанских. Кто с ним толь грозно зрит на юг, / Одеян страшным громом вкруг? / Никак **Смиритель стран Казанских?** / Каспийски воды, Сей при вас / Селима гордаго потряс, / Наполнил степь голов поганских (Ломоносов VIII, 23).

6) Помета *В сравн.* — в составе сравнения.

В Словаре показаны случаи использования антропонима в составе сравнения — отрезка речи, содержащего уподобление одного предмета другому. Например:

СОЛОМОН ..

— *В сравн.* О Л. А. Нарышкине. Так весел, горд, как **Соломон!** (Державин I, 746).

Пометой *В сравн.* могут быть обозначены различные типы сравнений — сравнительный оборот, придаточное сравнения, творительный сравнения (метаморфозы) и др.

7) В составе устойчивого сочетания.

В Словаре показывается функционирование антропонимов в составе устойчивых сочетаний. Фразеологизмы разных типов (идиомы, иносказательные речения, словосочетания, употребляемые с прямым значением слов-компонентов) описываются недифференцированно: знаки \diamond , Δ , \angle не используются. Устойчивые сочетания выделяются шрифтом Agial Narrow, 12 пт, обычный. В необходимых случаях приводится семантическое описание фразеологизма. Все слова, входящие в устойчивое сочетание, выделяются полужирным шрифтом. Например:

МАФУСАИЛ ..

— Мафусаилов век. *О долголетию*. <обращение к Павлу I> Щедроты океян излей / Помазанный святым елеем; **Мафусаилов век** владей, / В законах буди Моисеем (Херасков VII, 204).

БОРЕЙ ..

— Превратить Бореи (бореев) в (во) Зефиры. Геройских подвигов хранитель / И проповедатель, Парнасс / Времен и рока победитель, / Возвыси ныне светлый глас, / Приблизжи к небесам вершины / И для похвал Екатерины, / Как наша радость, расцветай, / Шуми ручьями с гласом Лиры, / **Бореи преврати в Зефиры**, / Представь зимой в полнощи рай Зима — Лето (Ломоносов VIII, 789). Могущ **бореев во зефиры**, / Кровавы брани в славны миры / И мечь в щедроту **превратить!** (Петров, 76).

8) Помета *Соим.* — обыгрывание антропонимов, относящихся к соименным героям.

Для русской панегирической поэзии XVIII в. характерны антропонимические уподобления императоров и членов императорской семьи соименным героям прошлого. В словаре такие контексты описываются при помощи пометы *Соим.*, после которой при помощи знака «→» указывается, кто кому уподобляется (перед стрелкой указывается имя героя прошлого, после стрелки — имя уподобляемого персонажа). Например:

КОНСТАНТИН I ВЕЛИКИЙ ..

— *Соим. Константин Великий* → *Константин Павлович*. Раскрылось Небо! во порфире / Стоит, зря долу, **Константин**, / И слышен глас его в ефире: / «Петрово Племя, Павлов Сын, / Кой перстом рока в мир извлекся, / И именем Моим нарекся; / Расти, мужайся, стани в бой. / Град, иже древле Мною основан, / Тебе во область уготован, / Определенно так судьбой» (Петров «На всевожденное рождение великого князя Константина Павловича 1779 г. апреля», 133).

В Словаре возможны случаи сочетания пометы *Соим.* с другими семантическими пометами: порядок следования помет в таких случаях определяется композиционной логикой словарной статьи.

9) Помета *В аллюзии.*

Эта помета используется в тех случаях, когда контекст, включающий рассматриваемое имя, содержит намек на какое-то известное историческое событие или литературное произведение. Ссылка на литературоведческий комментарий, раскрывающий смысл аллюзии, может быть помещена после иллюстрации в разделе «Комментарий» (о нем см. ниже), например:

МЕНТОР..

— *В аллюзии. О воспитании будущего императора Павла I.*

А Ментор то же утверждает, / Что предписует нам закон. / Страстей волнение побеждает / Во Телемаке Фенелон (Сумароков, 158).

✍ Ср. комментарий К. Хэлорд к сумароковской «Оде великому князю Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 дня 1771 года»: «Ода, обращенная к наследнику престола (20 сентября 1771 г. ему исполнилось семнадцать лет) отсылает к роману Фенелона “Приключения Телемака” <...> который использовался в процессе воспитания Павла Петровича <...> Образ Ментора, наставляющего молодого царевича Телемака, спроецирован на фигуру графа Н. И. Панина (1718–1783), воспитателя этого персонажа и его обергофмейстера» (Сумароков, 344–345).

10) Помета *Синкр.* — для сложных случаев преобразования семантики имени.

При появлении в Словаре иллюстрации, содержащей сложные преобразования семантики имени, которые не сводимы к одному из перечисленных выше типов, может быть использована помета *Синкр.*

7. Показ антропонимической сочетаемости (антропонимических групп)

В Словаре показывается устойчивая антропонимическая сочетаемость в русской панегирической поэзии XVIII в. Если имя неоднократно используется в сочетании с другим именем (именами), то это имя (или антропонимическая группа) фиксируется в Словаре после метаязыковой пометы «+». После формы имени, встретившейся в материале (шрифт Agial Narrow, 12 пт, обычный), в скобках указывается современная энциклопедическая форма имени; если данное имя включено в словник словаря, то перед энциклопедической формой ставится помета «см.». Например:

АЛЕКСАНДР I ..

+ Елисавета (см. Елизавета Алексеевна). Спрягают днесь Елисавета / Со **Александром** Их сердца (Херасков VII, 188). Источник и Создатель Света, От **Александра** взяв ребро, Да будет — рек — Елисавета! / И виде, яко есть добро (Херасков VII, 188). Се **Александр**, Елисавета! (Петров, 208). Се **Александр**, Елисавета / Красот возможных образец (Державин II, 372). **Александр**, Елисавета / Восхищаете вы нас (Державин II, 373).

+ Константин (см. Константин Павлович). <обращение к Павлу I> Ошуюю Тя Сын, и одесную Сын / Здесь крепкий **Александр**, а тамо / Твое священо рамо / Поддержит Константин (Петров II, 242). То **Александра**, Константина / Надежды кажда Росска сына, / Являет нам и вид и зрак (Костров I, 39). Цветите к счастью природы / О **Александр** и Константин (Костров I, 43). Да больше в них <в Павле Петровиче и Марии Федоровне> доброт приметят / И с большей радостью встретят / Их Александр и **Константин** (Костров I, 69).

ЕВГЕНИЙ САВОЙСКИЙ ..

— *Антм.* *Отважный полководец, знаменитый своими победами.*

+ Тюренн (см. Тюренн, Анри де Ла Тур д'Овернь), Мальборуг (см. Мальборо, Джон Черчилл). И се уже пред нашим войском, / Сократов ученик

и друг, / Или во действии геройском, / Тюренн, **Евгений**, Мальбо-
руг (Сумароков, 96).

8. Указание на особые синтаксические и композиционные позиции имени

В Словаре присутствуют указания на особые синтаксические и композиционные позиции имени — иллюстрации могут предв-
ряться пометами «*В заглавии*», «*В обращении*», «*В предикативной
функции*», «*В риторическом вопросе*», «*В речи персонажа*» и др.
(шрифт Times New Roman, 12 пт, обычный). Например:

ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ ..

.. *В обращении*. Парящий слыша шум орлицы / Где пышный дух
твой **Фридерик**? / Прогнаный за свои границы, / Ежели мнишь,
что ты велик? (Ломоносов VIII, 650). Покинь Берлин начато дело! /
Трясется **Фредерик** твой трон: / Несешь оружие ты смело, / Про-
тив великих трех корон (Сумароков, 42).

Соотношение помет, указывающих особые синтаксические и
композиционные позиции имени, с пометами, указывающими на
преобразование семантики, в разных словарных статьях различно:
в зависимости от композиционной логики словарной статьи пер-
вые могут предшествовать вторым либо следовать за ними.

9. Фиксация употребления имени в рифменной позиции

В Словаре фиксируются случаи использования имени соб-
ственного в рифменной позиции. Перечень рифмопар приводится
после пометы ***Рфм.*** (отдельно после пометы ***Антропоним. рфм.***
фиксируются случаи, когда друг с другом рифмуются антропо-
нимы). Порядок следования рифмопар следующий: сначала ука-
зывается фамилия поэта (шрифт Times New Roman, 12 пт, обыч-
ный), затем после двоеточия приводятся рифмопары (шрифт Times
New Roman, 12 пт, курсив), в скобках после каждой рифмопары

указывается вторая часть ссылки (том и страница / страница / сокращение «БП» и страница / сокращение «БП», том и страница — в зависимости от издания; шрифт Times New Roman, 12 пт, обычный). Например:

АХИЛЛ ..

Рфм. Ломоносов: *Ахиллес — небес* (VIII, 106); Сумароков: *небес — Ахиллес* (51), *Ахиллес — лес* (139), *лес — Ахиллес* (161, 187); Петров: *Ахиллес — изнес* (III, 48); *желез — Ахиллес* (36), *Небес — Ахиллес* (96), *примесом — Ахиллесом* (136), *чудес — Ахиллес* (133); Костров: *вознес — Ахиллес* (I, 123).

Антропоним. рфм. Третьяковский: *Ахиллес — Геркулес* (152); Петров: *Ахиллесы — Геркулесы* (III, 216).

10. Раздел «Комментарий»

Раздел «Комментарий» является дополнением к основной части словарной статьи. В отличие от основного материала Словаря, в этом разделе могут быть приведены интересные, заслуживающие внимания примеры функционирования имени в других поэтических жанрах русской литературы XVIII в., а также в прозе и в драматургии. При описании этого функционирования используется все вышеупомянутые метаязыковые приемы основной части Словаря. Помимо дополнительных иллюстраций, в разделе «Комментарий» могут быть размещены как прижизненные, так и позднейшие комментарии к иллюстрациям, приводимым в основной части статьи, и фрагменты источников переводов и переложений (необходимые ссылки на источники, не являющиеся основными источниками Словаря, и на научную литературу размещаются в постраничных сносках). Также в разделе «Комментарий» размещается дополнительный иллюстративный материал, не содержащий имени собственного (например, перифразы — см. выше). В зависимости от композиционной целесообразности раздел «Комментарий» может

быть представлен в виде отдельного блока (в этом случае он размещается после раздела рифм), а может быть разбит на части, которые следуют после иллюстраций, требующих каких-либо сопоставлений или комментариев. Раздел «Комментарий» маркируется абзачным отступом и метаязыковым знаком ≍ (шрифт этого раздела: Times New Roman, 10 пт). Например:

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ ..

≍ Великий Александр. **Великий Александр** тогда себя был боле. / Когда повелевал своей он сильной воле (Ломоносов «Краткое руководство к красноречию»). **Великий Александр** кладет на персов дань, / Великий Петр свой гром с берегов Бальтийских мечет (Сумароков «Наставление хотящим быти писателями»). Перикл, Алькивиад наукой не гнушались, / Начальники их войск наукой украшались; / **Великий Александр** и ею был велик, / Науку храбрый чтит венчаный Фридерик (Сумароков «О благородстве»). **Великий Александр** себе был в славе скучен (Карамзин «Протей, или Несогласия стихотворца»).

Ср. в прозе: Александр Великий, Александр Македонский. Продолжение средней комедии было от Лизандра Лакедемонянина до времен **Александра Великого** (Третьяковский «Рассуждение о комедии вообще»). О грамоте, данной от **Александра Великого** славенскому народу, повествование хотя невероятно кажется и нам к особой похвале служить не может, однако здесь об ней тем упоминаю, которые не знают, что, кроме наших новгородцев, и чехи оною похваляются (Ломоносов «Древняя Российская история»). Иулий Цезарь завидовал славе **Александра Великого**, равно как Александр завидовал славе отца своего Филиппа (Ломоносов «Краткое руководство к риторике»). **Александру Македонскому** ни в советах рассуждения, ни в сражении мужества, ни в благодеянии милости не доставало, ибо когда что сомнительное случалось, был премудрейший, когда с неприятелем биться надлежало, был прехрабрый, когда раздавал достойным награждения, был прещедрейший (Ломоносов «Краткое руководство к красноречию»). **Александр Великий** содержал

писмы ево <Гомера> в превеликом почтении (Сумароков «Примечания к “Двум эпистолам”»).

Ср. в ироническом контексте. Двойные заплатя прогоны, / Найдем копейных на часок / И, новы вздумав забобоны, / Героев примем за висок. / Сберем их целою толпою, / Чтоб Сципион, явися к бою, / На Анибала наплевал, / Помпея Цесарь в ухо хлопнул, / От **Александра** Дарий лопнул, / Ахилл туза Гектору дал (Хвостов «Ода»).

11. Отыменные производные

В отдельной зоне словарной статьи, который следует после раздела рифмопар, описываются производные прилагательные. Форма производного прилагательного (шрифт Times New Roman, 14 пт, полужирный) сопровождается грамматической пометой «прил.» (шрифт Times New Roman, 14 пт, курсив). При описании функционирования производного имени используются все вышеупомянутые метаязыковые приемы основной части Словаря.

Пример оформления:

КАРЛ XII ..

Карлов, *прил.*

— ***В перифр.*** Карлов дом. *О Швеции.* <О торжествах по случаю заключения Верельского мирного договора между Россией и Швецией, которые проходили в Петербурге 8 сентября 1790 г.; также предполагаемой помолвке шведского короля Густава Адольфа с великой княжной Александрой Павловной в 1796 г.> Сияньем Север украшайся, / Блистай Петров и **Карлов дом** (Державин I, 313–314; 758–759).

12. Отсылки к другим словарным статьям

Завершают словарную статью отсылки к другим словарным статьям, материал которых по тем или иным семантическим и историко-культурным критериям сопоставим с материалом данной словарной статьи. Для отсылок используется помета «См.»

(шрифт Times New Roman, 12 пт, обычный). Форма ссылки соответствует энциклопедической форме имени, которая является заголовочным словом словарной статьи (шрифт Times New Roman, 12 пт, курсив). Например:

АПОЛЛОН ..

— См. *Феб*.

БОРЕЙ ..

— См. *Аквилон, Зефир*.

Пробные словарные статьи

МИНЕРВА (*лат. Minerva*) — в римской мифологии богиня войны и мудрости, отождествляемая с греческой богиней Афиной.

Минерва

минерва

+ **Марс**. <обращение к Петру Федоровичу> Возри на труд и громку славу, / Что свет в Петре неложно читит; / Нептун познал Его державу, / **С Минервой** сильный Марс гласит (Ломоносов VIII, 109). Марс с **минервой** мя красят и без всякой лени, / Марс с **минервой** разделясь кажут мне ступени (Сумароков, 229). **Минерва** с Марсом зрели / На юнош полк младых, / По взорам разумели / Свою породу в них; / И чрез лета толики / Кто Александр Великий, / Кто будет Константин (Державин I, 402).

— **В аллег.** *Мудрость, могущество, сила*. Сопровождаемый **Минервой**, / На трон восходит Павел Первой (Херасков VII, 193). <обращение к И. И. Шувалову> Не только ты велик меж русскими сынами, / Но дивен и почтен Европы пред очами; / Когда в ее странах ты путь свой простирал, / Ведом **Минервою**, в ней грады посещал, / Пленен беседою всяк мудрый был твоею / И равною с тобой старался течь стезею (Костров БП II, 121).

— **В аллег.** *Об образе русских императриц*. **Минервы** чудный в ней <в Елизавете Петровне> изображался вид (Ломоносов VIII, 533). Во образе Екатерины / Сама **Минерва** се грядет (Петров, 116).

— *В аллег.* *О развитии науки и промышленности.* И се **Минерва** ударяет / В верхи Рифейски копием (Ломоносов VIII, 205). Нынче разум наш сияет, / Нас **Минерва** напоет, / Как Афинян прежде нас (Сумароков, 27). Любезна истинна ликует, / Науки в тишине цветут; / **Минерва** в славе торжествует, / Сияет честность, правда, суд (Херасков VII, 155).

— *В перифр.* Олтари Минерве. *Об учреждениях науки.* Се тако вне своих пределов страшны Россы! / Но внутрь воздвигнуты **Минерве олтари**; / Там пали молнией враждебные Колоссы; / Но здесь, здесь фимиам наукам воскури (Костров I, 118).

— *В перифр.* Храм, Минерве посвященный. *О Московском университете.* Сей **храм Минерве посвященный**, / Её столпами утвержденный / Сияет вящей красотой (Костров I, 40).

— *Олицетв.* *Об Анне Иоанновне.* Не **Минерва** ль шлемом блестяет? (Третьяковский, 152)

— *Олицетв.* *О Елизавете Петровне.* Кто Ты? **Минерва** иль Диана? Кто Мать Тебе и кто Отец? (Ломоносов VIII, 744). Мы сооружим похвал Тебе, **Минерве**, храм (Ломоносов VIII, 692).

— *Олицетв.* *О Екатерине II.* Взошла **Минерва** на Престол (Ломоносов VIII, 780). Представилась **Минерва** ясно, / Вещающая громгласно (Сумароков, 63). Чего желать России боле; / **Минерва** на ея престоле (Сумароков, 71). Тебя <обращение к Павлу Петровичу> **минерва** возростила, / Екатерине подражать (Сумароков, 179). В присутствии самой **Минервы**, / Талантов зрящей их на блеск, / Все рвутся быть искусством первы, / Снискать ея, верх счастья, плеск (Петров, 26). Встань, Платон, и посмотри, — / У нас **Минерва** на престоле (Петров, 38). В святилище доброт введенный я тобой <обращение к Г. Г. Орлову> / Питомец счастливый **Минервы** стал самой (Петров III, 43). Пронзи сих гидр, Орлов, то звание твое; / С тобою грозное **Минервы** копие (Петров III, 92). **Минерва**, царствующа нами / У вас <у поляков> оливу насадит (Херасков VII, 186). **Минервой** мужие избранны, / Те храмы бодрственно стрегут (Костров I, 57).

— *В перифр.* Минерва наших лет, своя Минерва. *О Елизавете Петровне.* Покрой Твой шлемом верх, **Минерва наших лет** (Ломоносов VIII, 74). Тебе с усердием, **Минерве мы своей**, / Приносим радостных сияние огней (Ломоносов VIII, 194).

— *В перифр.* Российская минерва, Росская Минерва, Минерва Росска, Минерва наших стран, твоя Минерва. *О Екатерине II.* **Минерва Росска** громы мечет (Сумароков, 143). **Российския минервы** персты / Закрыли двери днесь отверсты, / И янов затворили дом (Сумароков, 187). <обращение к Г. А. Потемкину> Она гласит, ты глас **твоей Минервы** внемлешь (Петров III, 51). Се юный отрок <Александр Павлович>, плод Их первый, / Благоуханной розы цвет! / На дланях **Росския Минервы** / От уст зефиры сладки льет (Костров I, 22). Блесни лучем, явись, как Ангел светозарен, / **Минерве наших стран** любезен, благодарен (Костров I, 91).

≈ Ср. в ораторской прозе М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова: Красуйся, новонасаженный в России сад художественных произращений, о своей августейшей покровительнице в безопасности, в довольствии, в радости. Небойся никакова поколебания: утверждает твои основания содержащая великую часть света. Неопасайся хитростных нападений от зависти: отвращает их щитом своим премудрая **Российская Минерва** (Ломоносов VIII, 810). Бездельство есть наука, болезнейшая участвующему прибыточеству человеческому, способнейшая развращенным сердцам, и приятнейшая невежам, ибо им и азбука ея уже приносит пользу. О треблаженная наука, коликое множество ты жителей сего мира обогатила! но **Российская Минерва** оную тунеядцов науку, многия лета торжествующу, не только от жертвенника но вон и из дверей, своего храма изгоняет, да торжествует смиренное Достоинство над гордым невежеством (Сумароков II, 265).

— *В перифр.* Росския Минервы внук. *О великом князе Александре Павловиче.* Се новый Александр родился / И берег Невский возгордился, / Что **Росския Минервы Внук** / Умножит древней славы звук (Херасков VII, 168).

— *В перифр.* Полк Минервы. *О Сухопутном шляхетном корпусе.* **Полк Минервы** вить Тобой <обращение к Анне Иоанновне> в Петербурге зрится (Сумароков, 230).

— **В сравн.** *О Елизавете Петровне.* То что ж сады здесь учреждены, / Отцом великим насаждены, / Где ныне дочь его вождем, / Велика ж равно, равно ж перва, / В земных богиня, **как Минерва?** / Воскликни: «Северный Едем!» (Тредиаковский БП, 362).

— **В сравн.** *Об А. М. Голицыне.* <обращение к туркам> О, в варварстве утопший род! / Как свято чтишь восход денницын, / Так свято тихий чти приход, / Когда прострет к тебе Голицын. / Ты чаял ли, чтоб сей герой / Предстал пред твой внезапно строй? / Он в облаке **Минервой** скрылся. / Так Фабиев ветер тихо дул, / Так Митридату был Лукулл, / Так он сошел, и мрак развился (Козельский «Ода на взятие Хотина», НКРЯ).

Рфм. Тредиаковский: *перва* — *Минерва* (БП, 362), Херасков: *Минервой* — *Первой* (VII, 193); Петров: *Минервы* — *первы* (26), *Минервы* — *первый* (67), Костров: *первый* — *Минервы* (22).

Минервин, прил.

— **В аллег.** Минервин храм. *Об учреждениях науки.* И алчный пламень пожирает / **Минервин** с громким треском **храм!** (Ломоносов, 217). И се царица растворяет / **Минервин** Россам пышный **храм** (Сумароков, 111). Се **храм Минервин** отворяют / Монаршия щедроты нам, / И Музы руки простирают / Российским дочерям и сынам! (Херасков VII, 88).

— **В аллег.** Минервин шлем. *Шлем Минервы — разновидность беотийского шлема с выступающим личником и выпуклым тыльником. О покровительстве Елизаветы Петровны наукам.* Как на главе Твоей **Минервин шлем** сияет, / Ея щитом рука Науки покрывает (Ломоносов VIII, 643).

— **В аллег.** Минервин эгид. *О Екатерине II как защитнице России.* Россия, Исполин величественный видом, / Многоочит и бодр, безтрепетен, восстал: / Отвсюду огражден **Минервиным Эгидом,** / Перуны от Ея во длани восприял (Костров I, 117).

— **Олицетв.** *О Екатерине II.* Луна зардевшись хотела / К ногам **Минервиным** упасть (Херасков VII, 162). Под **Минервиной** рукою, / Яко лавр, он возрастал <Павел> / И, исполняя красотою, / Нам героем возблестал (Майков «Ода на день брачного сочетания

цесаревича великого князя Павла Петровича и великия княгини Наталии Алексеевны», 234).

— Дни Минервины. *О эпохе Екатерины II. Во дни Минервины*, в Екатеринин век (Державин I, 52).

Е. М. Матвеев

ЗЕФИР и **ЗЕФИР** (*др.-греч. Ζέφυρος*) — в греческой мифологии крылатое антропоморфное божество западного ветра, сын Астрея и Эос, брат Борея и Нота.

Зефир

зефир

Из врат лазоревого неба, / Куда не всходят кони Феба, / Планетных ясна ока тел, / Сквозь гладкие поля эфира, / Предшественный от **Зефира**, / Прекрасный юноша слетел (Петров, 42). Там нежными **Зефир** устами / Целуя жатву на полях, / И легкими носясь крилами, / Резвился в класах, как в волнах (Костров I, 51). Входяща тако в твердь весенняя Аврора / Уныный гонит мрак, ночную гонит тень; / Сладкопоющих птиц сретаема от хора / И обещающая в мир известь прекрасный день, / Носима на крилах **Зефира** / С высот чистейшаго Эфира / Живительной росы серебристы слезы льет (Костров I, 85). *В обращении.* **Зефир**, сих нежных мест хранитель, / Куда свой правишь с них полет? / **Зефир**, кустов и роц любитель, / Что прочь от них тебя влечет? (Ломоносов VIII, 131). Услужливый **Зефир!** обрадуй, воскрились, / Неси к Суворову, неси мой голос лирный! / Любезен, ласков ты, там с громом подружись, / И звуком бранных труб вещай приветства мирны (Костров I, 150).

— *Возлюбленный и друг цветов (обычно — роз).* **Зефир!** целуй ты розу нежно, / В прекрасных Флориных лугах; / Теките реки безмятежно, / Ликуя во своих берегах (Сумароков 118). Когда Аврора возвещает, / Что Солнце покидает Понт, / Доли и горы освещает, / Бросая злато в горизонт: / **Зефир** плененный Розы ищет, / Дня светла красны нимфы ждут, / Свирели ясный глас дадут, / Свободный соловей засвищет (Сумароков 241). **Зефир** увидев розу красну, / И зря ее собою страсну, / Спешит ко красоте ея (Сумароков II, 112).

Роз **Зефиры** бодро ищут, / Соловьи не дремля свищут (Сумароков II, 182). Сплелись вторично мягки лозы, / Целуются с **Зефиром** розы / И аромат из уст лиют (Костров I, 39). На зеленеющем престоле, / Во блеске, в радостных лугах, / И где влюбленными устами / Лобзается **Зефир** с цветами, / Сидит из юных нимф одна (Костров I, 58).

— *Теплый, легкий, ласковый ветер, приносящий тепло, хорошую погоду, весну, покой, мир, тишину.* **Зефир** древ верхи качает, / С пастухами призывает / Спать стада при шуме вод. (Ломоносов VIII, 9). Возникла вновь краса всещедрыя природы; / Одушевлен весной эфир, земля и воды; / Летит из недр ея в моря, в луга **зефир** (Петров 66). Кроткий, нежный, приятный, тихий, тонкий Зефир. **Зефиры** тонки возвеают, / На розгах почки развивают, / Всё в бодрость естество пришло (Третьяковский, 458). Какой приятной **Зефир** веет / И нову силу в чувства льет? (Ломоносов VIII, 82). Нева в веселии теки! / Под областью Екатерины, / Брега покройте райски крины, / И нежный дуй на них **зефир!** (Сумароков II, 109).

☞ *В перифр.* Царь весны. Прервали ветры вдруг дыхания свои, / И царь весны, **Зефир**, не веет; / В молчаньи углубясь вся тварь благоговеет (Петров II, 223).

☞ *Ср. у А. П. Сумарокова как один из топосов пасторальной поэзии:*

П<иит>. Обманывался, любезный друг, внемли!

Я так далек от ней <трагедии>, как небо от земли.

Д<руг>. Эклогу...

*П<иит>. Пастухи, луга, цветы, **зефиры***

Толико ж далеки; хочю писать сатиры;

Мой разум весь туда стремительно течет (Сумароков БП, 185).

— *В сравн.* Душа Ея <Елизаветы Петровны> **Зефира** тише / И зрак прекраснее Рая (Ломоносов VIII, 198). Всевышний небо преклоняет; / Императрицу осеняет, / И нежного Младенца с Ней: / Расти, о Князь, Ты тих, незлобен: / **Зефиру** буди ты подобен, / Подобаясь Матери Твоей (Сумароков, 75). Вселенна Павлу удивится, .. / Подобен кроткому **зефиру**, / Отрадою Он будет миру (Херасков VII, 194). Покою кто споспешествует, / Тот мил живущим, как **зефир**; / Без

лат он громко торжествует (Петров, 92). Едва скончал <Потемкин> глаголы уст, / Его спутышественник бог мира, / Достигши в Крым скоряя **зефира**, / Всех вон зовет, и Крым стал пуст (Петров, 130).

— *В противопоставлении Борею*. Но как между стихий с зимой минет война / И нам является прекрасная весна, / От ней неистовы бореи убегают, / От ней приятные **зефиры** вылетают, / Дыхая по земле, дыхая по водам, / Велят всходить цветам, велят упасть волнам, / Ведут суда в моря и земледельца в нивы, / Готовят сладкий плод и в пристань путь счастливый (Ломоносов VIII, 529). Труби бессмертие Царицы, / Богиня, эхо славных дел / Взлетай в последние границы, / Где крайний воздуха предел, / Где ветры тверд упор находят, / И выше к солнцу не восходят; / Ни строг Борей, ни тих **Зефир** (Сумароков, 114).

— *В аллег.* *О России, противопоставленной Турции*. Луна зардевшись хотела / К ногам Минервиным упасть. / Своим перуном вооруженна / Злодея видя униженна, / Она ему дарила мир; / Луне оставила теченье / Забыв его ожесточенье; / С Бореем вшел в союз **Зефир** (Херасков «Ода Ея Императорскому Величеству, при заключении с Оттоманскою Портою торжественного мира», VII, 162).

— Превратить Бореи (бореев) в (во) Зефиры, Борей будет Зефиром. Геройских подвигов хранитель / И проповедатель, Парнасс / Времен и рока победитель, / Возвыси ныне светлый глас, / Приблизжи к небесам вершины / И для похвал Екатерины, / Как наша радость, расцветай, / Шуми ручьями с гласом Лиры, / **Бореи преврати в Зефиры**, / Представь зимой в полнощи рай Зима — Лето (Ломоносов VIII, 789). Могущ **бореев во зефиры**, / Кровавы брани в славны миры / И мечь в щедроту **превратить!** (Петров, 76). Как нас всегда храня собой, / Покроя орлими крылами, / Златыми осчастлива днями, / Весь мир возвесели тобой; / Тобой **борей зефиром будет**, / Злодейство злобствовать забудет, / Сокроет зависть яд в себе (Державин III, 309). *Ср. пример с вероятной метонимической заменой «Борей — швед»*. Гречи под небесем, победа, / И славь тобой рожденный мир; / О мать! бушующего шведа / **Преобразившая в зефир!** (Петров, 170).

— *Антм. Ветер.* Возыграйте, струны лиры; / Возбуждает Феб от сна. / Вейте, тихие **зефиры**; / Возвращается весна (Сумароков БП, 67). Он <Павел> рек, и быстрые **зефиры**, / Летя скорее, как молва, / С берегов Невы в далеки миры / Сладчайши разнесли слова (Петров 119). Одень в доспехи, в брони златы / И в мужество ея красы, / Чтоб шлем блистал на ней пернатый, / **Зефиры** веяли власы (Державин I, 274). *В сравн.* Едва скончал <Потемкин> глаголы уст, / Его спутшественник бог мира, / Достигши в Крым скоряй зефира, / Всех вон зовет, и Крым стал пуст (Петров 130).

≈ *Ср. шутиливо:* Милостивый государь Иван Иванович! Поздравляю вас с благополучным выездом в те прекрасные места, в которых холодноватые российские **зефиры** не могут препятствовать натуре и искусства силе в произведении красот, обыкновенных в благораспороченном теплою климате (Ломоносов «Письмо гр. И. И. Шувалову 8 мая 1751 г.»).

— *В alleg.* В описаниях природы, олицетворяющих мир, тишину, покой, гармонию, обычно пришедших на смену войне, бедствиям, потрясениям (также с обращением). Коль тщетно пышное упорство, / Надеясь на свое проворство, / Збирает беглые полки; / В пределы кроткаго **зефира** / Златаго не приемлет мира: / Еще кровавой ждет реки (Ломоносов VIII, 656). Спешите, спешите, весна золотая, / Умножьте отраду теплотой / И, новые веки начиная, / Стихию здравием напоите; / Вели благоухать **Зефиру**; / С Петром поля оденьте в Порфиру (Ломоносов VIII, 760). Но днес, народа храбра племя, / Ты в мысли пребывай иной: / Забудь могущее быть время / И наслаждайся тишиной. / Вспевайте, птички, песни складно, / Дышите, ветры, вы прохладно, / Целуйте любезную, **зефир**; / Она листочки преклоняет, / Тебя подобно обоняет, / Изображая сладкий мир (Сумароков БП, 64). Тобою с нами обитает, / Драгой неоцененный мир: / Бесстрашно на лугах летает / По царству Флорину **Зефир**: / Косою смерти Марс не машет, / Спокойно земледелец пашет (Сумароков, 107). Прекрасна роза дождалася / Уже, о нежный, ты, **зефир**! / России тишина далася, / И входит во границы мир. / Мы обще радостию полны, / И невские играют волны; / Утихла молния

и гром (Сумароков II, 128). Екатерина в недрах мира / Покоя сладкого в тени, / В дыханьи нежного **зефира** / Дает вкушать золотые дни (Петров, 34).

☞ *Ср.*: Над тобой солнце по небу катает / Смеясь, а лучше нигде не блистает. / **Зефир** приятный одеваает цветы / Красны и вонны чрез многие лета (Третьяковский «Стихи похвальные Парижу»).

— *Анттм.* В обращении. О ком-л., кто приносит мир, покой, добро. О сын преславного победами героя! / Ты <граф М. П. Румянцев> купно с ним в полях лишал себя покоя. / Ты туркам был Борей, ты россам стал **Зефир**, / Тобою возвещен нам радостнейший мир, / Который с Портою отцом твоим поставлен (Майков «Графу М. П. Румянцеву», НКРЯ).

— Дышать Зефиром, дышать Зефирами, пить Зефиры. *Быть источником добра, блага, изобилия, кротости, милосердия.* Зелену ризу по лугам / И по долинам расширяя, / Из уст **Зефирами** дыхая, / С веселием <натура> вещает к нам (Ломоносов VIII, 149). Но Ты кротка, **Зефиром** дышешь / И ободряешь Муз собор (Костров I, 13). Се юный отрок, плод Их первый, / Благоуханной розы цвет! / На дланех Россия Минервы / От уст **зефиры** сладки льет (Костров I, 59). *Рфм.* Сумароков: *зефир* — *мир* (БП 64, II 109; II 128), *мир* — *Зефир* (107), *Зефир* — *Эфир* (114), *лиры* — *зефиры* (127), *мира* — *Зефира* (II 174). Ломоносов: *тир* — *зефир* (VIII, 103), *мир* — *зефир* (VIII, 640), *зефира* — *мира* (VIII, 656), *зефиру* — *Порфиру* (VIII, 760), *Лиры* — *Зефиры* (VIII, 789). Поповский: *зефир* — *лир* (БП I, 105). Майков: *зефиру* — *лиру* (НКРЯ). Петров: *мира* — *зефира* (34), *зефир* — *мир* (56, 66), *зефиры* — *миры* (76), *зефир* — *мир* (92), *эфира* — *Зефира* (115), *зефиры* — *миры* (119), *мира* — *зефира* (130), *мир* — *зефир* (170), *секиры* — *зефиры* (197), *мира* — *зефира* (206), *Мира* — *зефира* (213), *эфира* — *Зефира* (230), *Зефир* — *лир* (231), *зефиру* — *миру* (III: 33). Костров: *Зефиры* — *лиры* (I, 42), *Зефира* — *Эфира* (I, 85), *Зефиры* — *лиры* (I, 88). Херасков: *мир* — *Зефир* (VII, 162), *зефиру* — *миру* (VII, 194). Державин: *миром* — *Зефиром* (I, 307), *Офира* — *Зефира* (I, 556).

Зефирный, *прил.* — нежный, ласковый, легкий, приносящий добро. **Зефирный** дух ветры да веют, / Реки да текут млеком, медом, / Все плоды скоряе да спеют, / Цветы да прорастают следом (Третьяковский БП, 135).

✍ Ср.: Какой приятной Зефир веет / И нову силу в чувства льет?
(Ломоносов VIII, 82)

Елисавета царством мирным / Российския смягчит сердца / И, как дыханием **зефирным**, / Взираньем кроткаго лица / Вливает благосклонность в нравы, / В войнах не умаляя славы. / Возложенной себе венец / Победой, миром украшает (Ломоносов VIII, 773). На лоне кротком и **зефирном**, / Среди утех, при звуке лирном, / Лобзай своих любезных Чад (Костров I, 61). Он <вождь> с кротостию рек **зефирной**: / Москва! блаженство созерцай; / Завет Монархини ты мирной / Прими, и радостно лобзай! (Костров I, 71). Так Ангел, царствий страж священный... / Летит с небес под лунный свод, / Где искрами лучей эфирных, / И мановеньем крил **Зефирных**, / Распространяется с высот (Костров I, 80).

Рфм. Сумароков: *мирным* — *зефирным* (773); Костров: *зефирном* — *лирном* (I, 61); *зефирной* — *мирной* (I, 71); *эфирных* — *Зефирных* (I, 80); *лирный* — *Зефирны* (I, 122).

С. С. Волков

АСТРЕЯ (*др.-греч. Αστραία*) — в греческой мифологии богиня справедливости. В панегирической поэзии XVIII в. Астрее уподоблялись российские императрицы.

Астрея

Ты <Анна Иоанновна> **Астрею** правишь, та ж, правя Тя, дивится; / Время Августово уж в забытии село: / Ныне ищет Анны всяк, и Ея быть тщится (Третьяковский⁸).

⁸ [Третьяковский В. К.] Сонет II // Аволио Д. Прославляя высокий день рождения всегда августейшая Анна Ивановна. СПб., 1736. С. 6 (ЦГАДА, Б-ка, отдел редких изданий, инв. 6625). Цит по: Бердников Л. И. Счастливый феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре

— **В аллег.** *О наступлении Золотого века, века справедливости в эпоху Екатерине II.* **Астрея** спустится с небес (Сумароков, 66). **Астрея** с небеси спустилась (Сумароков, 71). Где буйны, гордые Титаны / Смутившие **Астреи** дни? (Дмитриев «Глас патриота на взятие Варшавы», НКРЯ).

— **Олицетв.** *О Екатерине II.* <реплика Истины> Прости **Астрея** дарагая (Сумароков 97).

Астрея на земли явилась, / Теките все народы к ней (Херасков, 123).

✂ **Олицетв.** *О Екатерине II.* Уже превозмогла полночной мечь **Астреи** (Петров «Поэма на победы Российского воинства»). Достоинно мы тебя **Астрею** зовем: / Под скипетром твоим златые дни ведем (Державин «На маскарад»). Ты видишь паки в Ней **Астрею** на земли (Богданович «Песнь»).

— **В перифр.** Содейственик Астреи. *Об А. Г. Орлове.* О честь тебе, Орлов, / Содейственник **Астреи!** (Петров, 64).

— **В перифр.** Любимец Астреи. *О П. А. Зубове.* Кто сей любитель согласья? / Скрытый зиждитель ли счастья? / Скромный смиритель ли злых? / Дней гражданин золотых, / Истый **любимец Астреи?** (Державин «К Лире»).

— **В перифр.** Певец Астреи. *О Г. Р. Державине.* Франклин, преломивши скиптр британской, / Рейналь с хартией в руке гражданской, / Как оракул вольныя страны, / И Мурза в чалме, **певец Астреи,** / Под венком дубовым, в гривне с шеи / Будут у тебя иссечены (Словцов «Древность»).

— **В перифр.** Российская Астрея. *О Екатерине II.* Доброта такова и сердца правота / Награждены хвалою **российския Астреи;** / Священно, что рекли монархини уста; / Молчит тогда и ложь, и зависть, и злодеи (Костров «Стихи на кончину его превосходительства тайного советника, сенатора и ордена св. Анны кавалера Петра Васильевича Хитрова»).

Рфм. Петров: трофеи — Астреи (64).

XVIII — начала XIX века. СПб., 1997. Об Астрее в поэзии второй половины XVIII в.: Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. С. 57–104.

Астреин, прил.

— **В перифр.** Астреин век, златые Астреины часы. *О золотом веке.* Век **Астреина** ваш краше (Сумароков, 91). Как пели во златые дни, / Или как в **век Астреин** пели (Херасков, 195). Ты добрым дни даешь златые, / С небес ты свел Астреин век (Москотильников «Ода Александру I», НКРЯ). Для нас течет **Астреин** век; / Что росс, то добрый человек (Карамзин «Ода на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому», НКРЯ). Уже Россия дождалась / **Златых Астреинных часов** (Херасков, 132).

≠ **В перифр.** Астреин век. *О золотом веке.* Век **Астреин**, оживи! / С целым миром мы в любви! (Карамзин «Песнь мира»). Одною нежностью богат, / Как Правда сердцем обнаружен, / Как Непорочность безоружен, / Как Постоянство некрылат, / Он был в **Астреин** век. Уже мы не находим / Его нигде; но жизнь в искании проводим (Карамзин «Одною нежностью богат...»).

В перифр. Астреин друг. *О Соломоне Геснере*⁹. Сию слезу мою, текущую толь быстро, / Я в жертву приношу тебе, **Астреин** друг! (Карамзин «Клопсток»).

А. С. Смирнова

ЛОКК, ДЖОН (англ. *John Locke*, 1632–1704) — английский философ и педагог.

Лок

Локк

— **В аллег.** *О развитии естественных наук в России.*

+ Невтон, Сократ, Платон. <*В обращении к императрице Елизавете*> Твоя сияюща корона, / В России **Лока** и Невтона, / И всех премудрых оживит (Сумароков, 39). Узрим божественна Платона, / Сократа, **Локка** и Невтона, / И хитростям да дастся день, / В Апелле и во Праксителе: / Гомеров дух у Росса в теле (Сумароков, 124).

⁹ О восприятии творчества С. Геснера в России в XVIII–XIX в.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 59–78; Кочеткова Н. Д. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Вып. 18. СПб., 1993. С. 173.

— **В перифр.** Локк и Попе русский. *О Н. Н. Поповском как о переводчике Локка и Поупа.* Пиит и философ, и **Локк** и Попе русский / В чертах сего лица изображен Поповский (Державин III, 332).

≠ <Первая редакция процитированной выше надписи, напечатанная в «Санкт-Петербургском вестнике»> Гораций, Попе, **Локк** прославились в чем, / Он мысль их начертал природным языком, / Прославился и был пиит, философ русский, / Се взором и умом изображен Поповский!

В ироническом контексте. Великой господин, кто чин большой имеет, / Великой человек, кто много понимает, / **Лок** не был Господин великой в весь свой век, / Ни конь Калигулин великой человек (Сумароков «Эпиграмма 22»).

+ Боннет <*Шарль Бонне*>. Нет, случай Рифмина <*т.е. плохого поэта*> лишь произвесть возмог, / А **Локка** и Боннета — бог (Дмитриев «Эпиграмма»).

— **Мтн.** *О сочинениях Локка.*

+ Лейбниц, Кларк <*Сэмюел Кларк*>. Лейбниц, Кларк, **Лок**, премудрые рода человеческого учителя, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих, Платона и Сократа превысили (Ломоносов «Вольфианская физика»).

+ Невтон, Бургавен <*Герман Бургаве*>. Ко Словесности потребен Овидий, Virgiliy, Гораций, а не **Лок**, Невтон и Бургавен (Сумароков «О стопосложении»). **Локк**, Невтон, Гомер, Virgiliy, Расин, Вольтер и Молиер, Грекам, Римлянам, Французам и Англичанам, принесли удовольствие, но принесли они не малое удовольствие и нам (Сумароков «О суеверии и лицемерии»).

+ Бюффон, Руссо. Уже любимых ты певцов, / Делия, Колардо с Торкватом, забываешь, / И в скромную свою диванну мудрецов, / Бюффона, и Руссо, и **Локка**, призываешь (Дмитриев «К А. Г. Севериной»).

Локков, прил.

Все, что ни есть, непроверяемо **Локково** мнение утверждает (Сумароков «О разумении человеческом по мнению Локка»). Вышел последователь **Локков**, и когда ево о том спрашивали: Я не знаю, говорил он, как я думаю; знаю только, что никогда иначе не думывал, как лишь по приключению своих чувств, что есть вещества безтелесныя и разумныя, о том я не сомневаюсь (Сумароков «Пришествие на нашу землю и пребывании на ней Микромегаса, из сочинений г. Вольтера»).

Н. В. Карева

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ (1530–1584) — великий князь московский (1533–1547), первый русский царь (с 1547–1584).

Грозный Иоанн

Иоанн

На Новгород **Иоанн** стремится, / Сей град послушен становится, / Казань трепещет перед ним (Муравьев «Военная песнь», НКРЯ). Казански стены повалились: / Ударил **Грозный Иоанн** (Муравьев «Военная песнь», НКРЯ).

Великий Иоанн. <В речи архим. Фирса, настоятеля Соловецкого монастыря, обращенной к Петру I:> **Великий Иоанн**, Твой сродник и пример, / Что Россов превознес и злых Агарян стер (Ломоносов «Петр Великий»).

— *Мтн.* Герой. **Герою** <Ивану IV Грозному> молвил тут Герой <Петр I>: / «Нетщетно я с тобой трудился, / Нетщетен подвиг мой и твой, / Чтоб Россов целой свет страшился» (Ломоносов «Ода на взятие Хотина»).

— *В перифр.* Грозный Герой. Елена, <Прим. М. В. Ломоносова: Великая Княгиня Московская Елена Васильевна, супруга Великого Князя Василия Иоанновича, рождением княжна Глинская, мать великого Государя Царя Иоанна Васильевича, правила с ним в Его младенчество Российское государство по завещанию супруга своего четыре года с половиною.> **грознаго Героя** / Великая делами мать (Ломоносов «Ода на торжественный день восшествия на Всероссийский престол Елисаветы Петровны»).

— *В перифр.* Смиритель стран Казанских. Кто с ним толь грозно зрит на юг, / Одеян страшным громом вкруг? / Никак **Смиритель стран Казанских?** / Каспийски воды, Сей при вас / Селима гордаго потряс, / Наполнил степь голов поганских (Ломоносов «Ода на взятие Хотина»).

— *В перифр.* Деда храброго венчанный славой внук. Неукротимых орд воскресла власть попоранна / Во время юности второго Иоанна. / Сей **деда храброго венчанный славой внук** / Едва не выпустил Казань из слабых рук (Херасков «Россиада»).

— *Соим.* **Иван III** → **Иван IV**. Второй Иоанн. Неукротимых орд воскресла власть попоранна / Во время юности **второго Иоанна**. / Сей **деда храброго венчанный славой внук** / Едва не выпустил Казань из слабых рук (Херасков «Россиада»).

— *В перифр.* Тезоименны Дед и Внук, чета тезоименна (*Соим.* **Иван III** → **Иван IV**), венчанны славой дед и внук.

Об Иване III Васильевиче и Иване IV Васильевиче Грозном. Тезоименны Дед и Внук <Прим. М.В. Ломоносова: Государя: Великий Князь Иван Васильевич и Царь Иван Васильевич.> / Разбитыя бросают узы / И кажут всей вселенной вкруг / Державу, права, меч, союзы (Ломоносов «Ода Елисавете Петровне на праздник Ея Величества восшествия на Всероссийский престол»). Куда, **чета тезоименна**, / Меня влечете, утомленна, / **Венчанны славой дед и внук?** / Вы язвы царства затворили, / Вы целый Север покорили / И распростерли в Запад звук! (Муравьев «Храм Марсов»).

Ср. в прозе. Мы же кую имамы воздати похвалу второму нашему Моисею, второму Гедеону, безсмертныя славы взыскатели, приснопамятному Российскому монарху, прехраброму Российскому царю и великому князю **Иоанну Васильевичу**, иже, не терпя зрети род благословенный в толиком уничижении, воста аки вторый Сампсон на отмщение своих супостатов, воста аки вторый Илия на заклятие жерцов Вааловых, и ревнуя по Бозе, яви в себе неотродную Афета и Мосоха, предков своих, силу и великодушие .. и многое множество заблудших на путь истинный настави и к познанию истиннаго Бога, аки вторый Константин, вторый Владимир, ревностно Божию подвижим, приведе православно и преславно. (Стефан Яворский «Торжественной колесницы путь сугубый»). Вдали на площади, которая окружена крепчайшими и великолепными колонадами, представляется на высокой и кругом уступами обведенной горе обновленный храм Российския империи <...> Между арками вышепомянутых колонад стоят лавровыя деревья и грудныя статуи вечнодостопамятных Российских Монархов ... : во-первых, Петр Великий и щедрая Императрица Екатерина, потом Алексей Михайлович и Михайло Феодорович, далее **Иоанн Васильевич** и его дед Иоанн Васильевич, далее Александр Невский, Димитрий Иванович ... (Ломоносов «Описание иллюминации и фейерверка, представленных на новой 1754 год»). По сем искусством огненным представляется великолепный Храм Славы Петра Великаго, яко основателя нынешняго России благополучия <...> У преддверия сего Храма изображены шесть Российских Государей: три Великия Князи, Владимир, Александр, Димитрий, и три Царя, **Иоанн Васильевич**, Михаил Феодорович, Алексей Михайлович, яко составители преддверия славы Петра Великаго (Сумароков «Описание огненного представления, в первый вечер, новаго года 1760»).

— *Соим. Иоанны, ми. Иван III Васильевич и Иван IV Васильевич Грозный.* И чем нас вознесли два строги **Иоанны**, — / Все славны

их труды <Россия> оплакала пограны (Ломоносов VIII, 570). К спасению ее <России> от гибели избранны, / Сияют Александр, Дмитрий, **Иоанны** (Муравьев «Слава России», 1775–1779, НКРЯ).

✍ Ср.: **Иоанны, мн. Иван V и Иван VI Антонович. В перифр.** Иоаннов двух потомок. *О Павле I.* О Павел! и в твоих руках; / Род орлий познается вечно / И в чадах и сынов в сынах. / И ты ль не будешь в мире громок? / Ты **Иоаннов двух потомок**, / И кровь Петра в крови твоей (Дмитриев «Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол»).

Рфм. Ломоносов: *Иоанны — пограны* (VIII, 570); Муравьев: *Иоанн — погран* (НКРЯ), *избранны — Иоанны* (НКРЯ).

М. Г. Шарихина

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Державин 1864–1883 — *Державин Г. Р.* Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883.
2. Костров 1802 — *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1802.
3. Ломоносов 1959 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. / гл. ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец. М.; Л., 1950–1983. Т. 8. 1959.
4. Ломоносов 1950–1983 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. / гл. ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец. М.; Л., 1950–1983.
5. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.rus-sogroga.ru>.
6. Петров 1811 — *Петров В. П.* Сочинения: в 3 ч. СПб., 1811.
7. Петров 2016 — *Петров В. П.* Выбор Максима Амелина. М., 2016.
8. Поэты 1972 — *Поэты XVIII века*: в 2 т. Л., 1972.
9. Ржевский 1761 — *Ржевский А. А.* Ода Ея Величеству Великой Государыне Императрице, истинной Матери отечества, Елисавете Петровне // Полезное увеселение. 1761. Декабрь. № 21.
10. Ржевский 1762а — *Ржевский А. А.* Ода Его Величеству, Всепресветлейшему, Державнейшему Великому и Милосердому Государю, Императору Петру Федоровичу, Самодержцу Всероссийскому, на всерадостное восшествие на Всероссийский престол // Полезное увеселение. 1762. Март.

11. Ржевский 1762б — *Ржевский А. А.* Ода Всепресветлейшему, Державнейшему Великому и Милосердому Государю, Истинному Отцу подданных, Императору Петру Федоровичу, Самодержцу Всероссийскому. Приносится в знак благодарности за безвременное и милосердное пожалование вольностью Российских дворян. Сочинена 1762 году Марта 1 дня // Полезное увеселение. 1762. Март.
12. Ржевский 1762в — *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне на восшествие на престол. М., 1762.
13. Ржевский 1763 — *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне на день рождения ея. М., 1763.
14. Ржевский 1764 — *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне в новый 1764 год. М., 1764.
15. Ржевский 1767 — *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. государыне Екатерине Алексеевне на прибытие из Санкт-Петербурга в Москву. М., 1767.
16. Ржевский 1801 — *Ржевский А. А.* Ода Е. И. В. императору Александру Павловичу на день восшествия на престол. СПб., 1801.
17. Сумароков 1787 — *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений / собраны и изданы Н. Новиковым: в 10 ч. Изд. 2. М., 1787.
18. Сумароков 1957 — *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957.
19. Сумароков 2009 — *Сумароков А. П.* Оды торжественныя. Елегии любовныя / издание подготовил Р. Вроон. М., 2009.
20. Тредиаковский 1963 — *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963.
21. Тредиаковский 2009 — *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так прозою / издание подготовила Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009.
22. Херасков 1798 — *Херасков М. М.* Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные: в 12 т. М., 1797–1801. Ч. 7. [1798?]

Научная литература

1. Абрамзон 2004 — *Абрамзон Т. Е.* Одический тезаурус антропонимов, теонимов и топонимов (на материале 20-ти торжественных од М. В. Ломоносова). Магнитогорск, 2004.
2. Алексеева 2005 — *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
3. Бухаркин, Матвеев 2020 — *Бухаркин П. Е., Матвеев Е. М.* Антропонимы в русской литературе XVIII века: о некоторых аспектах функционирования имени в оде и трагедии // Русская литература. 2020. № 3. С. 5–19.

4. Войнова 1977 — *Войнова Л. А.* Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977. С. 121–129.
5. Волков, Матвеев, Шарихина 2017 — *Волков С. С., Матвеев Е. М., Шарихина М. Г.* Устойчивые сочетания в «Словаре языка Ломоносова» // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Вып. 2. 2015–2016 годы. СПб., 2017. С. 59–124.
6. Михайлов 1997 — *Михайлов А. В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 112–175.
7. Подольская 1978 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978.
8. Проскурина 2006 — *Проскурина В.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
9. Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

Справочная литература

1. Аполлодор 1725 — Аполлодора грамматика аффиенского библиотеки или о богах. М., 1725.
2. Аполлос 1781 — *Аполлос (Байбаков).* Словарь пиитикоисторических примечаний, в котором содержатся: 1) Вещи к изобретению и размножению в поэзии служащая. 2) Баснословныя имена собственныя богов и проч. с их краткою историю. 3) Смысл нравственный и натуральный; который подразумевали пииты в баснословии. 4) Превращения Овидианския, из всех его писаний в кратце выбранныя, которые поставлены под букву П. В пользу юношества обучающегося поэзии в семинарии Троицкой. Трудями ректора иеромонаха Аполлоса. М., 1781.
3. Аполлос 1785 — *Аполлос (Байбаков).* Правила пиитическая, о стихотворении российском и латинском со многими против прежняго прибавлениями. С приобщением пиитико-исторического словаря, в коем содержатся баснословных богов, мест, времен, цветов, дерев и проч. имена, с их краткою историю и нравоучением. Также Овидианския Превращения. И при конце отборные Пуб. Виргилия Марона стихи. В Пользу юношества обучающагося поэзии в Московскои славено-греко-латинскои академии и для всех российскаго стихотворения любителей. 3-е изд. М., 1785.
4. Грот 1883а — *Грот Я.* Язык Державина // Державин Г. Р. Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 9. 1883. С. 609–757.

5. Грот 1883б — *Грот Я.* Общий именной указатель ко всем IX-ти томам академического издания сочинений Г. Р. Державина // Державин Г. Р. Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 9. 1883. С. 609–757.
6. МС — Мифологический словарь / сост. М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. Л., 1969.
7. МНР — Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1–2. М., 1997.
8. Попов 1768 — *Попов М. И.* Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабдеинаго примечаниями. СПб., 1768.
9. ПЭ — Православная энциклопедия. Т. 1–57–. М., 2000–2020–.
10. РИЭ — Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 1–9–. М., 2011–2020–.
11. САР¹ — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
12. САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1806–1822.
13. САТГ-ИС — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Имена собственные. Л., 1975.
14. СИЭ — Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 1–16. М., 1961–1976.
15. Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка под редакцией А. Х. Востокова. Т. 1–4. СПб., 1847.
16. СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–22–. СПб., 1992–2019–.
17. СлРЯ XVIII 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.
18. СлРЯ XVIII 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников / общая редакция Ю. С. Сорокина. Л., 1984.
19. СЯП — Словарь языка Пушкина. Т. 1–4. М., 2000.
20. СЯРП–СИ — *Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л.* Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имён. М., 2005. (интернет-адрес: <https://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003>. Дата последнего обращения: 29.04.2020).
21. Чулков 1767 — *Чулков М. Д.* Краткой мифологической лексикон. СПб., 1767.
22. ЭС — Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 1–41А. СПб., 1890–1904.
23. Этингер 1786 — *Этингер Ф. К.* Библейский и эмблематический словарь. М., 1786.

E. Matveev. On the Project of the Dictionary of Anthroponyms in Russian 18th Century Panegyric Poetry

Keywords: dictionary, anthroponyms, Russian panegyric poetry of the 18th century, figurative meaning, figurative use.

The article focuses on the project of the dictionary of anthroponyms in Russian panegyric poetry of the 18th century. The main material of the dictionary will be the ceremonial odes and poems of Russian 18th century poets. Particular attention will be paid to fixing various forms of semantic transformations of anthroponyms: their use in allegory, in the meaning of a common noun, instead of another anthroponym, as part of a phrase, comparison or an idiom. A model of a dictionary entry and examples of dictionary entries are presented. An initial version of the manual for compilers of dictionary entries and examples of dictionary entries are presented.

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ (на материале Псковского областного словаря с историческими данными)¹

Ключевые слова: диалектный словарь, диалектная лексикография, Псковский областной словарь с историческими данными, полисемия, омонимия, оттенок значения.

В статье на материале рукописи 29 выпуска Псковского областного словаря с историческими данными затрагивается такая проблема диалектной лексикографии и лексикографии в целом, как определение языкового статуса описываемых единиц: оттенки значения или отдельные значения, многозначное слово или омонимы.

Пятьдесят с лишним лет работы над Псковским областным словарем с историческими данными (далее ПОС, Словарь), которые нашли отражение в тридцати составленных выпусках Словаря, безусловно, вооружили авторский коллектив хорошо разработанной методикой описания лексики. В процессе работы над каждым новым выпуском, над тем или иным словом, при описании которого возникают какие-либо лексикографические трудности, эта методика постоянно отрабатывается и совершенствуется, что находит отражение в обновленной инструкции Словаря, новые редакции которой были опубликованы в 15 и 27 выпусках ПОС [Инструкция 2004; Инструкция 2017]. Вместе с тем новый материал,

* Ольга Владимировна Васильева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ. Электронная почта: barcarola@list.ru.

¹ Статья написана при поддержке РФФИ, проект 19-012-00495 «Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуски 30, 31, 32»

разрабатываемый для дальнейших выпусков Словаря, порой ставит перед составителями новые проблемы. Некоторые из них являются общими для всех толковых словарей, другие же характерны преимущественно для словарей диалектных. При этом трудности возникают при описании как грамматической стороны слова, так и его семантики. Признавая всю важность тщательной разработки грамматики в Словаре, остановимся на описании семантической составляющей. Основы разработки семантики слова (как и других аспектов планирующегося Словаря) были изложены Б. А. Лариным в Инструкции [Инструкция 1961] и получили дальнейшее развитие в выпусках Словаря последнего времени. Так, ПОС, будучи словарем полного типа не только по составу словника, но и по принципам разработки материала, выделяет при семантическом описании лексем не только значения, но также оттенки и употребления. В последней редакции Инструкции, как и в предыдущей, семантическая сторона описания лексики разработана М. А. Тарасовой.

В § 64 читаем: «Слово признается многозначным, если обнаруживаются отношения семантической производности. Основанием для этого может быть либо разная предметная отнесенность слова, либо разная функциональная направленность денотата, либо сочетание этих аспектов при сохранении интегральных сем и семантических связей между разными значениями лексемы» [ПОС 27, 33]. Вместе с тем при описании многозначных имен прилагательных при очевидности интегральных сем и семантических связей между значениями совершенно неочевидны границы между отдельными значениями. Так, например, для 29 выпуска ПОС составлена словарная статья на имена прилагательные *порóжний*, *порóжный*, *порóзний* и *порóзный*. Регулярные для псковских говоров фонетические варьирования свистящего и шипящего согласных в корне и твердого и мягкого согласных в суффиксе позволяют объединить все эти вариации в одну словарную статью, тем более, что различия в звуковой оболочке данных слов не сказываются на семантическом их варьировании (почти во всех лексико-семантических

вариантах слова встречаются все четыре вида произношения). Но вот семантическая дистрибуция данных лексем вызывает затруднение. При этом оппозиция только самого высокого иерархического уровня достаточно очевидна: «пустой, ничем не наполненный» — «раскрытый, распахнутый» — переносное «ненужный, бессмысленный». В контекстах *порожние ящики*, *порозная дверь* и *это всё пустое*, *порожнее* реализуются разные, самостоятельные, но вместе с тем взаимосвязанные значения описываемых слов. И если второе и третье из приведенных значений подтверждаются в материалах ПОС единичными цитатами (при том, что в двухмиллионной картотеке представлены записи ежегодных экспедиций с 1945 по 2019 г.), то первый семантический блок иллюстрируется более чем тремястами цитат. И проблема заключается отнюдь не в количестве иллюстративного материала, а в его семантической интерпретации.

Следует ли рассматривать такие семантические филиации, как «о строении: в котором никто не живет», «о хозяйственной постройке: в которой ничего не хранится», «об улье: в котором нет пчел», «о земельном участке: ничем не засеянный», «свободный, никем не занятый» (кровать, стул), «свободный от чего-л., лежащего сверху» (стол), «о конверте: чистый, не использованный», «о транспортном средстве: едущий без пассажиров, без груза», «о молочных железах: лишенный молока», «где ничего не выросло или выросло очень мало» (грядки, кусты), «о письме: не содержащее ценных вложений», «о желудке: не наполненный едой», «о гнезде: в котором нет яиц», «о кушанье, блюде: без жировой приправы», «о супе: сваренный без мяса», «о напитке: без сахара», «о сберкнижке: с которой сняты все деньги», «об орудии труда: свободный, не использующийся», «о кассе: не имеющий перед собой очереди», «о глазах: не закрываемый головным убором», «ничего не несущий, не имеющий в руках», «о парне: не имеющий девушки» — следует ли рассматривать все эти семантические ответвления как частные случаи общего значения «пустой» — или они все же претендуют на то, чтобы считаться самостоятельными значениями полисеманта?

В § 65 Инструкции ПОС читаем:

«Оттенок значения отражает частные, конкретно обусловленные дифференциальные признаки явления (понятия), реализуемые в речи как семантические сдвиги в пределах значения, если при этом сохраняется понятийная общность опорного значения и его преобразования» [ПОС 27, 33].

Понятийная общность, безусловно, во всех приведенных толкованиях сохраняется, однако денотативная отнесенность широко варьируется, что является неотъемлемым свойством многих признаков слов. В академических словарях современного русского литературного языка подобное разнообразие семантики у разговорного прилагательного *порожний* и нейтрального прилагательного *пустой*, синонимичного описанной лексеме, дается по-разному. В четырехтомном словаре — как семантическое варьирование внутри основного значения слова *пустой* (и единственного значения слова *порожний*):

Порожний. разг. Пустой, ничем не наполненный. // Совершаемый без груза. // Никем не занятый [МАС 3, 304].

Пустой. 1. Ничем не заполненный (о каком-л. вместилище). // Не занятый кем-, чем-л. // Нежилой, ненаселенный. // разг. Ничего не имеющий при себе, ничего не несущий. // разг. Ничем не направленный, не одобренный [МАС 3, 561].

Тогда как в семнадцатитомном словаре данный семантический блок лексемы *порожний* разводится на два значения:

Порожний. разг. 1. Ничем не наполненный, пустой. // Не загруженный, следующий без груза или без пассажиров. 2. Свободный или никем, ничем не занятый. [БАС¹ 10, 1385].

При этом лексема *пустой* трактуется иначе:

1. Ничем не наполненный или с ничтожным количеством чего-л., порожний. // Лишенный вещей, мебели, обстановки. // Необработанный или со снятым урожаем. // Покинутый обитателями, посетителями, безлюдный. // Никем, ничем не занятый, свободный, не нагруженный. // разг. Не имеющий ничего при себе, в руках. // Не наполненный (текстом, цифрами и т. п.). // Приготовленный без мяса, жиров [БАС¹ 11, 1714–1719].

Представляется более логичным последовательное объединение всех перечисленных филиаций в одно значение. Между тем в новом, третьем большом академическом словаре и у лексемы *порожний*, и у лексемы *пустой* мы уже находим не одно и не два, а целых три значения, отражающих данные смыслы слова:

Порожний. 1. прот. Ничем не наполненный, пустой. // Не загруженный, следующий без груза или без пассажиров. 2. Совершаемый без груза. 3. устар. и прот. Никем, ничем не занятый, свободный. // Безлюдный, пустой [БАС³ 18, 771].

Такое же дробление в новом словаре претерпевает и семантика прилагательного *пустой*:

1. Ничем не наполненный, порожний. 2. Ничем не заполненный, не занятый кем-, чем-л. // Лишенный вещей, мебели. // Необработанный или со снятым урожаем. // Покинутый обитателями, посетителями, безлюдный. // Никем, ничем не занятый, свободный. // Не заполненный (текстом, цифрами и т. п.). 3. Ничем не нагруженный. // разг. Не имеющий ничего при себе, с собой [БАС³ 21, 531–534].

Думается, что разграничение близких друг другу семантических филиаций вызвано тщательностью проработки семантики в большом словаре, широким временным диапазоном материала, а также стилистической неоднородностью описываемых единиц. Тогда как диалектный словарь полного типа, каковым является ПОС, отражает некодифицированную народную речь во всей совокупности бытующих в ней слов и значений — общерусских, просторечных и диалектных, лишенных в этом континууме какой-либо стилистической оппозиции. И только собственно семантические взаимоотношения частных смыслов слова позволяют выделять или не выделять самостоятельные значения лексемы.

Еще большую трудность иногда представляет собой разработка семантической структуры собственно диалектного слова. Так, в псковских говорах активно употребляется имя существительное *пóроз*, семантически и словообразовательно мотивированное описанным прилагательным. В картотеках представлено более 60 цитат

с этим словом. Причем в абсолютном большинстве фиксаций лексема обозначает самца домашних животных — барана, быка или самца свиньи — с обязательной семой «кастрированный» либо «некастрированный», что, безусловно, актуально для сельской местности. Однако дальнейшее изучение семантической стороны данной номинации вызывает удивление неоднократно. Исходя из семантики мотивирующего прилагательного *порóзнь* — «пустой» — можно было бы ожидать, что производное слово должно обозначать кастрированных самцов домашних животных, не способных к оплодотворению и выращиваемых исключительно для производства мяса. И такое значение действительно встречается — но только в некоторых цитатах. В подавляющем большинстве примеров речь идет о некастрированных животных, самцах-производителях. То есть слову с прозрачной внутренней формой свойственна энантиосемия — причем существенно доминирует значение, антонимичное мотиватору. Заслуживает внимания тот факт, что и в других русских народных говорах данная лексема может обозначать как некастрированное, так и кастрированное домашнее животное. И соотношение материала в целом по говорам такое же, как и в ПОС: основной массив цитат иллюстрирует первое значение, и только считанные единицы — второе [СРНГ 30, 72–73]. При таком сосуществовании противоречащих друг другу смыслов у одной и той же лексемы совершенно непонятно, какое значение было у данного слова в тех псковских примерах, которые не содержат ни развернутых цитат, проясняющих семантику слова, ни пояснений собирателя. По правилам сбора материала для диалектного словаря таких записей быть не должно, но они, к сожалению, встречаются. Диалектная лексема *пóроз* документируется большим количеством записей, поэтому непонятность семантики в отдельных примерах не вредит объективности отражения значений этого слова в словаре. Но в других случаях, когда фиксации тех или иных диалектных слов единичны и при этом ущербны, составители, к сожалению, не могут включить недостоверный материал в ПОС.

При описании семантики лексемы *пóроз* возникает еще одна трудность, вызванная нерядоположенностью дифференциальных сем, которые противопоставляют разные смыслы этого слова друг другу. С одной стороны, семантическая структура строится на оппозиции «кастрированное» / «некастрированное» животное, с другой — речь идет о животных разных видов. В данном случае первый признак является основным, поэтому семантические блоки описываемой лексемы выглядят следующим образом: 1. Некастрированный самец, производитель (у домашних животных). 2. Кастрированный самец (у домашних животных). Второе семантическое противопоставление будет отражено во внутренней структуре каждого из указанных двух значений: а) Баран, б) Бык, в) Хряк / Боров. В Инструкции об этом сказано следующим образом: «Поскольку значения слов дифференцируются по понятийному признаку, разнонаправленная предметная отнесенность слов — наименований реальных, а также разное применение (разные функции) предмета показываются не как оттенки значения, а другим способом — буквами а)..., б)..., в)... и т. д. после обобщающей формулировки:

Жито. 1. Хлебный злак, зерна которого идут на изготовление круп, муки, пива и на корм скоту, ячмень. 2. Другие хлебные злаки, идущие на изготовление круп, муки; зерна этих растений: а) рожь. б) овес. в) просо. г) любая яровая культура, кроме ржи [ПОС 27, 43].

Таким образом, с подобной проблемой семантизации лексики авторы ПОС знакомы давно и разработали весьма удачную методику описания таких полисемантов.

Следующая проблема, возникающая при описании лексики в ПОС (как и во всех толковых словарях в целом) — корректное разграничение полисемии и генетической омонимии. Так, например, имя существительное *поли́ва*, образованное от глаголов *по́лить* / *поливать* и мотивированное ими, обозначает в псковских говорах, с одной стороны, соус, жидкую приправу к пище, подливку, а с другой — стеклообразный сплав, которым покрывают

керамические изделия, глазурь. Из второго значения путем метонимического переноса возникло и третье — «глиняная посуда с глазурью». Несмотря на отсутствие семантического перехода от первого значения ко второму, они все же могут трактоваться как разные семантические филиации одного слова, поскольку их скрепляет общая мотивировка. Тогда как имена существительные *по́ливка* (с ударением всегда на втором слоге, отглагольное, и во всех пяти значениях мотивированное глаголами *полить / поливать*) и *по́ливка* (с двумя возможными ударениями — *по́ливка* в 40 случаях, а *по́ливка* только в 2 — и с затемненной мотивировкой, обозначающее самые разные виды похлебок, а также в отдельных случаях бульон и жидкую кашу), по всей вероятности, не могут трактоваться иначе, как омонимы. Это подтверждается и производными: от *по́ливки* — *по́ливочка*, а от *по́ливки* — *по́ливочка*. (Хотя материалы Словаря русских народных говоров, собранные в разных регионах, показывают, что в целом по диалектам оппозиция семантическая никак не коррелирует с акцентологической: существует архангельское *по́ливанный* «политый, смазанный сверху сметаной», ярославское *по́ливень* и смоленское *поливéнь* «проливной дождь», супы, сметана и молоко для забелки могут быть *по́ливкой* и *поливкой* и т. д. [СРНГ 29, 69–71]).

Таковы лишь некоторые семантические трудности, возникающие перед составителями Псковского областного словаря с историческими данными.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

1. БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л., 1950 — 1965.
2. БАС³ — Большой академический словарь. Т. 1–25–. М., СПб., 2004–2019–.
3. МАС — Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. М., 1999.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27–. Л., СПб., 1967–2017–.
5. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51–. Л., СПб., 1965–2019–.

Научная литература

1. Инструкция 1961 — Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.
2. Инструкция 2004 — Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб., 2004. С. 5–51.
3. Инструкция 2017 — Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (3-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. СПб., 2017. С. 4–85.
4. Ларин 2003 — Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 660–674.

O. Vasilyeva. Problems of Semantization in a Dialect Dictionary (Based on Material from the Pskov Regional Dictionary with Historical Data)

Keywords: dialect dictionary, dialect lexicography, Pskov regional dictionary with historical data, polysemy, homonymy, shade of meaning.

The article written on the material of the manuscript of the 29th issue of the Pskov Regional Dictionary with historical data focuses on the problem which is relevant for dialect lexicography and lexicography in general. That is the problem of linguistic status of the described units: «shades» of meaning or separate meanings, a polysemantic word or homonyms.

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКЕ СЛОВАРЕЙ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ XIX ВЕКА¹

Ключевые слова: историческая лексикография, метаязык словаря, словарь иностранных слов, словарные дефиниции.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением словарей иностранных слов XIX в. как специфического лексикографического жанра, прослеживается, каким образом языковые предпочтения автора-составителя, его система взглядов и интересы влияют на отбор словника и толкование. Материалы исследования позволяют сделать вывод о необходимости верификации данных словарей иностранных слов XIX в. при использовании их в современных лингвистических исследованиях.

С середины XIX в. в России начинает активно развиваться такой жанр лексикографического издания, как словарь иностранных слов (*далее* — СИС). С 1859 г. вышло более 30 СИС, почти каждый из которых выдержал от 3 до 14 изданий. Процесс этот можно считать объективным, отражающим обилие новой иноязычной лексики, употреблявшейся в периодических и литературных изданиях этого времени [Дягилева 2004: 61].²

При характеристике лексикографического наследия прошлого представляется очень важным учитывать не только параметры словарей, но проследить, каким образом личность авторов влияет на

* Ирина Борисовна Дягилева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЛИ РАН. Электронная почта: diaghileva@mail.ru.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 20-512-23009 РЯИК_a «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков»).

² «Русская литература по части словарей совершенно несправедливо упрекается в бедности», — отмечалось в журнале «Библиотека для чтения» [О-ский 1863: 49].

их «имплицитную внутреннюю структуру»³, как в тексте словаря отражается авторское мировоззрение, особенности языка автора.

Уже сам выбор типа создаваемого словаря определяет основной круг интересов лексикографа. Все словари иностранных слов условно можно разделить на две группы по объему включенных в них слов: *малые* [Сл. Дубровского, Кирилова, Коломнина, Маркова, Ренофанца] и *большие* словари [Сл. Гейзе, Дмитриева, Михельсона, Чудинова, А. Яновского]. В малых словарях авторы ставят своей целью включить все «новомодные слова», «удовлетворяя присущим нуждам» людей, «желающих понимать, что они читают на языке своем», но чтобы они были «доступны и по цене своей для небогатых» [Дубровский 1866: II]. В большие словари включается значительное количество экзотизмов, историзмов, что намного увеличивает объем издания. В предисловиях составители таких СИС отмечают практическую направленность изданий, однако признают, что включают в словарь и малоупотребительные слова, ведь «что малоупотребительно сегодня, может сделаться общеупотребительным завтра» [Сл. Гейзе: VI].

Примером такого подхода может служить заимствованное авторами СИС из французских, английских и немецких словарей⁴ слово *aboucouchou*. «**Абукушу**, фр. *aboucouchou*. Сукно, изготавливаемое во Франции преимущественно для Востока и Египта» [Сл. Михельсона 1866: 9]. В словаре Чудинова слово представлено в иной форме: «**Абушушон**, фр. Сукно, изготавливаемое для Леванта» [Сл. Чудинова 1894: 10]. Из словаря Михельсона слово

³ «Метаязык словаря — это не только особый лексикографический язык описания речи текстов. Метаязык словаря — его имплицитная внутренняя структура, не всегда видимая, но которая есть и которую надо уметь извлечь из словаря». [Герд 2008: 14].

⁴ «**Aboucouchou**, sorte de drap qu'on fabrique en Provence». 'Абукушу — вид сукна, который производят в Провансе' <пер. автора — здесь и далее> [Dictionnaire 1747: 4]; «**Aboucouchou**, a sort of woolen cloth manufactured in Languedoc, Provence, in France, and sent from Marseilles to the Levant». 'Абукушу — вид сукна, производимый в Лангедоке, Провансе во Франции и пересылаемый из Марселя в Левант' [Dictionary 1810: 1 (б/п)]. «**Aboucouchou**, n. franz. ein grobes wollenes Tuch im südlichen Frankreich». 'Абукушу — грубое сукно на юге Франции' [Fremdwörterbuch 1859: 5].

перешло в десятки последующих СИС, однако не удалось обнаружить ни одного его живого употребления в текстах.

В текстах также не зафиксирован историзм *авлеа* от лат. *aulaea* (мн. ч. от сущ. *aulaeum*), включенный в ряд СИС XIX в:

«**Авлея**, лат. *aula* от греч. *aulaia*. Род занавеса в древне-римских театрах, спускавшегося, когда начиналась пьеса, и поднимавшегося по окончании или даже во время антрактов» [Сл. Михельсона 1866: 11];

«**Авлеи**, гр. Театральные занавес, обои, служившие у древних, вместо декораций» [Сл. Гейзе: 5];

«**Авлеа**, лат. Полотно, закрывавшее сцену в римских театрах. Эта занавесь была расположена иначе чем у нас. Ее опускали, когда начиналась пьеса, и поднимали по окончании, или даже во время антрактов» [Сл. Дмитриева: 13].

Единой фиксацией отмечена лексема *аварис* в значении «африканский двурогий черный носорог» [Сл. Чудинова 1910: 11], что приводит к выводу о наличии в СИС так называемых ложных слов или слов-призраков. Появлению таких мнимых лексем, чей количественный состав еще требует изучения, могло способствовать использование французских, немецких, английских словарей в качестве источников при составлении СИС⁵.

Отличаются подходы авторов СИС к проблеме включения в словник заимствований из неродственных языков, в частности венгерского языка. В малых СИС не описываются венгерские заимствования, а в больших СИС они различаются как по своему составу, так и количественно. Например, если сопоставить словники двух словарей, изданных в 1861 году, то в Сл. Михельсона входит 6 слов венгерского происхождения: *антал*, *бан*, *бекеш*, *гайдук*, *гусары*, *пандур*; в Сл. Гейзе — 15 слов: *ако*, *антал*, *банат*, *бан*, *гайдук*, *гонвед*, *гусар*, *зам*, *маслаш*, *пандуры*, *пицета*, *тархония*, *токай*, *чебер*, *шаровары*⁶. В словарь Михельсона включено слово

⁵ Некоторые «слова, редко употребительные и даже совсем не вошедшие в состав русской лексики» из СИС приведены в статье Ю. А. Бельчикова [Бельчиков 1974: 73].

⁶ Слово *шаровары* в русский язык пришло из украинского, без венгерского посредства [Черных 1999: 404].

пушты, не отмеченное в других СИС: «В Венгрии, пустынная, но изобилующая травой, равнина, служащая пастбищем для скота»⁷ [Михельсон 1883: 587]. В словаре Чудинова описаны венгерские заимствования: *какас, патакер, чикош, чинчары*; однако подтверждения их употребления в текстах найти не удалось.

Важной особенностью СИС XIX века является включение в толкование энциклопедической информации. Выбор лексем для такого толкования и его объем носит произвольный характер, что во многом отражает различие подходов и интересов авторов-составителей. Так, в Словаре Кирилова⁸ подробно описывается терминологическая лексика разных отраслей знания и заимствования, относящиеся к сфере общественной и политической жизни: *аэростат, вольтов столб, гидрометр, гальваническая цепь; авторитет, аристократия, идеализм, конституция, жансенизм* и др. Словарная статья на *анализ и синтез*, например, занимает в словаре 5 страниц. Иногда для описания одного слова автор создает несколько словарных статей: *декламация* (в музыке), *декламация* (сценическая), *декламация* (у древних). Следует отметить, что такое лексикографическое решение при описании слова *декламация* не вошло в практику последующих словарей: значения в них объединяются в одной словарной статье, помещаются под разными номерами и в некоторых изданиях снабжаются пометами *муз., сцен., в древности*.

В Словаре Михельсона сфера интересов и предпочтений автора также отражается на составе словника и энциклопедическом подходе к представлению значений некоторых групп лексики.

⁷ Слово употребляется в текстах XIX в.: «Пушты, составляющие поверхность Венгрии, замечательны для нашей истории во многих отношениях. По характеру своей местности и по племенам своим Венгрия больше принадлежит к России, нежели к Западной Европе, с которою, однако же, связывается неразрывно и системою рек, и горными дорогами, и историею» [Ушинский 2017: 31].

⁸ 1-й выпуск Сл. Кирилова редактировал В. Н. Майков при участии М. В. Петрашевского. Подробно этот словарь описан в историко-лексикологическом аспекте в работах М. К. Максимовой, Ю. А. Бельчикова. [Максимова 1956; Бельчиков 1974].

В отдельных словарных статьях, например, подробно толкуются все типы календарей: *календарь египетский, календарь еврейский, календарь древних греков, календарь григорианский, календарь китайцев, календарь магометан, календарь французской республики, календарь древних римлян, календарь юлианский*⁹. Кроме того, Михельсон включил в словарь большое количество химических терминов, в частности более 30 наименований кислот: *бензойная кислота, лепаргиновая кислота, марганцовая кислота* и др. В толковании некоторых из них он привел химические формулы. Подробные энциклопедические сведения содержатся в словарных статьях на слова, обозначающие наименования деревьев: *айва, баобаб, кедр, кедр сибирский, кокос, кофе* и др., например:

Кедр сибирский или **сосна съедомая** — Дерево из семейства хвойных, именно из рода сосны, свойственное Сибири и приносящее ореховые шишки, подобные орехам ливанского кедра; достигает, при выгодном местоположении, не редко 120 фут. вышины и 8 футов толщины в нижнем диаметре; растет, всегда уединенно; шишки созревают на второй год осенью, внешняя сторона чешуек шишки мало выпукла и под каждую чешуйкою находится по два ореха. Под хрупкою скорлупою их, в желтоватой кожице заключено чрезвычайно масляное желтоватое ядро, которое употребляется в пищу не только людьми, но и белками, соболями и медведями. Древесина кедра сибирского бела, мягка, легко режется и обрабатывается. Кедровые орехи весьма избобилуют маслом, так что из фунта орешков получается 5 унций масла, которое очень вкусно и лучше оливкового, но скоро горькнет. Внутреннею кожицею ядра в Сибири настаивают водку, для сообщения ей красноватого цвета. Из скорлупы, помощью спирта, добывается желтая краска. Из шишек, еще незрелых, можно добывать очень пахучее масло, получаемое же из молодых, нежных, побегов масло, известное в Венеции и Турции под именем карпатского бальзама, употребляется простолудинами внутрь и наружно от ран, нарывов и каменной болезни. Кроме того, кедр дает живицу, которую вогуличи жуют для очищения и сохранения зубов, как в Греции мастику [Сл. Михельсона 1865: 283].

⁹ Детальное описание календарей как системы счисления времени встречается еще в Словаре Н. М. Яновского в словарной статье на слово **календарь**. [Сл. Н. Яновского II: 25].

Еще одной важной особенностью метаязыка СИС XIX в. является разная степень детализации толкования, включение в него тех семантических признаков, которые представлялись автору-составителю наиболее существенными при определении значения слова. В этом аспекте показательным может быть сопоставление словарных статей на слово *бульдог*:

«Порода чрезвычайно злых собак на коротких ногах с широкою мордою и выпуклыми глазами» [Сл. Гейзе: 85].

«Собака на коротких лапах, с огромною головою, широкою мордою и выпуклыми глазами; чрезвычайно злая» [Сл. Михельсона 1865: 96].

«Порода собак с короткою сплюснутою мордою, толстым туловищем и короткими ногами; собаки эти отличаются силою и злостью» [Сл. Лучинского: 165].

«Порода сильных, злых собак, на коротких лапах, с большой головой, широкой сплюснутой мордой и выпуклыми глазами» [Сл. Чудинова: 169].

«Не особенно крупная, но очень сильная порода собак с тупою мордой и короткими лапами; зол; надежнейший сторож» [Сл. А. Яновского: 169].

«Английская порода собак, с тупою мордою и толстыми лапами» [Сл. Павленкова: 86].

«Английская порода собак с широкой большой головой, короткими лапами и выпуклыми глазами; шерсть гладкая; очень злы» [Сл. Попова: 69].

Представленные в таблице данные позволяют сделать вывод, что наиболее значимыми для авторов СИС семантическими признаками при описании слова *бульдог* стали следующие: *форма головы* и *морды*, *длина лап*, *характер*. Также видно, что компоненты, входящие в дефиницию слова, могут не совпадать у одного или целого ряда авторов. При описании все авторы отмечают английское происхождение слова, однако не приводят его этимон, что не является характерным для СИС. В словари Дубровского, Кирилова, Коломнина и ряд других слово *бульдог* не включено, в некоторых словарях определение повторяет дословно уже имеющиеся: Сл. Дмитриева повторяет дефиницию Сл. Михельсона, Сл. Мартыновского и Ковалевского — Сл. Гейзе.

	Гейзе	Михел.	Лучин.	Чудинов	Яновский	Павел.	Полов
<i>порода</i>	–	–	–	–	–	английская	английская
<i>туловище</i>	–	–	толстое	–	не крупная	–	–
<i>ноги, лапы</i>	короткие	короткие	короткие	короткие	короткие	толстые	короткие
<i>голова</i>	–	огромная	–	большая	–	–	широкая большая
<i>морда</i>	широкая	–	короткая, сплюснутая	широкая, сплюснутая	тухая	тухая	–
<i>глаза</i>	выпуклые	выпуклые	–	выпуклые	–	–	выпуклые
<i>шерсть</i>	–	–	–	–	–	–	гладкая
<i>характер</i>	чрезвычайно злые	чрезвычайно злая	отличается злостью	злые	зол	–	очень злы
<i>физические качества</i>	–	–	отличается силой	сильные	очень сильная	–	–
<i>функция</i>	–	–	–	–	надежнейший сторож	–	–

Характерной языковой особенностью СИС XIX в. является включение в толкование вводных слов и оборотов: *надо полагать, так сказать, вероятно* и др. В этом проявляется неуверенность, сомнения автора при определении значения слова или его этимологии.

Тильбери, англ. *tilbury*, *вероятно*, по имени укрепления *Tilbury*, в графстве Эссекс. — Экипаж для двух человек, запрягается в одну лошадь¹⁰ [Сл. Михельсона 1865: 619].

Декан, лат. Старший профессор на факультете в наших университетах, *так сказать* председатель [Сл. Коломнина: 63].

Абортивный метод. Способ лечения, по которому болезни не дают развиваться, а уничтожают при самом начале, *так сказать*, в зародыше [Чудинов 1894: 7].

В ряде толкований проявляются взгляды лексикографов на то или иное явление, событие, факт общественной жизни. Оценка в словарной статье выражается через оценочные прилагательные (*бесстыдный, постыдный, пошлый, мошеннический; великолепный, отличный, превосходный* и др.), а также через синонимы.

Аферщик. Аферист. Пройдоха, ищущий выгод своих разными предосудительными, непозволенными средствами [Сл. Рфи: 28].

Гримасничать — кобениться, кривляться [Сл. Дубровского: 27].

Изумруд — драгоценный камень превосходного зеленого цвета [Михельсон 1866: 254].

Индульгенция — папская грамота с прощением грехов, выдаваемая за деньги кающимся грешникам. Бесстыдная торговля индульгенциями, в которых нередко давалось отпущение даже всех будущих грехов (разумеется, за хорошую плату), наряду с другими злоупотреблениями папской власти была поводом для реформации [Сл. Попова: 148].

Как известно, начало XIX в. ознаменовалось спорами «архаистов» и «новаторов», широко обсуждались вопросы чистоты русского языка. В Словаре Ренофанца, одном из первых СИС XIX в., русские эквиваленты к заимствованным словам последовательно включены как элемент толкования: *астрономия* — *звездословие*; *атеист* — *безбожник*; *атланты* — *бременосцы*; *аэрология* —

¹⁰ Тильбюри в значении «экипаж» названо по имени его изобретателя.

воздухословие; аэрометр — воздухомер; монолог — самобеседование, монополия — единоторжие, исключительное право торговать чем-нибудь одному [Сл. Рфц.: 26, 29, 169, 170]. Очевидны симпатии автора, стремления оградить русский язык от притока заимствований.

Таким образом, для СИС XIX в. характерен некоторый субъективизм в отборе единиц для словника, в объеме и содержании толкования значений слов, в оценке явлений, предметов описываемой действительности. Такой «литературный» подход к составлению СИС можно считать отличительной особенностью этого типа лексикографических изданий, что подтверждается критическим отзывом на «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания», издаваемый Ф. Толлем, напечатанным в журнале «Современник» в 1863 г. В этой рецензии указывается на серьезный, с точки зрения автора рецензии, недостаток —

«совершенную объективность взгляда, старание во всяком случае, при всяком объяснении быть беспристрастным. Беспристрастие, то есть желание пройти по середке между симпатиями и антипатиями, между тем, что считаешь добром и тем, что худом — есть, в большей части случаев, или холодность к своему делу и неуверенность в полезности его, или боязнь ответственности и желание угодить всем <...> Многие объяснения “Настольного словаря”, вследствие сильных стараний в сказанном отношении редактора-издателя, страдают сухостью, и неясностью не потому, чтобы они были не полны, а потому, что в этих объяснениях видно желание обойти все, что могло бы намекнуть на симпатии автора» [Современник 1863: 308].

Историко-лексикологическое изучение СИС необходимо продолжать, для того чтобы оценить, «насколько верно, полно, адекватно и достоверно тот или иной словарь отражает реальную языковую действительность своей эпохи» [Бельчиков 1974: 71]. Базовые исследования по истории русского языка XIX в. не могут строиться только на данных словарей: без привлечения текстов самых разных источников сделанные выводы по истории слов будут необъективны, так как будут сделаны опосредованно, через призму «картины мира» лексикографов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

1. Сл. Дмитриева — *Дмитриев А. [?]* Толковый словарь 40000 иностранных слов В. М., 1875.
2. Сл. Дубровского — *Дубровский Н. А.* Толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней. М., 1866.
3. Сл. Гейзе — [б/а] Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, [составленный по образцу немецкого словаря Гейзе]. СПб., 1861.
4. Сл. Кирилова — [*Кириллов Н. С.*] Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, изд. Н. С. Кириловым. Вып. 1–2. СПб., 1845–1846.
5. Сл. Коломнина — *Коломнин В. П.* Необходимый для всех полный карманный толковый словарь употребительных и новейших иностранных слов, вошедших в русский язык. М., 1878.
6. Сл. Маркова — *Марков А. И.* Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов, сплошь и рядом встречающихся в русских книгах, газетах и журналах, которые для людей, не посвященных специально наукам и иностранным языкам, бывают совершенно непонятны. М., 1862.
7. Сл. Мартыновского, Ковалевского — *Мартыновский А. В., Ковалевский [?]* Новейший полный словотолкователь и объяснитель 100 000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с произведением корней и исследованием о происхождении их. 1-е изд. М., 1886.
8. Сл. Михельсона 1865 — *Михельсон А. Д.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1865.
9. Сл. Михельсона 1866 — *Михельсон А. Д.* 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М., 1866.
10. Сл. Михельсона 1883 — *Михельсон А. Д.* Объяснительный словарь иностранных слов. Изд. 9-е. СПб.; М., 1883.
11. Сл. Павленкова — *Павленков Ф. Ф.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Изд. 1-е. СПб., 1900.
12. Сл. Попова — *Попов М. [?]* Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907.
13. Сл. Рфц. — *Ре[но][фан]ц И. И.* Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов, или краткое истолкование встречающихся в них слов из иностранных языков заимствованных. СПб., 1837.
14. Сл. Чудинова 1894 — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / ред. А. Н. Чудинов. СПб., 1894.

15. Сл. Чудинова 1910 — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материал для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. Сост. под ред. А. Н. Чудинова. Изд. 3-е. СПб., 1910.
16. Сл. Н. Яновского — *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803–1806.
17. Сл. А. Яновского — *Яновский А. Е.* Словарь иностранных слов и научных терминов. Вып. 1–2. СПб., 1905.
18. Черных 1999 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд. Т. II. М., 1999.
19. Dictionary 1810 — *Mortimer Th.* A General Dictionary of Commerce, Trade and Manufactures. 2nd ed. London, 1810.
20. Dictionnaire 1747 — *Le Roy Ch., Restaut P.* Traité de l'orthographe française, en forme de dictionnaire. 1747.
21. Fremdwörterbuch 1859 — *Heyse J. Ch. A., Mahn C. A. F.* Allgemeines verdeutschendes und erklärendes Fremdwörterbuch. 12 Auflage. Gannover, 1859.

Научная литература

1. Бельчиков 1974 — *Бельчиков Ю. А.* К характеристике русских словарей иностранных слов 50–60-х годов XIX в. как источника историко-лексикологических исследований // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 69–78.
2. Герд 2008 — *Герд А. С.* «Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. IV. Ч. 3. СПб., 2008. С. 9–15.
3. Дягилева 2004 — *Дягилева И. Б.* Словари иностранных слов XIX в. как источник «Словаря русского языка XIX в.» // Русский язык XIX в.: проблемы изучения и лексикографического описания. СПб., 2004. С. 61–68.
4. Максимова 1956 — *Максимова М. К.* К истории общественно-политической лексики. По материалам «Карманного словаря иностранных слов» Кириллова. // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 122. Л., 1956. С. 183–189.
5. О-ский 1863 — *О-ский А.* Как у нас издаются словари. // Библиотека для чтения. 1863. № 11. С. 49–63.
6. Современник 1863 — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный Энциклопедический Лексикон),

издаваемый Ф. Толлем. Том. I (А — Дви) // Современник. 1863. № IX. С. 305–313.

7. Ушинский 2017 — *Ушинский К. Д.* Лекции в Ярославском лицее. Избранные педагогические сочинения. М., 2017.

I. Diaghileva. More on the Metalanguage of the 19th Century Foreign Words Dictionaries

Keywords: historical lexicography, metalanguage of the dictionary, dictionary of foreign words, dictionary definitions.

The article deals with the problems connected with the study of the 19th century foreign words dictionaries as a specific lexicographical genre. It's traced how the author's linguistic choice and world outlook determines the word selection and definition. The conclusion is made that the dictionaries data needs to be verified for modern linguistic studies.

«И ЗА ДЕНЬГИ РУСАКА НЕМЦЫ ОФРАНЦУЗЯТ...»¹

(К вопросу описания отэтнонимных глаголов
в историческом словаре)

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикография, «Словарь русского языка XIX века», глаголы, мотивированные этнонимами.

В статье рассматриваются проблемы лексикографирования новаций русского языка XIX в. — глаголов, образованных от этнонимов. На примере глагола *офранцузить* показывается широкий историко-культурный фон, особенности которого требуют учета при описании в историческом словаре.

Большое значение в изучении истории любого языка имеет его лексика, а именно процессы сложения и изменения словаря в разные периоды существования языка. Кроме того, историческая лексикология, проясняя историю как отдельных слов, так и их различных групп, дает возможность достаточно объективно характеризовать познавательную деятельность народа, нашедшую отражение во фрагментах языковой картины мира наших предшественников. Активный процесс образования новых слов в XIX в. привел к существенному обогащению словаря, что не могло не отразиться в различных словарях. Тем не менее дифференциальный словник создаваемого в ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург) «Словаря русского языка XIX века» включает множество единиц, ранее не зафиксированных в словарях. Охватывая важнейший период развития русского литературного языка, данный словарь должен восполнить

* Ольга Альбертовна Старовойтова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: ostarovo7@rambler.ru.

¹ Слова, принадлежащие одному из героев пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».

пробел в описании развития словарного состава русского языка от первых письменных памятников до настоящего времени. Являясь по своему характеру историческим словарем, «Словарь русского языка XIX века» следует принципу интерпретировать факты речи, фиксируемые текстами эпохи, что ставит перед лексикографами-составителями целый ряд задач и вопросов.

Настроенность на словопроизводство особенно ощутима в определенных группах лексики, кроме того, деривационные процессы отчетливо проявляются в определенных словообразовательных моделях: так, в русской речи XIX в. продолжается активное образование переходных глаголов от имен существительных и прилагательных посредством комбинированного метода суффиксально-префиксального образования (приставка *о-(об-)* и суффиксы *-и-* или *-и(зи)рова-*: *обабить*, *окультурить*, *омедведить*, *опопить*, *опоэтизировать* и под.). Грамматическая интерпретация образующихся единиц такова: одним из трех концептуальных значений приставки *о-(об-)* является значение «новое качество», которое «указывает на появление у Y-а качественно (а не просто количественно) нового свойства, состояния (= характеристики, принадлежащей объектам другого класса), или переход Y-а в радикально новое положение» [Кошелев 2004: 69]. Единицы со словообразовательным значением ‘наделить тем признаком, который назван мотивирующим именем’, в деривационно-семантическом пространстве русского глагола включены в состав подполя изменения качественного состояния деривационно-аффиксальной ЛСГ, «наиболее распространенной и значимой для языковой картины мира» [Попова 1998: 52].

Одна из первых попыток грамматически точного описания данной словообразовательной модели представлена в академическом словаре, созданном на рубеже XIX–XX вв. Вот как описывается то значение приставки *о-(об-)*, которое было упомянуто выше как «новое качество»: «о, об-, обо- <...> г) в сложении с глаголами, производными от имен существительных и прилагательных, с соответствующими суффиксами, означает уподобление предметам

и свойствам, обозначаемым данными именами (напр., *ополячить*, *онемечить*, *обангличить*, *обасурманить*, *обанкротиться*, *ожесточить*, *окаменеть*)» [Словарь 1929, вып. 9 (1): 12–13].

Как нам представляется, в отечественной лексикографии сложилась неоднозначная ситуация в отношении определенной подгруппы глаголов указанного типа. Из приведенного выше фрагмента лексикографического описания, где в качестве примеров на первом месте даются глаголы, образованные от этнонимов — названий национальности, как будто бы должно следовать, что отэтнонимные глаголы являются самыми яркими иллюстрациями соответствующего деривационного процесса, тем не менее ни один из таких глаголов не приводится в списках глаголов современного русского языка в процитированном выше исследовании [Кошелев 2004].

Однако в русском литературном языке XIX века появляется большой пласт новообразований — отэтнонимная лексика, прежде всего глагольная, что обусловлено причинами экстралингвистического характера: острота проблем, связанных с межнациональными контактами в этот период, хорошо известна. Для описания влияния одного этноса на другой используется системно-традиционная словообразовательная модель образования переходных глаголов от имен существительных и прилагательных посредством приставки *о-* (*об-*), которые обладают значением в соответствии с семантикой приставки ‘превращение в кого-, что-л., придание каких-л. свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)’ [Словарь 1986, т. 2: 518], например, *обаширить*, *оболгарить*, *объэскимосить*, *оевреить*, *олатышить*, *о(б)татарить*, *офиннить*, *офранцузить* и мн. др.

Данные глаголы, за редким исключением, являются лексическими новациями XIX в. Однако гораздо более важную роль в нашем лексиконе они играют в плане историко-культурном, выполняя функцию своеобразных «примет времени». Например, глагол *о(б)якутить* описывает необычный с социоисторической точки зрения феномен: в Сибири повсеместно влияние «русского элемента» на инородческий оказывается сильнее — кроме якутов,

«самых живучих туземцев этих стран, выработавших в то-же время самую прочную национальность в своей среде, и выказавших способность „объяснить“ даже поселенцев белой расы...»² [Лавров 1894: 688].

«Словарь является уникальным феноменом культуры, поскольку концентрирует информацию, накопленную обществом на определённом этапе своего развития, и предоставляет к ней удобный доступ, чем выполняет важные социальные функции — когнитивную, информационную и др.» [Шаповал 2016: 6–7].

Данное утверждение абсолютно релевантно в отношении «Словаря русского языка XIX века»: будучи историческим в своей основе, словарь должен следовать принципу интерпретации фактов речи, фиксируемых текстами эпохи. Причем должен быть учтен весь корпус установленных на сегодняшний день глаголов³, невзирая на их частотность⁴. Известно, что малоупотребительная лексика языка часто выводится из сферы лексикографии, однако подобные лексемы также требуют пристального внимания, осмысления, изучения, поскольку они часто играют огромную роль не только в пополнении словарного состава языка, но и в представлении внеязыковой реальности, см., напр. [Старовойтова 2017].

Если вопрос с включением всех известных отэтнонимных глаголов решается положительно, то перед составителями словаря встает несколько новых вопросов. Во-первых, каким должно быть их представление — в виде отдельных вокабул или объединенно? И, во-вторых, каков должен быть объем толкования — краткий (указание на изменение состояния, появление «нового качества») или более полный, и если полный — то с указанием каких именно параметров (язык, внешний вид, привычки, культура, вера и проч.).

² Здесь и далее примеры из дореформенных изданий приводятся с изъятием ера и ятя, с заменой і на и; орфография и пунктуация источника сохранена.

³ Огромный эмпирический материал, встречающийся в разножанровых текстах XIX в., остается разрозненным и иногда даже малодоступным и для специалистов, и для читателей.

⁴ Следует учитывать фактор ограниченности материала, доступного лексикографам.

Представим эту проблему на примере конкретной лексики. Глагол *офранцузить* в рассматриваемом здесь значении⁵ является семантической новацией XIX в.⁶ Проанализируем несколько примеров (даны в хронологическом порядке изданий):

(1) *Вы можете сказать, что офранцузить не значит еще хорошо устроить колонию. Так; но если дать этому слову точный смысл и приложить его, на сколько можно, к французской колонии, тогда получит оно обширное значение* [Разговор 1858: 103];

(2) *Во всю мирную половину своего царствования старался он <король прусский> офранцузить подданных своих полуварваров и трудился над истреблением между ними религии, следовательно и нравственности* [Вигель 1864: 185];

(3) *Надутый каталонец, офрануженный дворянин .. ходил взад и вперед с важным торжественным видом* [Каченовский 1866: 53];

(4) *Франция не стремилась насильно офранцузить немцев этих земель, а потому и не трогала их этнографических особенностей...* [Каблиц 1893: 347];

(5) *Французское правительство сперва стремилось, как и всякий победитель в побежденной стране ввести свои законы, обычаи, нравы, т. е. вполне офранцузить, или по крайней мере, оевропеить жителей Алжирии* [Русский 1906: 1056];

(6) *Я хочу сказать, что офрануженный русский — действительный француз, и, притом, остается таким на всю жизнь...* [Денисюк 1907: 78].

Все представленные употребления глагола имеют эксплицитованный объект действия, т. е. благодаря субъекту у объекта действия должно появиться / появилось «качественно новое свойство, состояние или возникло новое для него положение дел» [Кошелев 2004: 88], однако точно определить степень / характер влияния и / или точные характеристики «нового положения дел» удается далеко не во всех случаях. Более того — в некоторых случаях можно

⁵ Самую общую его формулировку обнаруживаем в одном из словарей XIX века: ‘офранцузить кого, сделать французом’ [Даль 1865, т. 2: 1344].

⁶ В значении ‘переделать на французский лад слово’ глагол был известен ранее [Сл. РЯ XVIII в., вып. 18: 143].

наблюдать прямо противоположное описание ситуаций, связанных с использованием глагола *офранцузить*.

Например, цитата (2) раскрывает такой процесс «офранцужения», при котором *истребляется (!) религия и нравственность*, а цитата (4), наоборот, указывает на ненасильственный характер процесса, не затрагивающий *этнографических особенностей*. Пример (1) в неявной форме также указывает на положительный характер процесса, поскольку автор высказывания полемизирует с теми, кто утверждает обратное.

Разные стороны чужеземного влияния эксплицированы в примерах (2) и (5): в первом случае *истребляется религия и нравственность*, во втором же процесс затрагивает сферу *законов, обычаев, нравов*.

Если в примерах (2) и (5) отмечаются конкретные стороны процесса (*религия и нравственность; законы, обычаи, нравы*), то в примере (1) указывается на *обширное значение* глагола *офранцузить*. Подобный список иллюстраций можно дополнить, и большее количество привлеченного материалов только подтверждает сложность и многокрасочность рисуемой картины действительности.

Одним из самых важных аспектов нам представляется оценочность рассматриваемого глагола: она может быть положительной (офранцузить = цивилизовать в общечеловеческом смысле; офранцузить = оевропеить), подтверждение чему находим, например, в путевых заметках В. П. Боткина об Испании середины XIX в., где офранцуженный Алжир противопоставляется варварскому Танжеру:

Вместо Малаги я попал в Африку. Танжер интересовал меня больше Алжира, который успел уже офранцузиться, тогда как Танжер — город бедуинов, в котором только деятельное покровительство европейских консулов спасает европейцев от насилия и убийства [Боткин 1857: 119].

Подобную точку зрения высказывает и декабрист А. Е. Розен, указывающий на позитивный характер влияния одного этноса на другой и противопоставляющий ему национальную замкнутость (предпочтение своего посредственного, даже худого, всему чужому):

Один из новейших Германских профессоров истории определяет слово **национальность** <выделено автором текста — О. С. > единым словом *Borniertheit*, не в смысле ограниченности умственной, но в смысле загораживания, отдельности, замкнутости, когда нация из своего круга не выходит, предпочитает свое посредственное, даже худое, всему хорошему чуждому, имея в виду или онемечить, или обрусить, или офранцузить, или ангализировать, между тем как каждой нации следовало бы только стремиться к тому, чтобы себя и других очеловечить, гуманизировать [Розен 1870: 317].

Однако такое использование отэтнотнимного глагола в положительном смысле является не очень распространенным. Более частотный случай — выражение отрицательного отношения к французскому влиянию. Вот как описывается, например, речевое поведение английских писателей XV столетия, вынужденных использовать в своем творчестве французский язык как более престижный:

...французский язык — придворный язык, от него пошла вся поэзия, все щегольство; кто не умеет хорошо владеть им, тот — неотесанный дубина. Они гоняются за ним <...> стараются офранцузить себя, через силу и не без боязни... [Тэн 1871: 97].

Типологический характер этого явления подтверждается и свидетельствами из отечественной истории:

В начале Шаховской был ярый лже-классиком. Буало, Вольтер, Корнель и Расин были для него альфой и омегой искусства. Шекспира он не хотел и знать, смотря на него сквозь очки Вольтера <...> Но исключительность его симпатий скоро исчезла. Его «расфранцузили», как он признавался впоследствии, сами же Французы [Сиротинин 1896: 498].

Отрицательная сторона чужого влияния может выражаться различными способами, например, через контактное употребление отэтнотнимного глагола со словом с отрицательной оценочностью (*офранцузенный / испорченный* в примере ниже):

Лермонтов отвечал, что чисто-русский человек, не офранцузенный, неиспорченный, снес-бы от Пушкина всякую обиду во имя любви к славе России, не мог-бы поднять руки на нее [Скабичевский 1891: 48].

Приведенные выше примеры (3) и (6) также следует считать иллюстрацией подобного отрицательно-оценочного употребления. *Офранцузенный дворянин-каталонец* и *офранцузенный русский* являются собой исторические типы, которые можно объединить одной общей идеей — пагубностью иностранного (в данном случае французского⁷) влияния. И именно им безоговорочно соответствует определение, представленное В. И. Далем: *офранцузить кого, сделать французом* [Даль 1865, т. 2: 1344] и подтверждаемое значительным числом контекстов, напр.:

он <русский> ненавидит навязываемое ему и изобильно питающее его отечество, и даже, — бывали чудовищные случаи, — отрекается от него!.. Когда же ему покровительственным тоном хвастливый гасконец говорит: «mais, fichtre <sic!>, vous etes un vrai francais» [Но, черт побери, вы настоящий француз — франц.], он, отступник этот, гаденько и сладенько улыбается, принимая эту гасконаду как лавровый венок за все свои потогонные старания офранцузиться, венок, который дается и принимается как особая, беспримерная честь! [Лесков <?> 1862]

В толковом словаре В. И. Даля словосочетание *офранцузенный русак* используется как часть толкования лексемы *перевертень*: *‘офранцузенный русак, человек, внезапно изменивший понятия, убежденья своя; переметчик || оборотень’* [Даль 1882, т. 3: 35].

Аналогичная картина вырисовывается в контекстах, характеризующих французское влияние в Испании XIX в.: *В Испании никто, кроме офранцузеннаго средняго сословия, не старается стать выше своего звания* [Боткин 1857: 85]; *первый afrancesado испанский <король Фердинанд>, униженно лобызавший руку Наполеона* [Биографии 1845: 91]. Отношение к французскому влиянию на жителей этой страны описывают русские путешественники:

⁷ Отрицательное влияние иностранного может передаваться самыми разными этнонимными глаголами в зависимости от конкретной описываемой ситуации: *Как он <Антокольский> начинал, несколько лет тому назад, от того он теперь уже далек. На мои глаза, Италия ему не помогла, а повредила. Она мало того, что его объевропеила, но, что гораздо хуже, она его обитальянила!* [Стасов 1894: 660].

Зачем Испания офранцузилась? [Каченовский 1863: 52]; *Трудно представить себе то глубокое презрение, какое оказывает народ к los afrancesados (офранцузенным)...* [Боткин 1857: 50–51]. Русифицированная калька с испанского языка *афрансесады* (мн. ч.) (< *afrancesado* (ед. ч.) / *afrancesados* (мн. ч.)), соответствующая причастной форме отэтнотонимного глагола, вошла в различные словари иностранных слов:

Афрансесады, испан. afrancesados, офранцузенный. Так назывались в Испании приверженцы Франции во времена Наполеона I [Михельсон 1869: 74];

Афрансесады, исп. afrancesados (офранцузенный). Испанцы, принявшие присягу в том, что будут сохранять конституцию, дарованную им Геронимом Бонапарте [Толковый словарь 1884: 156];

Афрансесады, исп. Приверженцы Франции, во время Наполеона I-го, давшие клятву сохранять в Испании конституцию, дарованную им Иеронимом Бонапарте [Новейший словотолкователь 1886: 62].

Любопытно отметить, что В. П. Боткин, обративший в Испании внимание на «глубокое презрение, какое оказывает народ к *los afrancesados (офранцузенным)...*» [Боткин 1857: 51], сам оказался в этой роли:

*Кругу, собиравшемуся в Соколове <подмосковном селе>, не доставало двух весьма крупных членов его, В. П. Боткина и Огарева. Оба они жили за границей, в Париже, и первый, по рассказам Панаева, тоже недавно возвратившегося оттуда, усиленно старался **офранцузить себя в языке, образе жизни, нравах** и уже отличался яркой ненавистью к старому своему идолу — идеализму* [Анненков 1909: 279].

Меткую характеристику социальному явлению, связанному с данной ролью (типом), дал И. С. Аксаков: *Французомания сильна. Обожание Парижа точь-в-точь как у Московских барышень времен Грибоедова* [Аксаков 1892: 130], причем явление, которое он называет *французомания*, распространено в европейских славянских странах. По его мнению, влияние Франции было очень сильно не только в сфере моды, но и в политическом, и нравственном аспекте [Аксаков 1892: 127].

Думается, что явление «офранцузивания» (кого-либо или себя, добровольное или насильственное), вызвавшее к жизни не только глагол (переходный и непереходный) в личной и неличных формах, но и иные дериваты, не могло не обратить на себя внимание современников. Интересную рефлексию можно обнаружить в одном из текстов:

Англичанин не хочет, чтобы иностранцы говорили его языком, носили его костюм, перенимали его привычки. Чем больше и чем искуснее подражают тому, что придумал он для увеличения своего богатства и комфорта, тем более сердится он на подражателей. Не таков Француз. У него есть неодолимое желание офранцузить вас [Разговор 1858: 103].

Причину этого автор прямо не называет, но указывает на две особенности французов: 1) *французский характер иногда мелочный и хвастливый до крайности* [Там же]; 2) *они стараются приблизить к себе массу человечества, передать ей отличительные признаки своего характера и всеми средствами увеличить толпу своих подражателей* [Там же]. Не будем навязывать свою интерпретацию и указывать, что является причиной, а что — следствием, если эти суждения связаны такими логическими связями. Скажем только, что последние примеры выводят нас на по крайней мере еще одну тему исследования — сопоставление проблемы и, следовательно, лексической пары *офранцузить* — *обангличить*. И это тоже лишь надводная часть айсберга.

Межнациональные отношения, так называемый национальный вопрос, затрагивают разные стороны жизни этносов — политику, экономику, образование, культуру, религию, быт людей, что объясняет активное для русского языка XIX в. словотворчество в данной тематической группе. Испытывая воздействие исторических и социальных факторов, эти языковые единицы стали аккумуляторами соответствующих фоновых знаний, которые нужно иметь в виду лексикологу и лексикографу. Поскольку «лексикографическая параметризация языка» — экстраполяция в словарь самых разнообразных языковых явлений и результатов их анализа — была

и остается одной из важнейших лингвистических задач, «Словарь русского языка XIX века» должен описывать соответствующую лексику с максимальной полнотой и объективностью; во внимание следует принять замечание А. С. Герда считавшего, что «тип этноса, совокупность его признаков, таких как самосознание, отношение к соседям (выделено нами — *О. С.*), к окружающей биосфере, — все это как бы извне, со стороны давит на словарь» [Герд 2008: 9].

Расположить в алфавитном порядке вселенную — задача благодарная, но не простая. Представленный выше краткий обзор «языкового существования» одного из огромного множества элементов «отэтнонимной системы», как нам кажется, показал некоторые аспекты, которые могут вызывать трудности при лексикографировании подобного материала. Задачи семантической интерпретации соответствующей лексики и ее — не менее важного — адекватного технического представления в создаваемом «Словаре русского языка XIX века» все еще требуют решения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

1. Даль 1865 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. М., 1865.
2. Даль 1882 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 3. СПб.; М., 1882.
3. Михельсон 1869 — 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык с объяснением их корней / сост. Михельсон. М., 1869.
4. Новейший словотолкователь 1886 — Новейший полный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык. Сост. Мартыновским и Ковалевским. Ч. 1. А–И. М., 1886.
5. Словарь 1986 — Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988.
6. Словарь 1929 — Словарь русского языка, составленный словарной комиссией АН СССР. 9-й т., вып. 1. *О — обезоруживать*. Л., 1929.
7. Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–22—. СПб., 1992–2019—.

8. Толковый словарь 1884 — Толковый словарь: более 100000 иностранных слов, вошедших в русский язык. СПб., 1884.

Научная литература

1. Герд 2008 — *Герд А. С.* «Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. Материалы III Всероссийской научной конференции. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IV. Ч. 3. СПб., 2008. С. 9–16.
2. Кошелев 2004 — *Кошелев А. Д.* О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–101.
3. Попова 1998 — *Попова Т. В.* Деривационно-семантическое пространство русского глагола: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.
4. Старовойтова 2017 — *Старовойтова О. А.* Новый исторический словарь: проблема редких слов // Человек, сознание, коммуникация, интернет. Т. II. Варшава, 2017. С. 82–89.
5. Шаповал 2016 — *Шаповал В. В.* Теория и практика верификации словарных данных на основе источников: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016.

Источники

1. Аксаков 1892 — *Аксаков И. С.* Дневник во время путешествия по Славянским землям // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. Письма 1851–1860. М., 1892. С. 107–153.
2. Анненков 1909 — *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. СПб., 1909.
3. Биографии 1845 — Биографии знаменитых современников. Мартинес де-ла-Роза // Отечественные записки. 1845. Т. 39. С. 87–99.
4. Боткин 1857 — *Боткин В. П.* Письма об Испании. СПб., 1857.
5. Вигель 1864 — *Вигель Ф. Ф.* Воспоминания // Русский вестник. 1864. Т. 51. С. 79–204.
6. Денисюк 1907 — *Денисюк Н. Ф.* Критическая литература о произведениях гр. А. К. Толстого. Вып. 2. М., 1907.
7. Каблиц 1893 — *Каблиц И. И.* Основы народничества. Ч. 2. СПб., 1893.
8. Каченовский 1863 — *Каченовский Д. И.* Рассказы об Испании // Русское слово. 1863. Январь. С. 1–53.
9. Лавров — *Лавров П. Л.* Опыт истории мысли Нового времени. Т. 1. Ч. 2. Антропологическая жизнь. Женева, 1894.
10. Лесков 1862 — *Лесков Н. С.* Статьи, предположительно написанные Н. С. Лесковым. Электронный ресурс: <http://leskovnikolai.ru/>

wp-content/uploads/sites/30/2018/01/stati-predpolozhitelno-napisannye-leskovym.-nikolaj-semenovich-leskov-leskovnikolai.ru_.pdf (дата обращения 15.01.2020).

11. Разговор 1858 — Разговор с Англичанином (Смесь. Иностранное обозрение) // Библиотека для чтения. 1858. Т. 150. С. 100–103.
12. Розен 1870 — *Розен А. Е.* Записки декабриста. Лейпциг, 1870.
13. Русский 1906 — Русский врач. Ежедневная газета. 1906. Т. V. № 34.
14. Сиротинин 1896 — *Сиротинин А. Н.* Князь А. А. Шаховской. Очерк его деятельности. Русский архив. Т. 4. М., 1896.
15. Скабичевский 1891 — *Скабичевский А. М.* М. Ю. Лермонтов: его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891.
16. Стасов 1894 — *Стасов В. В.* Наши итоги на всемирной выставке. Статья 4 // Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847–1886. Т. 1: Художественные статьи. СПб., 1894. С. 654–662.
17. Тэн 1871 — *Тэн Г. О.* Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы. Ч. 1 / пер. под ред. А. Рябина и М. Головина. СПб., 1871.

***O. Starovoitova.* «For money the Germans will make a Frenchman of a Russian»: to the Issue of Describing Ethnonymous Verbs in a Historical Dictionary**

Keywords: the Russian Language; historical lexicography, the Dictionary of the 19th Century Russian, verbs derived from the names of the ethnoses.

The article deals with the problems of the lexicographic description of the 19th century Russian Language neologisms, the verbs derived from the names of the ethnoses. On the example of the verb *ofrantsuzit'*, a wide historical and cultural background is shown, which features requires special attention when describing in the historical dictionary.

СВОДНЫЙ АВТОРСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: авторская лексикография, комментирующий конкорданс, поэтическая грамматика, словник, словарная статья.

Статья посвящена особенностям представления грамматической информации в «Словаре языка русской поэзии XX века» как сводном комментирующем конкордансе. Показаны возможности изучения грамматических ресурсов поэтического языка с учетом состава словника названного Словаря и видов грамматической информации, включаемой в словарные статьи.

Данное исследование проведено на материале сводного много-томного «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП]. Напомним, что в основе СЯРП как словаря поэтического языка конкретной эпохи лежит «свод» произведений десяти авторов — крупнейших русских поэтов, творивших преимущественно в эпоху Серебряного века: Анненского (в Словаре и здесь в примерах — Анн), Ахматовой (Ахм), Блока (АБ), Есенина (Ес), Кузмина (Куз), Мандельштама (ОМ), Маяковского (М), Пастернака (П), Хлебникова (Хл) и Цветаевой (Цв).

В жанровом отношении СЯРП представляет собой конкорданс комментирующего типа [Шестакова 2011: 89–93]. В словарные статьи вводятся, при необходимости, комментарии собственно лингвистического, энциклопедического, историко-культурного характера. Словарь, таким образом, не ставит перед собой задачи

* Шестакова Лариса Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН). Электронная почта: lara.shestakova@mail.ru.

** Кулева Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН). Электронная почта: an_kuleva@mail.ru.

полного, многостороннего описания (включая полное грамматическое) каждой заголовочной единицы. Он нацелен на другое — на фиксацию, пояснение тех особенностей в употреблении слова (в том числе отклонений от стандарта), которые обнаруживаются в текстах выбранных поэтов и на которые целесообразно обратить внимание читателя для, возможно, последующего изучения этого материала. Указанным целям соответствуют принципы организации, во-первых, словника, который отличается по своему наполнению от словариков общеязыковых словарей, во-вторых, словарной статьи, избирательно отражающей сведения о заголовочном слове.

Сказанное в большой степени касается грамматического аспекта описания лексики в Словаре. Рассмотрим в связи с этим некоторые особенности словника и их отражение в словарных статьях, а также виды грамматической информации, вводимой в статьи СЯРП.

Начнем с того, что при исчерпывающем характере **словника** он включает в себя разные типы заголовочных единиц. Кроме стандартных, это также отдельные грамматические формы: в самостоятельных статьях даются краткие формы прилагательных, прилагательные в простой сравнительной и превосходной степени; причастия — полные и краткие; деепричастия; в отдельных статьях, как правило, описываются субстантивированные формы, а также отмечаемые в произведениях словоформы окказионального характера [СЯРП I: 12].

Следует сказать, что в авторской лексикографии такой принцип выделения заголовочных единиц распространен (и имеет уже некую традицию). Он связан с представлением о большей самостоятельности некоторых грамматических форм слов в художественном — в первую очередь поэтическом — языке по сравнению с общелитературным языком (особенно полно это представление выражено В. П. Григорьевым в проспекте «Словаря языка русской советской поэзии» [Григорьев 1965: 78]). И если по отношению к словарям языка одного автора целесообразность такого принципа может быть оспорена, то в сводных словарях с обширной иллюстративной базой он оправдан и плодотворен: единообразный

грамматический материал не теряется в статьях на исходную форму (прилагательного или глагола), концентрируется в пределах одной статьи, приобретая обозримость, завершенность, важную для пользователя Словаря. Практическая работа в этом ключе высвечивает и другие моменты, важные для характеристики поэтического словоупотребления. Сразу отметим, что приводимые далее примеры верифицировались по большому ряду словарных источников. Это, прежде всего, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [СУ], в наибольшей степени коррелирующий с той эпохой, поэтический язык которой представлен в СЯРП; «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах [БАС]. Это также словари грамматические, орфографические, исторические, диалектные и, конечно, авторские разных типов и жанров (из последних, например: [Осипов 1973; Колесников 1991; Перцова 1995; СМЦ; Митюшин 2006; Валавин 2010; Шипулина 2013а]).

Обзор материалов Словаря, в том числе последних томов, на которые мы в основном будем опираться, показывает высокую совокупную частоту употребления названных выше форм, тем самым их большую грамматическую весомость в поэтическом языке. В особенности это касается кратких форм прилагательных, полных и кратких причастий, деепричастий.

Примечательно, что в немалом числе случаев в поэтических текстах встречаются примеры только на отдельные грамматические формы и заводить для них статьи на исходные формы — значило бы фиксировать последние при их реальном отсутствии, тем самым приглушая наличие первых, хотя именно они являются репрезентантами соответствующих слов. См., например, далее словарные статьи из VII тома СЯРП, заголовки которых представляют собой причастия и деепричастия. Статьи выбраны из фрагмента **РАЗВОРАЧИВАТЬ — РАЗРЕЗ** (501 статья). В пределах этого фрагмента отмечают¹:

¹ В приводимых далее словарных статьях сохраняется в целом метаязыковое оформление СЯРП. Используются грамматические и иные пометы, в том числе: *Аллюз.* — аллюзия, *Ирон.* — иронически, назв. —

1) одна форма без исходной (полное или краткое причастие; деепричастие):

РАЗГОРЯЧЁН Ведь он [1919 год] пришел и лег лучом С панелей, с снеговой повинности. Он дерзок и р., Он просит пить, шумит, не вынести. *П918-19 (I, 193.1)*

РАЗДВОЕННЫЙ О, Сад, Сад! <...> Где козлы умоляют, продевая сквозь решетку раздвоенное копыто, и машут им, придавая глазам самодовольное или веселое выражение, получив требуемое. [о зверинце] *Хл909,11 (185)*

РАЗЗЕВАВШИЙСЯ [*разг.*] Расставание — не по-русски! Не поженски! Не по-мужски! // Не по-божески! Что мы — овцы, Раззевавшиеся в обед? Расставание — по-каковски? Даже смысла такого нет, // Даже звука! *Ц6924 (III, 43)*

РАЗОГНУВ Не р. колен, Русским честным крестом Лоб-емугреть-плеча Крестит на сон ночной. *Ц6920 (III, 247)*

РАЗЛЯЯВШИСЬ [*разг.*] Что только нарвется, р., тормоз На мирных сельчан в захолустном вине, С матрацев глядят, не моя ли платформа, И солнце, садясь, соболезнет мне. *П917 (I, 112);*

2) две формы (как правило, полное и краткое причастие; полное причастие и деепричастие):

РАЗГРАБЛЕН Все кажутся сразу бледнее и старше, Р. летний уют. И труб золотых отдаленные марши В пахучем тумане плывут... *Ахм943 (213.3)*

РАЗГРАБЛЕННЫЙ Не развалины — нет, — но порубка могучего циркульного леса, Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства, Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки, *ОМ930 (164.1)*

РАЗОДЕТ [*разг.*] А то, / что тут урожай фуража, / что в пальмы земля разодета, / так это от солнца, — / сиди / и рожай / бананы и президентов. [о Мексике] *М925 (195)*

РАЗОДЕТЫЙ [*разг.*] Но драка кончилась... И вот — Она [луна] своим лимонным светом Деревьям, в зелень разодетым, Сиянье звучащее Польет. *Ес924 (II, 238)*

название, обрац. — обращено, посв. — посвящено, *РП* — речь персонажа, *рфм.* — рифма, *субст.* — субстантив, субстантивированный, усеч. — усечение, усеченный, *Шутл.* — шутливо, *ib.* — там же.

По правилам Словаря, внутри словарной статьи описываемое слово сокращается до его начальной буквы, но лишь в словоформе, совпадающей с заглавной формой.

РАЗЖИРЕВШИ [*разг.*] Обворовывая / массу, / р. понемногу, / подытожил / сладким басом: / «День прожил — / и слава богу». [о ханже] *М928 (347)*

РАЗЖИРЕВШИЙ [*разг.*] И когда / это солнце / разжиревшим болом / взойдет / над грядущим / без нищих и калек, — / я / уже / сгнию, / умерший под забором, / рядом / с десятком / моих коллег. *М926 (246)*

РАЗМОКШИ [*разг.*] У нас был чад отчаянный. Оттаяв, Все морщилося, р. до стропил. *П925-31 (1,369)*

РАЗМОКШИЙ Я был разбужен спозаранку Щелчком оконного стекла. Размокшей каменной баранкой В воде Венеция плыла. *П913,28 (1,56)*; Поэты, / размокшие в плаче и всхлипе, / бросились от улицы, ероша космы: *М914-15 (393)*; Когда неожиданно в коноплянике Показывались мы ватагой, Их танки скатывались в панике На дно размокшего оврага. *П944 (II,60)*; Среди размокшего суглинка, Где обнажился голый грунт, Щебечет птичка под сурдинку С пробелом в несколько секунд. *П958 (II,120), (II,594)*;

3) три формы (все упомянутые выше):

РАЗВОРОТИВ [*разг.*] Шагни четверкой мощных лап, / прибитых чертежами Эйфеля, <...> Решайтесь, башня, — / нынче же вставайте все, / р. Париж с верхушки и до низу! / Идемте! / К нам! / К нам, в СССР! *М923 (106)*

РАЗВОРОЧЕН [*разг.*] Эй, хорошие! Не довелось! Разворочена, Простоволоса, — // Лжемариною В сизые гряды! — Я княгиня твоя Безоглядна... *Цв922 (II,112)*; Их галдит за тысячу, и каждым, Точно в бую вешний буерак, Р., взрыт и взбудоражен И буграми поднят этот мрак. *П926-27 (1,316)*

РАЗВОРОЧЕННЫЙ [*разг.*; разворочённый *Ес924*] Не знали вы, Что я в сплошном дыму, В развороченном бурей быте С того и мучаюсь, что не пойму, Куда несет нас рок событий. [здесь: разворочённый; обрац. к З.Н. Райх] *Ес924 (II,203)*; Но вы не знали, Что в сплошном дыму, В развороченном бурей быте С того и мучаюсь, Что не пойму, Куда несет нас рок событий... [здесь: разворочённый] *ib.*; Я губами несусь в темноте — // За воронки, за насыпи, осыпи, По которым он медлил и мглил: Развороченных — пасмурный, оспенный И приниженный — гений могил. *ОМ937 (241.2), (418.2), (419), (421), (423), (426)*; И золотая червоточина На листьях осени горбатой, И угол, бомбой р., Где лазали его ребята. *П943 (II,55)*

РАЗМОЛОВ Друзья, исчислите, Какое *Мыслете*, Обещанное Эм, Р., как жернов, время. В муку для хлеба, Его буханку принесут? Мешочником упорным? *Хл922 (363)*

РАЗМОЛОТ На белую муку Р. старый мир Работою рассудка, И старый мир — он умер на скаку! *Хл919,21 (263)*

РАЗМОЛОТЫЙ Аравийское месиво, крошево, Свет размолотых в луч скоростей, И своими косыми подошвами Луч стоит на сетчатке моей. *ОМ937 (241.2), (418.1), (418.2), (419), (421), (423), (426)*

Анализ этих и подобных статей по представленным в них авторам показывает, что отдельные грамматические формы могут встречаться и у одного поэта, и у разных поэтов — близких или далеких по художественному мировоззрению и поэтике. Так, в третьей группе полное страдательное причастие *развороченный* отмечается у Есенина (дважды), Мандельштама и Пастернака; краткая форма этого причастия *разворочен* — у Цветаевой и Пастернака, а деепричастие *разворотив* — у Маяковского. В целом же идея «развороченности» предстает и в природном, и в социальном, и в личном планах.

При наличии исходного глагола нередко хорошо видно, что такие формы по частоте употребления превосходят личные формы. Вот, например, группа полных словарных статей, относящихся к глаголу *обручить*, среди которых самая объемная — на краткое причастие (в этой статье подчеркнуты рифменные пары):

ОБРУЧЁН [*тж* в устар. конструкции о. кому-, чему-л.] И кто же думал тогда, Что он не придет домой? Стихала ночная езда — Он был о. с Женой. *АБ902 (I,229)*; Со мной весна в твой храм вступила, Она со мной обручена. Я — голубой, как дым кадила, Она — туманная весна. *АБ906 (II,119)*; «Но кто ты, воин яростный? тебя ли вижу я? ... Смотри, ты дал мне зеркало, тебе я о., Теперь же морем огненным с тобою разлучен». *РП Куз908 (56)*; Покой найдя, встал рыцарь успокоен, Любовь найдя, поднялся он влюблен, Свой меч храня, явился чистым воин, Кольцо храня, любви он о.. [*рфм.*: освобожден, заключен] *Куз908 (146)*; Обручена рассвету Печаль ее рулад... Как я игрушку эту Не слушать был бы рад... [о будильнике] *Анн909 (96)*; Иль первой страсти юный гений Еще с душой не разлучен, И ты навеки о. Той давней, незабвенной тени? *АБ909 (III,182.1)*; — Я свободе, как закону, О., и потому Эту легкую корону Никогда я не сниму. *ОМ915*

(104.1); Обручена Христу Екатерина, И бьется в двух сердцах душа одна. Куз921 (237); Наш юноша поет: «С русалкой Зоргама о. Навеки я, Волну очеловечив. Тот — сделал волной деу». ПП Хл921 (148.1); А тот, кто мне только казался, Был с той о. тишиной, Простившись, он щедро остался, Он насмерть остался со мной. Ахм963 (231.1)

ОБРУЧЁННЫЙ [*тж* в *устар.* конструкции о. чему-л.] Пусть разрушается тело — душа пролетит над пустыней, Будешь навеки печален и юн, о. с богиней. АБ898 (I,377.1); И царица — в мольбе и тревоге, Обрученная с холодом зим... АБ901 (I,147); Вы — гейши фонарных свечений, Пять роз, обрученных стеблю, Но нет у Киприды священной Не сказанных вами люблю. Ани909 (138)

ОБРУЧИВШИЙ Божий ангел, зимним утром Тайно о. нас, С нашей жизни беспечальной Глаз не сводит потемневших. Ахм914 (92.1)

ОБРУЧИТЬ Ни страстных вздохов, ни смячений Пустым, доверенных, словам! Вас обручила тень, и вам Священны в жизни — только тени. Цв909 (I,48.2)

Вопрос о распределении материала по поэтам в подобных статьях заостряется. В статье **ОБРУЧИТЬ** содержится один контекст Цветаевой, в статьях на грамматические формы — примеры из шести описываемых в Словаре поэтов, демонстрирующие лингвопоэтическое разнообразие. Ограничимся указанием на рифменную активность краткого причастия *обручён*, особенно у Кузмина, «оживление» поэтами устаревшей конструкции «обручён кому-, чему-л.»

Представление рассматриваемых форм как отдельных словарных единиц позволяет явным образом зафиксировать их в словнике, а на уровне словарной статьи увидеть специфику их функционирования в поэтическом языке. Так, материал на глагольные формы ясно показывает не только обилие, но и вариативность деепричастных форм, разных с точки зрения нормативности и стилистической окраски. Встречаются пары, тройки деепричастий; см., например:

ПЕРЕДЕЛАВ [*см. тж* ПЕРЕДЕЛАВШИ] Дрянь / пока что / мало поредела. / Дела много — / только поспевать. / Надо / жизнь / сначала переделать, / п. — / можно воспевать. М926 (238)

ПЕРЕДЕЛАВШИ [*разг.; вар. к* ПЕРЕДЕЛАВ] И несут / стихов заупокойный лом, / с прошлых / с похорон / не п. почти, / В холм / тупые рифмы / загонять колом — / разве так / поэта / надо бы почтить? [посв. памяти С.А. Есенина] М926 (238)

ПОДЖИДАЯ [см. тж ПОДЖИДАЮЧИ] Еще никто не вошел на лестницу, А уж слышали счет ступень. И везде проснулись, кричали, п. вестницу, И седые головы наклонялись в тень. *АБ902 (I,248)*

ПОДЖИДАЮЧИ [прост.; вар. к ПОДЖИДАЯ] Взмахом крыл своих под облаком Он [орел] расправил когти острые И, добычу п., Замер в воздухе распластанный. *Ес917 (I,257)*

ПОТУПИВ [см. тж ПОТУПИВШИ, ПОТУПЯ] Полк стоит, глаза п., Тень от летчиков в пыли. [рфм. к трупов] *Хл[915] (94)*; — Так стучатся в грудь — За любовь. Так, п. взгляд, В светлый Рай стучится черный Ад. *Цв918 (I,406.2)*; Ночь проходит, п. взгляд. *Цв918 (I,416.2)*; «Лоб запрокинув!» — гордость велела. «Очи п.!» — робость шепнула. Так прохожу я — очи п. — Лоб запрокинув — Гордость и Робость. тж *РП Цв921 (II,55.1)*; Вор / крадет / с ворами вкупе. / Поглядев / и скрывшись вбок, / прошептал [ханжа], / глаза п.: / «Я не вижу... / Видит бог». *М928 (347)*

ПОТУПИВШИ [разг.; вар. к ПОТУПИВ] Была бы бабою простой — От солнца б застилась рукой, Качала бы — молчала бы, П. глаза. *Цв918 (I,426.2)*

ПОТУПЯ [см. тж ПОТУПИВ] Стыдливо речь ведет она [девица] к герою, П. взор и выронив цветы: *Куз908 (142.1)*

Весьма объемная словарная статья **ПЛАКАТЬ** дополняется в Словаре статьями к четырем деепричастиям: кроме нормативно-го плача, это также стилистически окрашенные варианты плакав, плакавши, плачучи. Объединив контексты и выстроив их по хронологии, мы увидим, что основная форма представлена у Блока («Офелия в цветах, в уборе...»), остальные, в разной степени ожидаемо, у Цветаевой (поэма «Царь-девица»), Пастернака («Весеннею порою льда...») и Мандельштама («Как соловей, сиротствующий, славит...»):

Я видел: ива молодая Томилась, в озеро клонясь, А девушка, венки сплетая, Всё пела, плача и смеясь. [об Офелии] *Аллюз. АБ898 (I,390.2)*; «<...> До любви нелакомый, Себе немил — Видно, месяц, плакавши, Слезой обронил». *РП Цв920 (III,197)*; Прощальных слез не осуша И плакав вечер целый, Уходит с Запада душа, Ей нечего там делать. *П931 (I,422)*; Исполнилось твое желанье, пряжа, И, плачучи, твержу: вся прелесть мира Ресничного недолговечней взмаха. *ОМ933-34 (205.1)*

Выразительной чертой поэтического словоупотребления является использование нестандартных кратких форм действительных причастий, которые можно квалифицировать как новообразования (по правилам СЯРП они сопровождаются пометой *нов.* — «новое»):

ПОМНЯЩ [*нов.*] Грабят, / режут — / очень мило! / Имя / божеское / п., / он [ханжа] / пройдет, / сказав громилам: / «Мир вам, братья, / бог на помощь!» *Ирон. М928 (347)*

ПОЮЩ [*нов.*] Не у меня, не у тебя — у них Вся сила окончаний родовых: Их воздухом п. тростник и скважист, И с благодарностью улитки губ людских Потянут на себя их дышащую тяжесть. *ОМ936 (222.1)*

ПРОСЯЩ [*нов.*] Не уйти человеку! / Молитва у рта, — / лег на плиты п. и грязен он. / Я возьму / намалюю / на царские врата / на божьем лике Разина. *М916 (50)*

СЛЕПЯЩ [*нов.*] Испанский камень / с. и бел, / а стены — / зубьями пил. / Пароход / до двенадцати / уголь ел / и пресную воду пил. *М925 (172)*

СПЯЩ [*нов.*] Олимпийцы?! Их взгляд с.! Небожителей — мы — лепим! Ипполит! Ипполит! В плащ! В этом пеплуме — как в склепе! *Цв923 (II, 172)*

СТАРЯЩ [*нов.*] Постели прокляв, / встав с лежанки, / чтоб всей вселенной шла любовь. / Чтоб день, / который горем с., / не христардничать, моля. / Чтоб вся / на первый крик: / — Товарищ! — / обочивалась земля. *М923 (451)*

Известно, и словарный материал это хорошо иллюстрирует, что именно новообразования в поэзии часто выступают в конкретных грамматических формах. Вот еще некоторые примеры из VII тома — причастия (полные и краткие) и деепричастия, в образовании которых, как и приведенных выше форм, лидер, конечно, Маяковский (см. [Колесников 1991; Валавин 2010]). Однако отмечаются такие формы и у других поэтов, среди которых Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Хлебников. У Ахматовой и Цветаевой находим редкие формы — у первой сравнительная степень причастия (*разлучённой*), у второй — превосходная степень причастия (*распластанный*):

РАЗБРИЛЛИАНТЕННЫЙ [*нов.*] Вы себе представляете / парижских женщин / с шеей разжемчуженной, / разбриллиантенной /

рукой... / Бросьте представлять себе! / Жизнь — / жестче — / у моей парижанки / вид другой. М929 (366)

РАЗВОРАЖИВАЮЩИЙ [нов.] Разочарование! Не крест Ты — а страсть, как смерть и как разлука. // Р. настой, Сладость обморочного оплыва... Цв922 (II,93)

РАЗВОСКРЕСЕНЕН [нов.] Слух идет / о грозном сраме, / что лишь радость / развоскресёнена, / комсомольцы / лейб-гусарами / пьют / да ноют под стих Есенина. Ирон. М927 (291)

РАЗЛУЧЁННОЙ [нов.] Не придумать разлуку бездонней, Лучше б сразу тогда — наповал... И, наверное, нас р. В этом мире никто не бывал. Ахм963 (226.1)

РАЗМОЗОЛЕВ [нов.] А оказывается — / прежде чем начнет петься, / долго ходят, р. от брожения, / и тихо барахтается в тине сердца / глупая вобла воображения. М914-15 (393)

РАЗМОЗОЛИВАЯ [нов.] о, какой / невероятной топкой / сердце Маркс / и мысль свою зажег! / Будто сам / в заводе каждом / стоя сто́йма, / будто / каждый труд / р. лично, / грабящих / прибавочную стоимость / за руку / поймал с поличным. М924 (466)

РАСКИСТЕН [нов.] Эта тема [любовь] придет, / прикажет: / — Истина! — / Эта тема придет, / велит: / — Красота! — / И пускай / перекладной кисти раскистены — / только вальс под нос мурлычешь с креста. М923 (408)

РАСПЛАСТАННЕЙШИЙ [нов.] — Не властвовать! Без слов и на слово — Любить... Распластаннейшей В мире — ласточкой! Цв922 (II,130)

РАСКАЛЬЗЫВАЮЩИЙСЯ [нов.] Расскальзывающаяся артиллерия Тарелями ластится к отзывам ветра. П914,28 (I,63)

РАССТРУИВ [нов.] Где-то с шумом падает вода. Где-то, где-то, раздувая ноздри, Скачут случай, тайна и беда, За собой погоню заподозрив. // Где-то ночь, весь ливень р., На двоих наскაკивает в чайной. Где же третья? А из них троих Больше всех она гналась за тайной. П916 (I,249.1); ...

РЕМОНТНОДЫШАЩИЙ [нов.] Вакс р. Шутл. ОМ930-е (437.5)

Ср. и хлебниковские окказиональные формы повелительного наклонения, восходящие к личным именам: *заратустрь*, *моцартъ*, *роопсь*, *чингисхань*. Эти формы, «собранные» в стихотворении Хлебникова «Усадьба ночью, чингисхань!..», фиксируются как отдельные статьи в разных томах Словаря. В VII томе представлена статья **РООПСЬ** (в основе этого новообразования — фамилия бельгийского художника XIX в. Фелисьена Ропса):

РООПСЬ [*нов.*; *повел.*; *см.* [РОПС]] Усадьба ночью, чингисхань! Шумите, синие березы. Заря ночная, заратустрь! А небо синее, мортарть! И, сумрак облака, будь Гойя! Ты ночью, облако, р.! *Хл[915] (99.1)*

Приведем примеры и нескольких адъективных окказиональных форм:

РАЗРУМЯНИСТ [*нов.*] (Разрумяниста моя Знобь-Тумановна! Лихоманочка моя Лихомановна!) *Ц6922 (III,270)*

РОДОВЕЙ [*нов.*] Но пока / доллар / всех поэм р.. / Обирая, / лапя, / хапая, / выступает, / порфирой надев Бродвей, / капитал — / его препохабие. *M925 (220)*

РУЧЬЁВ [*нов.*] Могла бы — свою же пантерину кожу Сняла бы... — *Сдала* бы трущобе — в учебу! В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, — // Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке, Сплетаются ветви на вечные браки... *Ц6936 (II,339)*

СВИРЕПООК [*нов.*] Звенят-звенят тетивы, Стрела глаз юный пьет. И из руки ретивой Летит-свистит копьё. // И конь, чья ярь испытана, Грозит врагу копытами. Свирепооки кони, И кто-то, кто-то стонет. *Хл[908] (51.2)*

Подобные примеры содержатся во всех, без исключения, томах СЯРП. Полагаем, что они подтверждают целесообразность отдельного представления подобных форм в поэтическом словаре: каждая форма как штучная единица занимает в нем свое место, и читателю, исследователю нетрудно сделать выборку подобных единиц для их совокупного изучения.

Виды грамматической информации, вводимой в словарные статьи, соотносятся с разными грамматическими категориями. Коснемся далее лишь некоторых видов такой информации, представляющей в СЯРП в разных объемах. Отметим, что она дается в факультативной, но многофункциональной зоне значения, следующей за заголовком, также может заполнять другую факультативную зону — зону комментариев к отдельным контекстам.

1. Минимальная грамматическая информация дается при разведении омонимов, которые в СЯРП, в отличие от традиционных конкордансов, выделяются. Если омонимы (в том числе омографы)

принадлежат разным частям речи, в статьях даются соответствующие пометы. Ср.: **ПÓВЕСТЬ** [сущ.] и **ПОВЕ́СТЬ** [глагол.; прост.; вар. к ПОВЕСТИ], **ПРЕД** [предлог; книжн.; см. тж ПЕРЕД] и **ПРЕД** [разг.; сокр.: председатель].

Вот как выглядят некоторые из таких статей (в полном или сокращенном виде):

РАЗИНЯ [сущ.; разг.] «Дайте нам новые формы!» — / несется вопль по вещам. / Нет дураков, / ждя, что выйдет из уст его, / стоять перед «маэстрами» толпой разинь. / Товарищи, / дайте новое искусство — / такое, / чтобы выволочь республику из грязи. М921 (95); И вот идет подвыпивший р.. Кабак как в половодье унесло. По лбу его, как по галаш резине, Проволоклось раздолий помело. П925-31 (I,340)

РАЗИНЯ [деепр.; разг.] И, долбя и колулая Лыдины старого пласта, Спит и ломом бьет по сини, Рты колоколов р., Размечтавшийся в уныньи Звон великого поста. П926-27 (I,330); Уступами террас Из вьющихся глициний Я мерил ваш рассказ И слушал, рот р.. П936 (II,16.2)

СЕЧЬ [глагол. ...] Полно, сивка, видно, тра Бросить соху. Хлещет ливень и сечет. Видно, ждет нас до утра Сон, коняшня и почет. Хл[909-12] (63); Быть единицей светлых воинств? Вас, презираемых мечом, Всех не окровавленных войной, Бичуй, мой слог, секи бичом, Топчи и конь мой вороной. Хл911-12 (212); ... Возвратясь / домой / с питей — / пил / с попом пунцоворожим, — / он [ханжа] / сечет / своих детей, / чтоб держать их / в страхе божьем. М928 (347); Перегородок тонкоробрость Пройду насквозь, пройду, как свет. Пройду, как образ входит в образ И как предмет сечет предмет. П931 (I,375)

СЕЧЬ [сущ.; назв.; Запорожская С.] С. Запорожская (так сопка извергает Кумир с протянутой рукой) Так самозванцев посылает, Дрожи, соседних стран покой! Хл[912-13] (237); Повсюду войско Владислава, И русского ничто уж не дрожит. Война, война... Он в польском шлеме, Латинских лагах Повел на битву племя Людей суровых и усатых. Литва и Польша, Крым и С., Все, с чьих плеч О землю стучал меч, Делили с ними похода время. *ib.*; ...

СВÓЛОЧЬ [с. и «с.»; сущ.; прост. бран.; негодяй, мерзавец; сброд, подлые люди; см. тж СВОЛОК] Гримируют городу Круппы и Крупники / грозящих бровей морщь, / а во рту / умерших слов разлагаются трупики, / только два живут, жирея — / «с.» / и еще какое-то, / кажется — «борщ». М914-15 (393); Ни кровинки в тебе здоровой. — Ты похожа на циркового. // Вон над бездной встает, ликуя, Рассылающий

поцелуи. // Напряженной улыбкой хлещет Эту с., что рукоплещет. [обращ. к дочери Але (А.С. Эфрон)] Цв919 (I,485); ...

СВОЛО́ЧЬ [глаг.] Как ударит соборный колокол — Сволокут меня черти волоком, Я за чаркой, с тобою распитой, Говорила, скажу и Господу, — Что любила тебя, мальчоночка, Пуще славы и пуще солнышка. Цв916 (I,274)

2. Фиксация субстантивированных форм — одна из частных, но важных задач СЯРП. Очевидно, что словарный материал, представляющий, кроме прочих литературных направлений, и русский символизм, подтверждает распространенность явления субстантивации в поэтическом языке начала — первой трети XX в. (см. об этом, например: [Кожевникова 1986; Очерки 1993]). В то же время он обнаруживает не только весьма значительный массив субстантивов, но и частеречное их разнообразие (обычно исследователи говорят о субстантивированных прилагательных), наличие таких единиц в разном объеме у разных поэтов. По нашим наблюдениям, здесь, кроме Блока, выделяются Маяковский, Цветаева, Кузмин, хотя в употреблении отдельных слов на первый план могут выдвигаться другие авторы (см. далее статью к слову *спасибо*, в которой представлены три примера из Хлебникова, по два — из Цветаевой и Пастернака; другой случай — субстантив *приезжий*, иллюстрируемый преимущественно строками Пастернака).

В основном задача маркирования субстантивов решается путем введения помет в зону значения. В соотносимых словарных статьях это, как правило, парные пометы — например, *прил. / субст. прил., прич. / субст. прич.:*

ПОСЛЕДНИЙ [*прил.*; ...] Мы счастье пьем, пока не видя дна. // Когда-нибудь, с последней каплей сладкой, Судьба опять столкнет упрямо нас, АБ898 (I,329.1); Прими, Владычица вселенной, Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба — Последней страсти кубок пенный От недостойного раба! АБ898 (I,333.2); ...

ПОСЛЕДНИЙ [*субст. прил.*] О последнем, о светлом, о зыбком: Не открою, и дрогну, и жду: Верю тихим осенним улыбкам, Золотистому солнцу на льду. АБ902 (I,521.2); Город гибнет. Люди с ним. Суша — дно. Последних вест. Море с полчищем своим Все грозит в безумстве снести. РП Хл912 (219); ...

РАТНЫЙ [*прил.; устар. и высок.*] Мне битва сердце веселит, Я чую свежесть ратной неги, Но жаром вражеских ланит Повержен в запоздалом беге. *АБ901 (I,146)*; О, пробуди на подвиг р., Тревогой бранной напои! Восторг живой и благодатный — Бряцанья звонкие твои! *АБ902 (I,510.2)*; ...

РАТНЫЙ [*субст. прил.; устар. и высок.*] Водительница Оди-гитрия! Ты воинство ведешь на бой, И ратные — сильны Тобой, На смерть готов из них любой. *Куз909 (158)*

ПИШУЩИЙ [*прич.*] Я, пишущая эти строки, Одна из вас — // Неданной клятвы не нарушу *Цв914 (I,210.2)*; Не смущаю, не пою Женскую отравую. Руку верную даю — Пишущую, правую. *Цв918 (I,434.1)*; Но пишущих машин простая сонатина — Лишь тень сонат мочучих тех. *ОМ924,37 (152)*

ПИШУЩИЙ [*субст. прич.*] В поте — п., в поте пашущий! Нам знакомо иное рвение: Легкий огонь, над кудрями пляшущий, — Дуновение — Вдохновения! *Цв918 (I,401.2)*

РОЖДЁННЫЙ [*р. и Р.; прич.*] Нет, не жемчужины, рожденные страданьем, Из жерла черного метала глубина: Тем до рожденья их отверженным созданием Мне одному, увы! известна лишь цена... *Анн900-е (63.2)*; А в воздухе жила непонятая фраза, Рожденная душой в мучении экстаза, Чтоб чистые сердца в ней пили благодать ... *Анн900-е (127)*; ...

РОЖДЁННЫЙ [*субст. прич.*] ... Ленин рядом. / Вот / он. / Идет / и умрет с нами. / И снова / в каждом рожденном рожден — / как сила, / как знанье, / как знамя. *М924 (118)*; Он эхо и привет, он вежа, нет — лемех. Воздушно-каменный театр времен растущих Встал на ноги, и все хотят увидеть всех — Рожденных, гибельных и смерти не имущих. *ОМ937 (233.2)*

К этой группе примыкают наречные субстантивы, идентификации которых служат нередко стоящие при них определения и предлоги (такие случаи в примерах подчеркнуты):

ПРЕЖДЕ [*нареч.; тж в сочет.: п. всего, п. чем (союз)*] Как п., гибли жизни силы, Любовь, надежда и мечта. *АБ898 (I,334.2)*; Смело иди, Черная двинулась ночь... Нет, не дойдешь, П. умрешь... *АБ898 (I,393.2)*; ...

ПРЕЖДЕ [*«п.»; субст. нареч.*] Граждане! / Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде». / Сегодня пересматривается миров основа. / Сегодня / до последней пуговицы в одежде / жизнь переделаем снова. *М917 (65)*

РЯДОМ [*нареч.*; *тж р. с кем-, чем-л. в знач. предлога*] Увидав, что невозможно Ни вернуться, ни забыть... Пить поспешно, пить тревожно, Р. с сыном, может быть, // Под наплывом лет согнуться, Но, забыв и вкус вина... По привычке всё тянуться К чаше, выпитой до дна. *Анн900-е (68.1)*; ... А р. громко говорила Федра Нам, гордым и уже усталым людям, Свои невероятные признанья, И «больше не читавшая» Франческа О первенстве заботилась своим. *Аллюз. Ахм963 (379.1)*

РЯДОМ [*субст. нареч.*] Последняя дружба, Последнее р. Грудь с грудью... // — В последнюю оторопь взгляда Рай вбросившая, // Под фатой песнопенной, Последнею славой Пройдешь — покровенной. [обращ. к Н.А. Нолле-Коган] *Цв921 (II,72.2)*

СЕГОДНЯ [*нареч.*] Довольно Вашими лучами Питались нежные мечты... С., разлучаясь с Вами, Я не скажу Вам больше: «Ты!» *АБ898 (I,372.2)*; Я думал, что умру с. к ночи, Но, слава богу, нет! Я жив и невредим, — Недаром надо мной Твои сияли очи, И крылья простирал стокрылый серафим. *АБ898 (I,393.1)*; ... С. я туда вернусь, Где я была весной. *Ахм959 (357.4)*

СЕГОДНЯ [*субст. нареч.*] Будет завтра, есть с., Будет лето, есть весна. С корабля опустят сходни И сойдет Любовь ясна. *Куз907 (49)*; Я жизнь / отдать / за с. / рад. / Какая это громада! / Вы чувствуете / слово — / пролетариат? — / ему / грандиозное надо. *М925 (149)*; До с. еще мне снится Наше поле, луга и лес, Принакрытые сереньким ситцем Этих северных бедных небес. *Ес924 (II,187)*; ...

Но особенно выразительны статьи на субстантивы с другими типами мотивирующих слов. Здесь обычно используются пометы *субст.*, *тж субст.* (не всегда субстантив можно соотносить с конкретной частью речи, иногда заголовочное слово отличается от стандарта и т. д.). Предваряя примеры, отметим, что в некоторых случаях субстантивированные единицы намеренно выделяются в текстах — даются курсивом, ставятся в кавычки:

ДА [да и «да»; *субст.*] Я завожусь на тридцать лет, Чтоб жить, мучительно дробя Лучи от призрачных планет На «да» и «нет», на «ах!» и «бя», *Анн900-е (134.1)*; Здесь дуюмо медленной рос я И становился иным. Здесь не было «да», Но не будет и «но». *Хл916,22 (105)*; Где «да» и «нет» играло в дурачки, Где тупость спряталась в очки, Чтоб в наших дней задумчивой рогоже Сидели закутанные некто — *Хл922 (363)*; В белую книгу твоих тишизн, В дикую глину твоих «да» —

Тихо склоняю облом лба: Ибо ладонь — жизнь. Цв922 (II,132); Поэта — далеко заводит речь. Планетами, приметами, окольных Притч рытвинами... Между да и нет Он даже размахнувшись с колокольни Крюк выморочит... Ибо путь комет — Поэтов путь. Цв923 (II,184); Зачем не измерить, целуя, длину протянувшего тела, Не вычерпать воду озер, где испуганно «да» рассмеялось? Куз925 (303)

НЕВОЗМОЖНО [субст.] Есть слова — их дыханье, что цвет, Так же нежно и бело-тревожно, Но меж них ни печальнее нет, Ни нежнее тебя, *невозможно*. Анн907 (146.1); Если слово за словом, что цвет, Упадает, белея тревожно, Не печальных меж павшими нет, Но люблю я одно — *невозможно*. *ib.*

ПИШИ-ПИШИ [субст.] Сюда идет «пиши-пиши», Златоволосый и немой. Что надо отроку в тиши Над серебристою молвой? Хл919 (255)

См. также статью **СПАСИБО** из VIII тома Словаря. Здесь практически в каждом контексте есть «идентификаторы» субстантивированности слова, но выделяется в статье склоняемая форма *спасиба* из «Поэмы воздуха» Цветаевой:

СПАСИБО [субст.; род. *спасиба* Цв927] Любил убрать, что говорил, Он [шаман] в равнодушия убранство. И дева нежное «спасибо» Ему таинственно лепечет И глаза синего изгиба Взор шаловливо мечет. Хл912 (230); — А так!.. За народное благо, Трах-тах-тах! Трах! — Спасибо, а какое? С голубиное яйцо Или воробьиное? Вот тебе и загадка! РП Хл921 (317); Собакам, провидцам, пророкам И мне — Морем предложен обед Рыбы уснувшей На скатерти берега. Роскошь какая! Будь человек! Не стыдись! Отдыхай, почивай! Кроме моря, здесь нет никого. Никому не нужно мое с., Море, ты слишком велико, Чтобы ждать, чтобы я целовал тебе ручку. Хл921,22 (354); О, как воздух гудок, Гудок, гудче горя Нового, *спасиба* Царского... Под градом Жести, гудче глыбы — В деле, гудче клада — В песне, в большеротой Памяти народной. [здесь: *прост.*] Цв927 (III,142); Оползающая глыба — Из последних сил с. — Рвущееся — умолчу — Дуба юному плечу. Цв928 (II,327); Дай мне, превысив нивелир, Благодарить тебя до сипу И сверху окуни свой мир, Как в зеркало, в мое с.. П931 (I,399); И дни Авдеевских салонов, Где, лучшие среди живых, Читали Федин и Леонов, Тренев, Асеев, Петровых. // Забудьте наши перегибы, И, чтоб полной заглядить грех, Мое живейшее с. За весь тот год, за нас за всех. [обращ. к В.Д. Авдееву] П942 (II,155)

Приведем также редкий пример субстантивации составного союза, в данном случае — *потому что*. Он дается в статье к опорному слову:

ПОТОМУ [*нареч. и союз* (в сочет.: п., что; п. что); ... *тж субст.* «п. что»] Я уйду, ни о чем не спросив, П. что мой вынул жребий, *Анн900-е (94.1)*; Ты от губ моих кубок возьмешь непочат, П. что туманны огни... *Анн900-е (111.1)*; ... Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было, / все мы четыре любили, но все имели разные «п. что»: / одна любила, п. что так отец с матерью ей велели, / другая любила, п. что богат был ее любовник, / третья любила, п. что он был знаменитый художник, / а я любила, п. что полюбила. ... *РП Куз905 (66.1)*; ...

Очевидно, что в большинстве случаев статьи на субстантивированные единицы включают небольшое число иллюстраций. Однако, как видно по приведенным примерам, некоторые слова подвергаются субстантивации неоднократно и фигурируют в текстах разных поэтов.²

3. Один из видов грамматической информации в СЯРП касается категории числа существительных, а именно употребления поэтами отвлеченных и вещественных существительных в форме *мн. ч.* Поэтическая практика такого рода исследовалась (по авторам, представленным в Словаре, см., в частности, [Гаспаров 1995; Ревзина 1995], см. также [Очерки 1993]), однако словарная систематизация соответствующего материала позволяет заострить внимание на некоторых особенностях явления. Его маркерами выступают в зоне значения Словаря пометы *мн.*, *род. мн.*, *дат. мн.* и т. д. с обязательным указанием шифров конкретных контекстов, позволяющих наглядно увидеть, кому из поэтов принадлежит данная форма:

РАССУДОК [*мн. рассудки Хл921 ...*] ...

РАЗРУХА [*род. мн. разрух П923,28*] ...

РОЗДЫХ [*прост.; род. мн. роздыхов М927*] ...

² Сказанное касается не только слов (обычно частотных), которые в общеязыковых словарях сопровождаются грамматической пометой «в знач. сущ.». Однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

РЖАВЬ [... вин. мн. ржави Цв922 ...] ...

РЖАВЧИНА [дат. мн. ржавчинам Цв922 ...] ...

СКУПОСТЬ [тв. мн. скупостями Цв922] ...

РОПОТ [предл. мн. о ропотах АБ906] ...

Обращает на себя внимание частотность использования поэтами формы *им. мн.*, но в особенности *род. мн.* (причем слово иногда встречается только во второй из названных форм). Кроме приведенных выше, это, например, формы: *невоздержанностей* (Цветаева), *отбытий* (Пастернак), *питьей* (Кузмин, Маяковский), *радуший* (Цветаева), *раздолий* (Пастернак, Есенин), *разлитий* (Анненский), *разноголосиц*, *распрь* (распрей), *ревностей* (Цветаева), *родин* (Ахматова), *самосожжений* (Пастернак), *сверканий* (Анненский, Блок), *своеволий* (Цветаева), *святотатств* (Маяковский), *сгораний*, *сеяний* (Блок), *слав* (Кузмин, Ахматова), *смятений* (Цветаева, Хлебников), *сожалений* (Цветаева) и др.

Основания выбора формы *род. мн.* связывают, в частности, с ритмо-рифмическими условиями стиха, подчеркивая, что форма *род. мн.* часто короче *им. мн.* [Красильникова 2006: 188, 190]. Наш материал показывает, что немало случаев использования формы *род. мн.* носит именно такой характер, хотя, например, далеко не всегда эти формы образуют рифмы (не в рифменной позиции стоят формы: *отбытий*, *распрь*, *сеяний* и др.). Кроме того, отмечаются примеры формы *род. мн.*, равной по количеству слогов *им. мн.* (ср.: *невоздержанности** и *невоздержанностей* у Цветаевой). Так что картина здесь, полагаем, более сложная.

Словарное описание позволяет сравнивать поэтов как по общей склонности к выбору рассматриваемых форм, так и по выбору отдельных форм. Корпус примеров показывает, что именно форма *род. мн.* отвлеченных и вещественных существительных отмечается практически у всех поэтов, представленных в СЯРП, хотя, конечно, в разной степени.

4. Введение в статьи грамматической информации, в том числе непосредственно о грамматическом статусе заголовочной единицы,

требуется часто при описании слов (форм слов) ограниченного употребления — устаревших, областных и т. п. Вот несколько таких примеров:

РАЗГАРЧИВ [*кр. ф. прил.* разгарчивый (*нар.-поэт.* и *обл.*; такой, к-рый легко разгорается, легко покрывается румянцем)] Мой рот р., Даром, что свят — вид. Как золотой ларчик Иверская горит. *Цв916 (I,269.2)*

РАЗМУЧЕН [*кр. ф. прич.* размученный (от *устар.* размучить (измучить, истомить))] Всё р. я тобою, Подколотная змея! Синечерно косою Мила друга оплетая, Ты моя и не моя! *АБ908 (III,173)*

РАЗНОЧИНЕН [*кр. ф. прил.* разночинный; *нов.*] Все разночинно, наспех, как-нибудь... Отцы и деды непонятны. Земли Заложены. И в Бадене — рулетка. *Ахм945 (253.1)*

В некоторых случаях подобные и близкие им единицы требуют серьезных разысканий. Например, у Есенина в «Песне о Евпатии Коловрате» встречается форма *развожен* (*На меду вино развожено*). Возможны разные трактовки этой формы. В «Словаре языка Есенина» [Шипулина 2013б] находим статью такого содержания:

Развоженный — страдательное причастие прошедшего времени от глагола *разводить*: *У Палаги-шинкачерихи / На меду вино развожено* (2; 1912-25, 178)

Вопрос вызвало несоответствие глагола несовершенного вида *разводить* и причастия совершенного вида *развоженный*. Консультации со специалистами по грамматике позволили дать в СЯРП статью с комментарием в предположительной модальности:

РАЗВОЖЕН [*кр. ф. прич.* развоженный (возм., аномальная форма от *разводить* (*несов. к* *развести* — *разбавить*))] У Палаги-шинкачерихи На меду вино развожено, Кумачовые кумашницы Душниками занавешены. *Ес912 (I,306.2)*

К этой группе можно отнести и такую экзотическую единицу, как *непайдевокс* (отмечается у Мандельштама в шутовском стихотворении «И глагольных окончаний колокол...»). Соответствующая словарная статья выглядит в СЯРП так:

ПЕПАЙДЕВКОС [греч.; прич. прош. от глаг. *пайдево* — воспитывать] Забываю тягости и горести, И меня преследует вопрос: Приращенье нужно ли в аористе И какой залог «пепайдевкос»? *Шутл. ОМ912 (340.3)*

5. Отдельную группу единиц, сопровождаемых грамматической информацией, составляют слова общеупотребительные, но выступающие, в том числе, в виде форм устаревших, стилистически окрашенных, видоизмененных авторами. В таких случаях информация может носить распределенный характер — включаться и в зону значения, и в зону комментария к контексту:

ПОКРЫТЬ [... покроеши Цв922] ... «Мою душу острастших», (Своей – не спасших!) // «В крове крылú твоя Покроеши мя...» [здесь: церк.-слав. *ф.*; ср.: «Сохрани мя, Господи, яко зеницу ока, в крове крилу Твоею покроеши мя» (под кровом крыл Твоих Ты покроешь меня) (Пс. 16, 8)] *РП Цит. Цв922 (III,327)*; ...

РАЙСКИЙ [райски Куз903] ... Распевают малы пташки Архангельски гласы, Утешают младу душу Те ли песни райски. [здесь: усеч.] *Куз903 (151)*; ...

СВЕСИТЬСЯ [свесюсь Ес918] Пятками с облаков свесюсь, Прокопыту тучи, как лось; Колесами солнце и месяц Надену на земную ось. [здесь: *прост.*] *Ес918 (II,40)*

В заключение отметим, что поэтический словарь рассмотренного типа представляет язык поэзии в систематизированном виде, облегчающем исследовательскую работу. Вместе с тем он раскрывает новые перспективы в изучении этой формы национального языка, в том числе в грамматическом аспекте.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

1. БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
2. Валавин 2010 — *Валавин В. Н.* Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов. М., 2010.
3. Колесников 1991 — *Колесников Н. П.* Словарь неологизмов Маяковского. Тбилиси, 1991.

4. Митюшин 2006 — *Митюшин Л. Г.* Конкорданс к стихам Осипа Мандельштама (2006) // http://www.rvb.ru/mandelstam/m_o/concordance/index.htm.
5. Осипов 1973 — *Осипов Б. И.* Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина: Словарь-справочник для учителей средней школы и учащихся старших классов. Барнаул, 1973.
6. Перцова 1995 — *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 40. Wien; Moskau, 1995.
7. СМЦ — Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т., 6 кн. / сост. Белякова И. Ю., Оловяникова И. П., Ревзина О. Г. М., 1996–2004.
8. СУ — Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
9. СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII / Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М., 2001–2019–.
10. Шипулина 2013а — *Шипулина Г. И.* Словарь языка Есенина. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. Баку, 2013.
11. Шипулина 2013б — *Шипулина Г. И.* Словарь языка Есенина. Глагол. Баку, 2013.

Научная литература

1. Гаспаров 1995 — *Гаспаров М. Л.* Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. М., 1995. С. 363–395.
2. Григорьев 1965 — *Григорьев В. П.* Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. Образцы словарных статей. М., 1965.
3. Кожевникова 1986 — *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
4. Красильникова 2006 (ред.) — Поэтическая грамматика. Том I / И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. М., 2006.
5. Очерки 1993 — Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. М., 1993.
6. Ревзина 1995 — *Ревзина О. Г.* Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. М., 1995. С. 305–362.
7. Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

L. Shestakova, A. Kuleva. The Composite Author Dictionary as a Source for the Study of Poetic Grammar

Keywords: author lexicography, concordance, poetic grammar, vocabulary, dictionary entry.

The paper focuses on grammatical information in the «Dictionary of 20th century Russian Poetry Language» which is a composite commenting concordance. It is shown that there are different possibilities of studying grammatical resources of the poetic language taking into account the structure of the word list of this Dictionary and the types of grammatical information included in the dictionary entries.

ЦЕЗУРА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: цезура, ритм, ритмический период, колон.

Уточнено описание понятия 'цезура' и его субкатегорий, определены их таксономические связи, разработана типология видов большой цезуры, описаны и систематизированы её маркёры; на этой основе построена модель лексикографического описания цезуры.

Вводные замечания

Лексикографическое описание термина является вторичным по отношению к научному описанию соответствующего понятия, причём адекватность первой процедуры напрямую зависит от обстоятельности второй. Что касается цезуры, то её научное описание и в зарубежной, и в отечественной филологии трудно признать исчерпывающим. Одной из причин представляется недостаточная изученность отдельных сторон категории ритма, ввиду чего не кажется большим преувеличением и, на наш взгляд, остаётся актуальной следующая констатация: «Термин “ритм” в своем применении является в той же мере неопределенным и непостоянным, в какой нерешенной и загадочной представляется данная проблема в целом» [Верли 1957: 133]; причина виделась Б.-О. Г. Унбегауну в том, что существующие исследования «tend to be obscured by detail and do not, on the whole, give a clear idea of the subject» 'нередко затемнены деталями и в целом не дают ясного представления о предмете' [Unbegaun 1956: V]. Категория ритма таксономически

* Москвин Василий Павлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Электронная почта: vasmoskvin@yandex.ru

неоднородна (см. Замечание 1), в этой связи требует рассмотрения вопрос о том, с каким именно типом ритма и с какой именно ритмической конфигурацией связана цезура (см. Замечания 2 и 3). Не кажутся ясными ни критерии определения цезуры (см. Замечание 4), ни, следовательно, её виды, а значит, и состав средств её маркировки; достаточно полный перечень, описание и а fortiori классификация таких средств в специальной литературе отсутствуют. Отметим также, что термин *цезура* неоднозначен (см. Замечание 5), однако этот факт, как показано ниже, далеко не всегда принимается во внимание исследователями.

Прояснению названных нами, а также некоторых иных исходных понятий, связанных с феноменом цезуры, служат сформулированные ниже вводные замечания.

ЗАМЕЧАНИЕ 1. ПОНЯТИЕ РИТМА. В связи с отмеченной выше таксономической неоднородностью категории ритма противопоставим два его типа: колометрический¹ и стопный, в частности изотонический (ср. греч. *ισοτονία* ‘параллелизм ударений’). Механизмы их производства различны: если первый создаётся посредством членения речи на колоны, то второй — посредством членения речи метрическими ударениями, в частности путём повтора определенной акцентной структуры, на стопы; первый сходен со вторым в том, что оба членят речь на меры, и если принять мысль о том, что «конструктивный принцип познается не в максимуме условий, дающих его, а в минимуме» [Тынянов 1924: 17], то таким минимумом для *мерной* речи следует признать членение на соизмеримые отрезки, *меры* (греч. *τὸ μέτρον* ‘ритм’, букв. ‘мера, метр, размер’) вне зави-

¹ Источником колометрического ритма, или колонритма (нем. *Kolonrhythmus*), является членение речи на соизмеримые речевые отрезки (колоны). При внутрисловном стиховом переносе и внутрисловном стиховом членении колометрические границы членения не совпадают с синтаксическими швами, поэтому менее точным представляется альтернативное наименование колонритма — *синтаксический ритм* (англ. *syntactic rhythm*, *syntactical rhythm*). Типовым носителем такого ритма является период, отсюда ещё одно название: *периодический ритм* (англ. *periodic rhythm*).

симости от того, в результате каких действий такие меры возникают и как именно (на колоны или стопы) членят речь. С этой точки зрения ритм любого типа может быть определен, вслед за Р. Вестфалем, как упорядоченное членение определенной ощутимой длительности на краткие отрезки, ср.: «Ist eine unserem Sinne wahrnehmbare Bewegung eine derartige, dass die Zeit, welche von derselben ausgefüllt wird, nach irgend einer bestimmten erkennbaren Ordnung sich in einzelne kleinere Abschnette zerlegt, so nennen wir das Rhythmus» [Westphal 1872: 3]. Это определение в различных его вариантах используют многие исследователи: так, А. Хойслер (1865–1940) понимает ритм как «Gliederung der Zeit in sinnlich faßbare Teile» ‘членение определенной длительности на ощутимые конкретные части’ [Heusler 1956: 17].

С учетом данного факта трудно принять определения ритма исключительно через категорию повтора. Дефиниции этого типа гласят, что ритм есть «регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции» [Торсуева 1990: 416]; «систематическое, мерное повторение в стихе определенных, сходных между собой единиц речи» [Тимофеев 1982: 99], «правильное чередование, повторяемость одинаковых элементов» [Лотман 1972: 55], etc.; с этой же точки зрения логически небезупречными представляются концепции, в соответствии с которыми стихотворная речь основана «на системе повторности» [Квятковский 1966: 283], на «принципе повтора, который охватывает и сопоставляет все элементы стиховой структуры» [Гиршман 1973: 161], а также мнение, согласно которому «в основе любой системы стиха лежат фонетические повторы» [Поливанов 1963: 99; ср. Шапир 2000: 103]. Данный подход восходит к Античности. Так, Гепестсион Александрийский (II в.), указав на то, что следует различать понятия метра и ритма², противопоставлял: 1) стопу, а значит, чередование долгих и кратких слогов (т. е. стопный ритм) как основу

² Ср.: «διαφέρει δὲ μέτρον ῥυθμοῦ» [Ἐκ τῶν Λογῶν 1855: 144].

метра; 2) звуковой повтор как основу ритма, ср.: «Τεκμήριον μέτρον ἀκοή. <...> Μέτρον ἐστὶ ποδῶν ἢ βάσεων σύνταξις, αἰσθήσει τῆι δι' ἀκοῆς παραλαμβανομένη. Εἰ δὲ τὸ κρίνον ἐστὶν ἀκοή, τὸ κοσμοῦν ἐστὶ φωνή. Ὡς γὰρ τὸν ἦχον τῆς εὐρυθμίας ἐκτείνουσα τε καὶ συστέλλουσα φωνὴ σχηματίζει τὰς συλλαβάς <...>. Ὁ δὲ ῥυθμὸς γίνεται μὲν καὶ ἐν συλλαβαῖς, <...> καὶ γὰρ ἐν κρότῳ» «<Явный> признак метра — звучание. <...> Метр есть стоп в речи сочетание, с восприятием этого звучания связанное. От такого звучания отличаются упорядоченные звуки. Именно такие звуки формируют протяженную и уплотненную³ комбинацию отзвуков эвритмии <...>. Ритм рождается и из <таких> комбинаций, <...> и из шума»; так, он слышится «из-под опускаемых молотов (τὰς σφύρας καταφέροντας)», «из-под <копыт> скачущих коней (καὶ ἵπλων δὲ πορεία ῥυθμὸς ἐνομίσθη)», в то время как метр «скован» из долгих и кратких слогов (букв. «времен»), ср.: «[...] μέτρον πεπηγότας ἔχει τοὺς χρόνους, μακρόν τε καὶ βραχὺν <...>» [Ἐκ τῶν Λογγίνου... 1855: 142–143, 144]⁴. Однако без метра («сочетания стоп») и звуковых повторов вполне обходится, к примеру, верлибр, ритм которого появляется лишь за счёт колометрического членения; звуковые же повторы, в частности рифма, могут усиливать, подчёркивать мерность речи, но служить самостоятельным источником мерности не в состоянии.

Замечание 2. Понятие ритмической парадигмы. Поскольку ритм представляет собой результат членения речи на ряд сегментов, как минимум двух, необходимо полагать, что количественный минимум любой ритмовки образуют две единицы, например две стопы

³ Имеется в виду закон тесноты ряда: чем ближе по отношению друг к другу находятся повторяемые компоненты (звуки, морфемы, слова), тем более становится ощутим «фактор близости или тесноты» [Тынянов 1924: 109], а значит, и сам повтор. — В. М.

⁴ Термин *χρόνος* в данном контексте целесообразно перевести как *слог*. Напомним, что в античной метрике, оперирующей понятиями долготы и краткости слога, стопный ритм определялся как *χρόνων τάξις* ‘упорядоченность <долгих и кратких> слогов’, букв. ‘времен’ (долгота слогов измерялась в морах, лат. *mora* ‘промежуток времени’ < *греч. χρόνος* ‘время’).

или же, если говорить о ритме колометрическом, в частности периодическом, два колона.

Между тем Аристотель подразделяет периоды на неодночленные и одночленные — моноколоны (греч. *μονόκωλος* ‘одночленный’): «περίοδος δὲ, ἢ μὲν ἐν κόλοις· ἢ δ’ ἀφελῆς, <...> ἀφελῆ δὲ λέγω τὴν μονόκωλον» ‘Период же бывает либо из колонов <состоящий>, либо простой. <...> Простым я называю моноколон’ [Aristoteles 1833: 180–181]. Однако понятие моноколона как источника ритма вызывает скептическое отношение учёных. Такова, в частности, оценка, принадлежащая Аквиле Романусу (III в. н. э.): «Constat autem ambitus ex duobus membris, ex tribus membris, ex quattuor, interdum et sex, etsi nonnulli ex uno membro ambitum putant posse compleri, quam *μονόκωλον περίοδον* appellant. Ego autem non video, quem ad modum periodos cognominetur et non potius colon, si unum sit» ‘Состоит же период из двух колонов, из трех колонов, из четырех, иногда из шести; между тем многие полагают, что период может состоять и из одного колона; такой период именуют моноколоном. Но я эту единицу не могу назвать периодом, ибо колон, если он один, не в силах период составить’ [Aquila 1863: 28]. Дионисий Галикарнасский полагал, что нечленимый период («περίοδος ἀκόλιστος») неэффективен («οὐκ ἂν ὑπομείνειεν ἐργάσασθαι», букв. ‘не выдерживает работы’) [Dionysius 1808: 340]. Приведем мнение современной исследовательницы: «the single-colon period is a historical curiosity preserved only by its recognition in Aristotle» ‘одночленный период является историческим экспонатом, сохраняемым только благодаря признанию его Аристотелем’ [Innes 1994: 38].

Один моноколон действительно не может создать период как ритмическую единицу; вместе с тем, по нашим наблюдениям, ряд взаимодействующих моноколонов вполне способен стать источником колометрического ритма:

(1) Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!⁵
В. М. Молотов. Выступление по радио, 22 июня 1941 г.

⁵ Эти слова, ставшие крылатыми, составили ритмически организованную концовку указанной речи. Еще Квинтилиан указал на пози-

Возможность следующих графических трансформаций подтверждает тот факт, что ряд моноколонов не только изоморфен периоду, но и воспринимается на слух как период:

(2) а **«Наше дело правое — враг будет разбит, победа будет за нами»**. Очевидно же!

В. Ф. Тендряков. Донна Анна

б Передайте слова из Москвы: **«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»**.

П. Федоров. В августовских лесах

С этой точки зрения моноколон целесообразно рассматривать как функциональный коррелят колона, а не периода. Назовем ряд взаимодействующих колонов и / или моноколон ритмической парадигмой⁶. В обозначенной нами таксономической перспективе ПЕРИОД, т. е. сложное предложение с синтагматическими частями, следует считать видом ритмической парадигмы.

Основу ритмической парадигмы могут составить следующие единицы:

1. Сложносочиненное (см. примеры 2а, 2б, 3а, 3д), сложноподчиненное предложение (3б), осложненное простое предложение и различные их комбинации (3в), а также ряд простых предложений, или, в терминологии Аристотеля, моноколон (примеры 1 и 3г).

(3) а Жаворонки звенят; | воркуют зобастые голуби; | молча реют ласточки; | лошади фыркают и жуют; | собаки не лают и стоят, | смирно повиливая хвостами.

И. С. Тургенев. Деревня

ционные интенции периода: «Periodos apta prooemiis < ... >. Multum et in epilogis pollet» 'Период подходит вступлению < ... >. И эпилог очень укрепляет' [Quintilianus 1854: 145].

⁶ Термин *парадигма* употреблен нами в риторическом (греч. *παράδειγμα* 'пример, образец'), а не общенаучном смысле. Взаимосвязь колонов принадлежит, разумеется, сфере синтагматики, а не парадигматики; известную попытку М. И. Шапира переместить стих в сферу парадигматики трудно признать удачной.

б Престолы природы, | с которых как дым улетают громовые тучи, | кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, | тот жизнь презирает, | хотя в то мгновенье гордился он ею!..
М. Ю. Лермонтов. Синие горы Кавказа, приветствую вас!

в Я никогда не видел моря, | но это не значит, | что его нет; | я никогда не видел Питера, | но это не значит, | что его нет; | я никогда не видел Бога, | но это не значит, | что Его нет; | я никогда не видел цурипопиков, | но это не значит, | что их нет; | я никогда не видел того, | чего нет, | но это не значит, | что его нет...

А. Лопухин. Я никогда не видел моря...

г Жили-были дедушка да б[а:]бушка. | Была у них внучка М[а:]шенька. | Собрались раз подружки в лес по грибы да по [ја:]годы. | Пришли звать с собой и М[а:]шеньку.

Сказка «Маша и медведь» в исполнении Т. И. Пельцер

д Отливают вечерние сумерки сливой,
Реактивного крестика светится нить.

А. Дьячков. Озноб

При метрическом анализе принято оперировать понятием словораздела, однако более корректным представляется понятие синтаксического шва, под которым условимся понимать границу между синтаксемами, т. е. словоформами как элементарными, далее неделимыми семантико-синтаксическими единицами⁷.

Колометрическая граница и, в частности, ритмически релевантный синтаксический шов в составе ритмической парадигмы бывают отмечены средствами двух разрядов: 1) фонетическими:

⁷ Если полагать, что единицей речи является синтаксема, слово же как единица языковой системы представляет собой абстрактную парадигму, отвлечённую от всех его возможных конкретно-речевых форм и контекстуальных смыслов, то окажется, что регулярно используемые в отечественной филологии термины *словораздел* (О. М. Брик) и *меж(ду)словная граница* менее точны, чем термин *синтаксический шов*. Противостояние этих терминов отвечает различию бытовой (отождествляющей слово и словоформу) и научной картин мира. Думается, что существующая уровневая модель языка требует уточнения с учётом указанного нами факта (см.: Москвин 2020: 18–24).

а) терминальной паузой⁸; б) претерминальным удлинением (см. пример 3г); в) рифмой (пример 6а), etc.; 2) графическими, в частности: а) пунктуационно; б) посредством записи текста по отдельным колонам-строчкам (στιχοί). Принцип такой записи был открыт, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, александрийским филологом Аристофаном Византийским (257–180 г. до н. э.): «Κῶλα δέ με δέξαι νυνὶ λέγειν, οὐχ οἷς Ἀριστοφάνης ἢ τῶν ἄλλων τις μετρικῶν διεκόμῃσε τὰς ῥῥάς <...>» ‘Аристофан же сделал ясными стихотворные колоны, метрически отделив их друг от друга, что используется и доныне’ (Dionysius 1808: 312). Запись текста по отдельным колонам-строчкам назовём колометрической. Изобретение такой записи оценивается как значимое событие; причина видится в том, что в отличие от грамматической паузы, вводимой знаками пунктуации, терминальную паузу, вводимую посредством колометрической записи, физически невозможно игнорировать в силу того, что такая запись: а) разделяет колоны дистанцией перемещения взгляда от правого края ритмической парадигмы к левому; б) придаёт каждому колону статус автономии в графическом пространстве текста. Таким образом, терминальная пауза между колонами, фиксируемая посредством колометрической записи, носит облигаторный характер. Принцип принудительной паузной колометрии, поддержанной графически, представляется основополагающим для стихотворной речи.

Фрагменты текста, оформленные колометрической записью, но, в отличие от образцов канонической стихотворной речи, в частности верлибра, лишённые графической отцентровки, регулярно встречаются в современной прозе (см. примеры 4, 8 и 9), ср.:

(4) Когда возвращаешься после долгой дороги, кажется, будто дом твой уменьшился в размерах. Как постаревшая мама. Такому же доброду, ему все равно, каким ты вернулся — стал ты сам больше или умалился в пути.

⁸ Пауза, маркирующая концовку стиха, именуется *межстиховой*, *ритмической*, *терминальной* [англ. *terminal pause*]; последний термин, активно используемый в англо-американской стиховедческой литературе, мы применяем и в значении ‘пауза, маркирующая концовку колона’.

Тапочки у кровати плещутся в чернилах
Чайные розы растут на харкотине
В расклеваный дятлом висок
Капает ртуть Mare Fecunditatis
Тараканы маршируют канкан!
Август вкрадчиво вступает в права.
И когда беды достают дна, ты знаешь:
Август — долгая страна.
Тишина размыкает слова.

Небо на водной подушке морозящего тумана. Прополоскать горло слезами.

Только в XX веке модельеры разгадали секрет бесшовного дизайна небосвода. А секрет августовского неба в царапинах от падающих звезд всегда знали детские коленки.

А. Чанцев. Дерево вспять

Такие фрагменты мы именуем версоидами [лат. *versus* ‘стих’, греч. *εἶδος* ‘вид, образ’]. Иногда как версоид может быть оформлен весь текст, например следующий рассказ:

- (5) Человек идет по рельсам.
Блестят бликами рельсы.
Шпалы, шпалы под ногами.
Рельсы идут в перспективу.
Человек идет в перспективу.
Так, так — отбивают шаги.
Пыль под ногами, пыль.
Насыпи по бокам, по бокам насыпи.
Человек идет по рельсам.
«Где конец рельсам, — думает он, — где конец рельсам?»
Там, где они сходятся, там, где они сходятся.
Дождь идет на рельсы, снег идет на рельсы.
Человек идет по рельсам.

В. Голявкин. Человек идет по рельсам

2. Простое предложение и, реже, словоформа (ср. примеры бж и бз), в последнем случае колометрическая граница носит внутрисловный характер. Инструментами трансформации таких единиц в ритмические парадигмы выступают: а) рифма (ср. примеры ба и бб); б) ритмическая пауза (ср. примеры бв и бг); в) колометрическая запись, вводящая облигаторную терминальную паузу

(ср. примеры бд и бе, бж и бз), etc. Назовем созданные таким способом ритмические парадигмы и составляющие их колоны ИСКУССТВЕННЫМИ.

(6) а. Не тычь **носа** в чужое **просо**.

Пословица

б. Не тычь нос в чужое просо.

в. а что же — сейчас — происходит?

Г. Айги. Снова — улыбка

г. а что же сейчас происходит?

д. Да, Вы есть ровно настолько, насколько Вас нет. Постольку, поскольку Вас нет. Вы есть именно там, где Вас нет. И потому-то отвечаете мне только так, как Ваш ответ может быть дан и услышан.

Неотвечанием.

И в неотвечании

Слышу я:

свято место пусто не бывает.

Ю. Малецкий. Физиология духа

е. И в неотвечании слышу я <...>.

ж. Древность
канула в вечность
Средние века
закруглились
мель-
кает
но-
вое
вре-
мя

В. Куприянов. Древность...

з. мелькает новое время

Известно следующее предписание: «δεῖ δὲ τὴν περίοδον καὶ τῆ διανοία τετελειῶσθαι, καὶ μὴ διακόπτεσθαι ὥσπερ τὰ Σοφοκλέους ἰαμβεῖα» ‘Должно, однако, периоду завершаться вместе с мыслью,

а не рубить <е> подобно Софокловым ямба́м' [Aristoteles 1833: 180]. Указанные Аристотелем периоды, членение которых не соответствует естественному ходу мысли (см. примеры ба, в, д, ж), т. е. являются в значительной мере *искусственными*, терминологического наименования не получили; ритмические парадигмы, в частности периоды, которые «рубят» (ср. греч. *διακόπτεσθαι*, букв. 'разрубать') мысль и фразу в ритмических целях, i. e. *metri gratia*, подобно стиховому членению, целесообразно назвать искусственными. Наоборот, в случаях (За-д) ритмические парадигмы, а значит, и составляющие их единицы (колонны / моноколонны) возникают за счёт *естественного* синтагматического членения речи (отвечающего расстановке грамматических пауз, на письме отмеченных пунктуационно); такие парадигмы и периоды логично именовать *естественными*⁹.

Подчеркнём, что в основу стиха может лечь не только искусственный, но и естественный колон (см. примеры Зд, 24, 37б), с этой точки зрения как *saltus in concludendo* воспринимается следующий тезис: «Вообще же членение речи на стихи происходит независимо от естественного членения речи на синтаксические колонны» [Томашевский 1996: 104].

Наконец, заметим, что языковую основу искусственной ритмической парадигмы могут составить не только простое неосложненное предложение (см. примеры ба и бв), но и сложное или осложненное предложение, где искусственные колометрические границы созданы дополнительно к естественным, ср.:

(7) светится — безвозрастная — душа человечества: очищенная — сердцем дитяти («трудом» — и его! — а вернее: трудом за него — неизвестным) — до света проявленная — незримо-«понятого»: ах-что-и-сказать! — до такого истока: название его — пребывает-он-

⁹ Членение таких парадигм может быть подчеркнуто посредством колометрической записи (см. примеры Зб, Зд), претерминального удлинения (пример Зг), синтаксического параллелизма (пример Зв), рифмы и т. д.; на колометрический ритм может как *decoratio* наслаиваться стопный ритм (примеры Зб, Зд).

только-единственный! — а что же — сейчас — происходит? — смотрю — забываю — смотрю... — забывая смотреть

Г. Айги. Снова — улыбка

В специальной литературе период регулярно отождествляется со сложноподчиненным предложением. Так, группа американских филологов определяет периоды как «long sentences with elaborate accumulations of subordinate clauses» ‘длинные предложения со значительным числом придаточных предложений’. Такое понимание закономерно приводит их к следующему заключению: «The difficulties of pinning down what a period is are reflected in the unhelpful way in which the term is sometimes used in scholarly publications» ‘Сложности, связанные с постижением того, что представляет собой период, получили отражение в том, что данный термин нередко используется в научных работах как избыточный’ [Adams et al. 2005: 8], т. е. как дублет термина *сложноподчиненное предложение*. Это отождествление имеет глубокие корни: так, еще Гермоген Тарсский утверждал, что период «ὄλου ἐπιχειρήματος» ‘полностью <принадлежит> эпихейреме’ [Ἐρμογένους 1834: 1243], т. е. сложному рассуждению, виду силлогизма. Причиной такого отождествления представляется паралогизм редукции, исключивший из сферы внимания исследователей три факта: 1) речевую основу ритмической парадигмы могут составлять простое предложение и даже слово; 2) колон в такой парадигме имеет искусственную природу; 3) части сложноподчиненного предложения, в отличие от частей ритмической парадигмы, в том числе и периода, не обязательно соизмеримы, в то время как части ритмической парадигмы, в том числе периода, соизмеримы облигаторно.

ЗАМЕЧАНИЕ 3. ПОНЯТИЕ ВНУТРЕННЕГО РИТМА. Рассмотрим ритмический механизм приведенных ниже двух текстов, а именно тех их фрагментов, которые имеют характер версоидов, обозначив границы колонов знаком « || » (лат. *hastae*, букв. ‘копья’), членения по грамматическим паузам внутри колонов — знаком « | » (*hasta, virgula recta*):

(8) Это вальс, всего лишь вальс. Все **верно**. Надо взять себя в руки и успокоить **нервы**. Преодолеть вплавь пестрый людской **поток**. Не видеть, как падает **потолок**, которым будут раздавлены дети, мамы и **папы**...

Она останавливается, | осторожно ложится на **пол**. ||

Все к черту. | Мало ли, | кто ее **ждет**. ||

Она отсюда не двинется, | больше никуда не **пойдет**. ||

Она начинает кричать. | Над ней склоняются удивленные **лица**. ||

И этот крик не дает потолка **обвалиться**. ||

В. Лебедева. Вперед, за красным кардиганом!

(9) Осталось Игнотасу до тридцати < лет > три недели, не выдержал он, бросил кузню и, как челнок, засновал по земле литовской.

И Тришкяй прошел, | и Гришкяй, ||

и Детишкяй, | и Ребятишкяй, ||

и Григишки, | и Вилкавишки, ||

и Пильвишкес прошел, | и Шишкес, ||

и Любавас, | и Явас, ||

и Плунге, | и Крянге, ||

и Кедайняй, | и просто Едайняй. ||

А за день до тридцатилетия встретил в селе Пукучай девуцу Ону. Всем взяла Она — собой ладная, с лица ровная, нравом кроткая. Единственная беда: родилась в один год, один день с Игнотасом, а до сей поры замуж не вышла.

А. Сергеев. Кузнец Игнотас

Сопоставим результаты анализа: 1. В обеих ритмических парадигмах есть колоны, членившиеся по грамматическим паузам на ряд сегментов. Назовем такие колоны составными. 2. Если 2-я ритмическая парадигма (см. пример 9) полностью представлена составными колонами, то 1-я (пример 8) — лишь частично. 3. Во 2-й ритмической парадигме членение составных колонов симметрично, в 1-й такая симметричность отсутствует. 4. Во 2-й парадигме появляется внутренний ритм, в 1-й он отсутствует. Выводы: 1. Источником внутреннего ритма является ряд симметричных по своему членению составных колонов. Сегменты, составляющие такие колоны, и симметричны, и соизмеримы по отношению друг к другу, а потому также обретают статус колонов. 2. При отсутствии симметричного членения сегменты составных колонов

не имеют метрической значимости; в этом случае колон представляет собой далее не членимую в колометрическом отношении ритмическую единицу.

ЗАМЕЧАНИЕ 4. КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЗУРЫ. Понятие цезуры связано с вопросом о критериях ритмически релевантной членимости стиха. Определим стих как естественный или искусственный колон¹⁰, в устной форме речи отделенный в составе ритмической парадигмы от соседних колонов облигаторной терминальной паузой, в письменной — посредством колометрической записи, фиксирующей такую паузу. С этой точки зрения стихотворный текст представляет собой фонографический тип ритмической парадигмы, которая, как показано выше, является одной из основных категорий колонритма¹¹.

Критериями ритмически релевантной членимости стиха представляются следующие:

1. **СЕМИОТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ.** Чтобы цезура была воспринята адресатом (т. е. не оставалась аналитическим конструктом, созданным фантазией стиховеда¹²), она должна быть более или менее последовательно отмечена автором и / или исполнителем текста посредством определенного звукового или графического сигнала (см. разделы 3.1.1 и 3.1.2).

2. **ПОЗИЦИОННЫЙ КРИТЕРИЙ.** В данном отношении цезура может быть строгой и подвижной, при этом нормой для нее считается закрепленность за одной позицией, ср.: «Словораздел сам по себе — факт языковой (так в тексте. — В. М.) и ритмически незначимый.

¹⁰ Стих традиционно приравнивается к колону, ср.: «*Nam colon totus versus est*» ‘Ведь колоном является целый стих’ [Isidorus 1766: 85]; колон — к стиху. Так, Иоанн Сикелиот именовал колон «риторическим стихом» (*ῥητορικὸς στίχος*), утверждая: «*Κῶλον δὲ ἐστὶ στίχος*» ‘Колон является стихом’ [Σικελιώτης 1834: 82].

¹¹ Данному определению стихотворного текста соответствуют верлибр и версоид, противопоставленные лишь по наличию / отсутствию графической отцентровки.

¹² См. по этому поводу замечания С. Бассета по поводу цезуры в гекзаметре [Bassett 2003: 147].

Его *ритмическая ценность* (здесь и далее курсив наш. — В. М.) повышается по мере *прикрепления его к определенному месту стиха: чем он менее подвижен, тем ближе он к понятию цезуры*» [Ярхо 2006: 35]. Иными словами, чем менее упорядочены те или иные сигналы в позиционном отношении, тем более сомнительной оказывается их принадлежность к разряду цезурных (см. комментарий к примеру 15). Отсюда типовые дефиниции: «Словораздел, приходящийся во всех стихах стихотворения на одном и том же месте, называется цезурой» [Томашевский 1928: 88]; «Цезура — постоянный словораздел, стоящий на одном и том же месте всех строк текста» [Руднев 1989: 74], etc. Требование строгой симметричности цезурного членения отвечает геометрическому принципу, восходящему к античной поэтике. Согласно данному принципу в гекзаметрических стихах принята расстановка цезурных пауз (« ¶ »), которые реализуются на синтаксической границе¹³, прежде всего после ударного слога 3-й стопы:

- (10) Здесь я по|коюсь, Фи|липп, ¶ живо|писец на|веки бе|смертный, 1
 Дивная| прелесть мо|ей ¶ кисти — у| всех на у|стах. 2
 Душу у|мел я вдо|хнуть ¶ у|скусными| пальцами| в краски, 3
 Набожных| души у|мел — ¶ голосом| Бога сму|тить. 4

А. Блок. Эпитафия Фра Филиппо Липпе

Данное правило восходит к наблюдению, которое было сформулировано в утерянной энциклопедии римского ученого Марка Теренция Варрона (116–27 до н. э.) «Disciplinae» ‘Науки’, а потому известно лишь по следующему пересказу, который находим в трактате римского писателя II в. н. э. Авла Геллия «Аттические ночи»: «Marcus etiam Varro in libris disciplinarum scripsit observasse sese in versu hexametro, quod omnimodo quintus semipes verbum finiret: et quod priores quinque semipedes aequae magnam vim haberent in efficiendo versu atque alii posteriores septem: idque ipsum ratione quadam geometrica fieri disserit» ‘Марк Варрон в книгах наук записал свое

¹³ Cf., e.g.: «The Greek hexameter has a caesura, realized by a syntactical boundary <...>» [Beekes 1972: 9].

наблюдение о гексаметрическом стихе, в коем пятая полустопа¹⁴ непременно <границей> слова кончается, что первые его пять полустоп ту же силу при декламации стиха имеют, как и последующие семь; в этом соотношении заключен геометрический принцип' [Aulus 1835: 425]¹⁵. Такое членение, последовательно применённое во всех стихах, создает строго симметричную цезуру.

Актуален вопрос о пределах позиционного варьирования цезуры. Рассмотрим в этой связи изоколон (греч. *ἰσόκωλον* 'равенство частей') — прием членения речи на равные по слоговому объему отрезки. Этим же термином именуют период, основанный на таком членении: «Etiam ut sint, quod est quartum, membris aequalibus, quod ἰσόκωλον dicitur» 'В-четвертых, есть и такой <период>, в котором колоны равны и который изоколоном называется' [Quintilianus 1854: 123]. Данный тип периода фиксирует и анонимная «Риторика к Гереннию»: «Compar adpellatur, quod habet in se membra orationis, de quibus ante diximus, quae constant ex pari fere numero syllabarum» 'Равночленным именуется <период>, который включает в себе колоны, о коих выше мы говорили, состоящие из равного числа слогов' [Cicero 1828: 302]. Следующие трактовки учитывают возможность силлабического варьирования изоколона: «Ἰσόκωλος est, cum membra sunt paria, vel certè esse videntur» 'Изоколон есть <период>, в котором колоны равны либо кажутся действительно таковыми' [Vossius 1630: 63; cf. Cicero 1828: 303–304]; «Periodus ἰσόκωλος est, quae constat paribus membris, puta talibus, in quibus est par numerus syllabarum, aut non magna dissimilitudo in syllabarum numero» 'Изоколон есть период, который состоит из равных колонов, в частности таких, в которых число слогов одинаково либо не очень сильно различается' [Kirchmann 1661: 45]. Если полагать,

¹⁴ Отсюда название такой цезуры: пятиполовинная (греч. *τομή πενθμιμερής*, лат. *caesura semiquinaria*).

¹⁵ Сходное замечание высказано Аристотелем в трактате «Метафизика» применительно к эпическому гекзаметру («ἀρχαίοις Ὀμηρικοῖς»), ср.: «βαίνεται δ' ἐν μὲν τῷ δεξιῷ ἑννέα συλλαβαῖς, ἐν δὲ τῷ ἀριστερῷ ὀκτώ» 'членится он на правые 9 слогов и на левые 8' [Die Metaphysik 1847: 300].

что цезурное членение представляет собой вид изоколона (понимаемого как приём), то предел позиционного варьирования такого членения (см. пример 18) должен отвечать пределу слогового варьирования изоколона.

Как видим, цезура традиционно понимается как позиционно релевантный феномен, следовательно, и выявление, и рассмотрение цезур должны быть подчинены алгоритму позиционного анализа. Пренебрежение геометрическим принципом приводит: а) к отождествлению цезуры с любым пунктуационно отмеченным синтаксическим швом и сомнительному выводу о том, что «[m]ost lines of verse have at least one caesura» ‘большинство стихотворных строк имеет по меньшей мере одну цезуру’ [Mikics 2008: 47]; б) к мнению, согласно которому «in many poems the position of the caesura varies from line to line» ‘во многих стихотворениях позиция цезуры варьируется от стиха к стиху’ [Quinn 2006: 61].

Цезура как членение стиха и цезура как членение ряда близлежащих стихов (т. е. сквозной синтаксический шов, *vulgo dicitur* «регулярный словораздел») представляют собой не более чем взгляд на один феномен с горизонтальной и вертикальной точек зрения; в этой связи не кажется оправданным следующее терминологическое противопоставление, отвечающее подразделению цезуры на горизонтальный и вертикальный виды: «*Полустишием* мы будем называть такой сегмент стиха, который выделяется из стихотворной строки при помощи цезуры₁, *регулярно* приходящейся на некоторую позицию стиха. Цезура₁, разделяющая определенные таким образом полустишия, будет называться <...> цезурой₂» [Корчагин 2012: 17]. Заметим также, что подобные трактовки отождествляют цезуру, которая, разумеется, не ограничена членением стиха на полустишия, с медианой.

3. Количественный критерий. В этом плане механизм цезуры не получил пояснения. Если полагать, что источником ритма является членение речевой единицы как минимум на две части (см. замечание 2), то источником внутреннего ритма должно являться наличие как минимум двух составных колонов (см. замечание 3); с этой

точки зрения цезура не может ограничиваться одним стихом, хотя некоторые теоретики допускают существование цезуры в одном стихе [King 2002: 52]. Синтаксический шов обретает статус цезуры только в том случае, если он имеет сквозной характер, единичный шов таким статусом не обладает (см. комментарий к примеру 41). Иными словами, в количественном отношении цезура облигаторно должна иметь сквозной характер, т. е. пронизывать некоторый ряд стихов, а именно: а) часть стихов (cf. [Abrams, Harpham 2014: 221]; см. пример 18); б) все стихи (см. пример 40). Типовая трактовка цезуры как словораздела «во всех стихах стихотворения» [Томашевский 1928: 88, ср. Руднев 1989: 74] не фиксирует случай (а).

4. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ: назначение цезуры состоит прежде всего в создании внутреннего ритма (см. Замечание 3)¹⁶. Связь цезуры с ритмической, или музыкальной функцией отражена, в частности, в следующих трактовках: «Caesurae vero rhythmum leviolem solent perficere» ‘Цезуры действительно ритм обычно слегка улучшают’ [Priscianus 1818: 7]; «Caesurae vis ea est, quam rhythmicomusicam voces. est membrorum distinctio, quae auribus placeat» ‘Сила цезуры состоит в том, что она музыкальный ритм создаёт, разделяя колоны, что слуху приятно’ [Preuss 1859: 5]; «Цезура есть смысловая остановка столько же, сколько и музыкальная» [Бицилли 1926: 27].

На основании указанных нами четырёх критериев определим цезуру [лат. *caesura*, греч. *τομή* ‘рассечение’] как симметричное членение ряда стихов посредством звукового или графического сигнала с целью создания внутреннего ритма¹⁷. Более точное терминологическое обозначение такой цезуры — СТИХОВАЯ, ИЛИ БОЛЬШАЯ ЦЕЗУРА.

¹⁶ Цезура может приобретать и вторичные функции, например избирательную (см. пример 23).

¹⁷ Очевидна принадлежность цезуры речи поэтической, творческой (ср. греч. *λόγος πεποιημένος* ‘речь сотворённая, искусственная’), с этой точки зрения неприемлема следующая трактовка цезуры: «The caesura is dictated not by meter but by natural speaking rhythm» ‘Цезура определяется не метром, но ритмом естественной речи’ [Murfin, Ray 2009: 48].

ЗАМЕЧАНИЕ 5. СООТНОШЕНИЕ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ ЦЕЗУРЫ. Большие цезуры (*caesurae majores*) следует отличать от малых (*caesurae minores*). Под малой цезурой понимаются:

1. Рассечение стопы границами словоформ, такая цезура известна также как метрическая, или стопная. Рассмотрим различия между большой и малой (стопной) цезурой.

1.1. Если малая цезура членит стопу, то большая может иметь как внутрестопный, так и межстопный характер, ср.: «Совпадая со словоразделом (но не всегда со стопоразделом), Ц.<езура> выполняет функцию интонационно-фразовой паузы» [Квятковский 1966: 331]. Невнимание к данному параметру разграничения приводит к смешению указанных понятий, ср.: «ЦЕЗУРА (лат. *caesura*), пауза при чтении стиха длинного стихотворного размера <речь явно идет о большой цезуре. — В. М.>. Создается словоразделом *внутри стопы* <курсив наш. — В. М.>» [Ирмшер, Йоне 1993: 630]; cf. [Brogan, Hart 2016: 39–40].

1.2. Большая цезура пронизывает ряд стихов, для малой данное условие незначимо.

Обозначим малые (стопные) цезуры знаком « / » (*virgula suspensiva*):

(11) Суди|, дружок|, не / свы|ше / са|пога!

А. С. Пушкин. Сапожник

Фигура связывания стоп «мостами» из слов, приводящая к несовпадению стопных и словесных границ и тем самым придающая течению ритма плавность, именуется *IUNCTURA PEDUM* (лат. ‘соединение стоп’ < греч. *ζεύγμα* ‘связь’, букв. ‘мост’), ЗЕВГМОЙ, или МОСТОМ:

(12) У / ме|ня / ли| дево|чка
Есть / ро|дная|, золо|тая,
Что / ве|сенний| злато|цвет —
Мила|я / Кле|ида!
Не / о|тдам / е|ё / за| всё
Золо|то / на| свете.

Сафо. Дочери (перев. Вяч. И. Иванова)

Применительно к этому переводу можно сказать словами Дионисия Кассия Лонгина: «32. χρυσέοισιν ἀνθέμοισιν <...> εἰς τὸ ΧΡΥ γένηται ἡ τομὴ <...>, καὶ ἡ τομὴ οὐ λήγει εἰς λέξιν» ‘32. Что ве|сенний| злато|цвет] <...> перед < слогами > ве- возникает цезура <...>’ [Ἐκ τῶν Λογγίνου 1866: 96, сн. 5]¹⁸.

Стопной цезуре противоположна диереза [греч. διαίρεσις ‘разделение’] — фигура разъединения словоформ границами стоп¹⁹. Совпадение стопных границ и синтаксических швов (scansio distincta), а метрических ударений с лексическими ведет к появлению стопобойного ритма, который справедливо считается «удобн[ым] для скандирования стиха» [Циммерлинг 2004: 550], ср.:

- (13) Коси|, коса|, пока| роса.
Роса| долой| — и мы| домой.

А. Т. Твардовский. Дом у дороги

Такое звучание стихов, приближающееся к ритму метронома, оценивается как недочет: «Пределы стоп должны лишь изредка совпадать с началом и концом слов. Постоянное их совпадение уничтожает благозвучие стиха» [Классовский 1863: 11], «лишает его плавности» [Остолопов 1821: 384], ср.: «the metrical breaking-up of a line into feet is independent of the real breaking-up of a sentence into words: they need not coincide one with another» ‘метрическое членение стиха на стопы не зависит от реальности членения предложения на слова: они не нуждаются в совпадении друг с другом’ [Unbegaun 1956: 13].

2. Членение стиха синтаксическим швом на отдельные словоформы и фонетические слова, cf., e.g.: «Quant au terme de caesurae minores appliqué parfois aux pauses accessoires déterminées

¹⁸ Речь идет о стихотворении Саффо «Дочери» (см. пример 12). Применительно к оригиналу Лонгин имеет в виду большую цезуру, ср.: ἔστι μοι κάλα πάρις || χρυσέοισιν ἀνθέμοισιν.

¹⁹ Напомним, что применительно к метрике диереза определяется как «coincidence of word end with the end of a metrical foot» ‘совпадение концовки слова с границей метрической стопы’ [Hornsby et al. 2012: 354].

par les fins de mots [...]» ‘Термин *малая цезура* относится к паузам, возникающим в конце слов’ [Plésent 1910: 438]. Это понимание малой цезуры восходит к учению Присциана Цезарейского (V–VI в.): «*Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris. Versus [...] dividitur in caesuras, per cola quidem in novem, per commata vero in duas [...]*» ‘Стих членится цезурами, чрез колоны на девять, чрез коммы же на две <части>’ [Priscianus 1818: 3]. Далее (с. 9) эти девять «частей речи (partes orationis)» приводятся: «*Arma, virum, que, cano, Troiae, qui, primus, ab, oris*» (если к этому ряду применить современное понятие фонетического слова, то таких слов здесь будет шесть). С этой точки зрения «there are as many caesurae as there are word-endings in the verse» ‘в строке столько же цезур, сколько словесных концовок’ [Bassett 1919: 345]; cf. [Шенгели 1960: 29], etc.; см. также обзор: [Беляев 1875: 13–16]. Малые цезуры данного типа не получили терминологического обозначения, позволяющего с достаточной степенью четкости отделить их от малых стопных цезур. Поскольку анализируемые нами цезуры совпадают с синтаксическими швами, их логично назвать малыми синтаксическими цезурами. Автор может подчеркнуть такие цезуры графически, что вызывает эффект парцелляции:

- (14) а набрасывается на человека —
 обрывает ему пуговицы, хлястик;
 выворачивает рукава и карманы —
 трет / мнет / рвет / режет,
 а потом выбрасывает на вешалку <...>.

Г. Шульпяков. Пальто

- б И снова идешь среди воя собак
 Своей. Привычной. Поступью. Тигра.

И. Сельвинский. Читатель стиха

Понимание цезуры, отождествляющее её с любым синтаксическим швом внутри стиха, отражено в стихотворении В. Ходасевича «Пэон и цезура»:

- (15) Покорствующий всем желаньям
 Таинственной владеет силой:

Цезура говорит молчаньем —
Пэон не прекословит милой...

Но ласк нетерпеливо просит
Подруга — и в сознание власти
Он медленно главу возносит,
Растягивая звенья страсти.

В 1-й строфе наблюдаем градуальное уменьшение слогового объёма слова, расположенного перед первой малой синтаксической цезурой (т. е. синтаксическим швом), во 2-й — увеличение. Н. А. Богомолов в своём учебном пособии в разделе «Цезура в стихах» [Богомолов 1995: 56–57], не разводя значений этого, как оказывается, многозначного термина, приводит данное стихотворение как пример игры с «переменной цезурой», хотя предел позиционного варьирования большой цезуры едва ли может быть столь значителен (см. Замечание 4, пункт 2).

Типология малых цезур данного типа получила детальную разработку на материале гексаметра. Вспомним в этой связи высказывание Варрона (см. Замечание 4, пункт 2), которое иногда превращают в жесткое предписание, ср.: «Varro observed that the fifth half-foot always (*omnimodo*) closed a word» ‘Варрон заметил, что граница 5-й полустопы всегда (*omnimodo*) совпадает с границей слова’ [Sturtevant 1921: 289]. Но слова Варрона необходимо понимать лишь как эстетическую оценку использования малой синтаксической цезуры после 5-й полустопы гексаметрического стиха, т. е. после ударного слога 3-й его стопы²⁰. Такая цезура, последовательно применяемая во всех стихах, создает регулярный синтаксический шов, т. е. большую, причем строго симметричную цезуру (в этом смысле большая цезура производна от малой синтаксической). Здесь возникает два вопроса:

А. Насколько распространена цезура Варрона. В текстах она действительно наблюдается (см. пример 10). Вместе с тем давно

²⁰ Как известно, в античном стихосложении ударный слог составлял две моры, безударный — одну, отсюда понятие полустопы применительно к дактилю (2 + 2).

замечено и доказано, что эстетическая рекомендация Варрона не может претендовать на статус дефиниции или правила [Carey 1830: 309–310]. В этой связи уже в античности было принято более широкое понимание цезуры. Приведем определение, принадлежащее греческому философу и теоретику музыки Аристиду Квинтилиану (I или III в. н. э.): «τομή δέ ἐστὶ μόριον μέτρον τὸ πρῶτον ἐν αὐτῷ λόγον ἀπαρτίζον, ὑπὲρ δύο πόδας εἰς ἀνόμοια μέρη διαροῦν τὸ μέτρον» ‘Цезура есть <составная> часть метра, формируемая первой словесной концовкой после 2-й стопы и на неравные части членящая стих’ [Aristides 1652: 52]. В соответствии с этим дополняющим предписанием цезурная пауза стала возможна уже не только после ударного слога 3-й стопы, но и после 1-го безударного слога 3-й стопы²¹ и после ударного слога 4-й стопы [Aristides 1652: 51]²². Допустимыми считаются также цезуры: а) инициальная (после ударного слога 2-й стопы)²³; б) терминальная — между 4-й и 5-й стопой²⁴. Ввиду такого разброса позиций цезура в гекзаметре чаще бывает подвижной и асимметричной, чем строгой; столь вольный характер цезуры явно не способствует установлению строгой эквиметричности стихов, а значит, и геометрическому принципу.

Б. Насколько правило расположения цезурной паузы в гекзаметре соответствует дефиниции цезуры (см. Замечание 4, пункт 2). Рекомендации, согласно которым цезура может быть расположена не только после ударного слога 3-й стопы, но и после ее безударного слога, после ударного слога и даже между безударными слогами 4-й стопы, после ударного слога 2-й стопы и т. д., причем все эти позиционные типы могут встречаться в смежных стихах одного текста (vide, e.g.: [Greenough, Allen 2006: 412]), вступают

²¹ Такая цезура именуется трохеической (*τομή κατά τρίτον τροχαίον, caesura post tertium trochaeum*). Трохей (здесь) — часть дактилической стопы, заключающая первые два ее слога.

²² Семиполовинная цезура (*τομή ἑφθήμερής, caesura semiseptenaria*).

²³ Трехполовинная цезура (*τομή τριθήμερής, caesura semitrinaria*).

²⁴ Буколическая цезура (*τομή βουκολική, caesura bucolica*), характерная для пасторальной поэзии. Такая цезура не членит стопу, а потому совпадает с диерезой.

в очевидный конфликт с выдвинутым Варроном геометрическим принципом цезурного членения, т. е. эстетически значимой целесообразности строгой его симметричности.

С учетом указанных фактов небезосновательными представляются:

А. Позиция С. Бассетта, полагающего, что понятие цезурной паузы применительно к гекзаметру является одной из «inconsistent dogmas of ancient grammarians» ‘алогичных догм античных грамматистов’, которая «have shackled Homer’s verse» ‘сковала Гомеров стих кандалами’ [Bassett 2003: 145–146]; cf. [Bassett 1919: 347–348].

Б. Ироническая ремарка М. В. Ломоносова [Ломоносов 1952: 15]: «Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыха быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, *кто одним духом тринадцати слогов прочитат не может* (курсив наш. — В. М.)».

Отсутствие малых синтаксических цезур традиционно рассматривается как недостаток стиха, приемлемый лишь в особых стилистических (прежде всего в изобразительных и комических) целях: «Можно для любопытства сконструировать строки, в которых все икты, кроме последнего, будут лишены ударения; такова вторая строка шуточного двустишия» [Якобсон 1985: 251], ср.:

- (16) Указ увяз: у вас зерно
 Неперераспределено.

В старинных руководствах использование словоформ, слоговой объём которых составляет две стопы и более, т. е. «длинных слов», считалось недостатком, «странностью» стиха [Martinius 1645: 179]; строки, содержащие такие слова, именовались «вялоидуцими (tardigradi)» [Lange 1787: 353]. В качестве иллюстрации приводился следующий стих из мнемонической поэмы нач. XVII в., составленной из наиболее частотных латинских слов:

- (17) Conturbabantur Constantinopolitani
 innumerabilibus sollicitudinibus.

‘Обеспокоены константинополитане
обильными треволнениями’.

Видом малой синтаксической цезуры логично считать диерезу, представляющую собой фигуру разделения словоформ границами стоп (см. пример 13).

Отметим, наконец, еще одно, старинное понимание термина *цезура*: «Тамъ, гдѣ конецъ слова, [так в тексте. — В. М.] совпадаетъ съ концемъ стопы, образуется такъ называемая цезура, или сѣченіе. Стихъ естественно долженъ заключаться цезурою, т. е. истощеніемъ стопы въ послѣднемъ словѣ²⁵. На этомъ основаніи ни въ какой Версификаціи не дозволяется въ концѣ стиха разрывать слово и переносить конецъ его въ другой стихъ [см., однако, пример бж. — В. М.]. Въ стихѣ слишкомъ длинномъ цезура, для передышки голоса, допускается еще въ серединѣ» [Н. Н. 1837: 511]. При такой трактовке цезуры возникает следующая иерархия: «Малая цезура (разрѣзь) — между полустишіями, большая — между стихами; еще большая — между строфами» [Сокальскій 1888: 272].

Думается, что при лексикографическом описании цезуры необходимо учитывать все четыре рассмотренных нами значения данного термина: 1) ‘большая цезура’; 2) ‘стопная цезура’; 3) ‘малая синтаксическая цезура’, в частности ‘диереза’; 4) устар. ‘стиховое членение’. Едва ли следует считать оптимальным ограничение дефиниции цезуры лишь одним из данных значений, например понятием стопной цезуры: «ЦЕЗУРА (метрическая пауза) *англ.* caesura, *фр.* césure, *соупе*, *нем.* Zäsur, *исп.* cesura, *лат.* caesura, *греч.* τομή. Особый вид ритмической паузы, совпадающей со словоразделом, проходящим внутри стопы» [Беляев 1966: 604], ср. [Brande, Cox 1875: 343].

В зарубежной и отечественной специальной литературе, включая и цитируемую ниже, находим немалое число работ, посвященных

²⁵ Цезура в этом понимании представляет собой, по определению Г. Германа, окончание метрического ряда, соединенное с концовкой слов, cf.: «Unde caesura distinctus dicitur finis ordinis metrici conjunctus cum fine ordinis in vocabulis» [Hermann 1817: 20]. — В. М.

частным вопросам рассмотрения цезуры: цезуре в шестистопных стихах [Preuss 1859], цезуре в гексаметре [Bassett 1919, Sturtevant 1921], цезуре в двусложных размерах [Бейли 2004б], графическим маркерам цезуры [Howard 1815], цезурной рифме [Bartsch 1867], цезурному ударению [Корчагин 2012], etc. Однако общая полиаспектная классификация цезур отсутствует.

Как известно, любая классификация представляет собой родовую иерархию; построение последней предполагает: а) наличие некоторого перечня однородных понятий; б) указания параметров, связывающих данные понятия определёнными типами таксономических отношений. Для разработки общей типологии больших, главных, или стиховых цезур (далее — БЦ) релевантными представляются три параметра: позиционный, количественный и инструментальный (по приемам маркировки).

1. Позиционные типы БЦ

По расположению в стихе традиционно выделяется три позиционных типа БЦ:

1. Инициальная (англ. *initial caesura*), находящаяся в начальной части стиха:

- (18) в том доме, || где не спит наташа,
в том сердце, || где растёт наташа,
за дверью, || где её так мало,
в ботинке, || где она песчинка,
в кармане, || где её наперстки,
в амбаре, || где наташу ждали,
в пруду, || где вещь нашла наташа,
в плече, || куда её кололи,
в постели, || где она чужая,
в постели, || где её, чужую,
в том утре, || где она кукушка
сама себя в часах искала,
наташи нет на самом деле.
наташи нет. наташи нет.

Е. Гончарова. Наташи нет

видим, к античной поэтике, может быть представлена следующей микроиерархией:

1. Сингулярная, или одинарная БЦ, например, отмеченная цезурной рифмой, делит стих на два полустишия:

- (21) Проводите, *стюард*, || к трону Мэри *Стюарт*!
Выслан *десятью* — *ярд* — || *милями* теперь,
тю! Людовик, *Ричард*, || Генрих, *визави* — *черт*
чертит страшный *вычерт* || *завтрашних* потерь.
Н. Мальцева. Диссонанс на карильоне башенных часов

2. Множественная БЦ²⁶, в частности:

2.1. Бинарная БЦ, членящая стих на третьстишия. Так, по наблюдению Г. А. Шенгели [Шенгели 1923: 137], в следующих стихах «имеются две больших цезуры»:

- (22) Близ медлительного *Нила*, || там, где озеро *Мерида*, ||
в царстве пламенного *Ра*,
Ты давно меня *любила*, || как *Озириса Изиды*, ||
друг, царица и *сестра*!
В. Брюсов. Встреча

2.2. БЦ определяется как «словораздел на определенном месте, расчленяющий стих на два полустишия или (реже) на три части» [Квятковский 1966: 331], однако в пространным стихе вполне возможна и тройная БЦ, членящая стих на четыре части:

- (23) *Волны морей*, || *беспредельно* — || *пустынно* — || *шумящие*,
Бог Океан, || *многогласно* — || *печально* — || *взывающий*.
Пенные ткани, || *бесцельно* — || *воздушно* — || *летающие*,
Брызги с воздушностью, || *призрачно* — || *сказочно* — ||
тающей.
К. Бальмонт. Бог Океан

С точки зрения приведенной иерархии неприемлемы следующие типовые определения, ограничивающие понятие БЦ: а) 1-м количественным ее типом; б) 2-м позиционным: «всякая остановка

²⁶ Ср.: «Цезур может быть несколько в одном стихе» [Классовский 1863: 12].

голоса после конца какого-либо слова в середине стиха называется цезурой» [Шульговский 1914: 224]; «Большая цезура делит строку на части, называемые полустишиями» [Шенгели 1928: 40], «цезура разбивает стих на два полустишия» [Жирмунский 1975: 129], «Части строки, размежеванные цезурой, называются полустишиями» [Шенгели 1960: 31]; cf. [Портер 2003: 114; Корчагин 2012: 17]; «caesura, ae: the medial pause/s in a line» ‘цезура — медиальная пауза в строке’ [Lennard 2006: 188], cf. [Abrams, Harpham 2014: 160] или «a pause in the middle of a line of verse» ‘пауза в середине стиха’ [Wales 2014: 48], etc. Такое ограничение приводит к отождествлению понятий БЦ и медианы: «Большую цезуру правильнее было бы именовать медианой» [Шенгели 1923: 125], cf. [Тарановский 2010: 11]; «Если стих делится Ц.<езурой> на две равные или приблизительно равные половины, то такая Ц.<езура> называется большой (по терминологии Г. Шенгели — медиана)» [Квятковский 1966: 331]; «Цезура (лат. caesura — сечение) — медиана, постоянный словораздел в стихе» [Гаспаров 2001б: 1182]. За этим отождествлением видится следующая закономерность: «Тесных связей довольно много в начале строки, мало в середине и очень много ближе к концу строки. Слабых связей, напротив, очень много в середине строки, довольно мало в начале и ничтожно мало ближе к концу строки. На практике это означает, что строки типа “И пышный цвет, и сладкий плод...” встречаются чаще, чем “Забудет мир меня; но ты...”» [Скулачева, Буякова 2010: 38], т. е. наиболее частотными типами БЦ являются: а) сингулярная БЦ; б) медиана.

3. Инструментальные типы БЦ

Анализ показывает (см. раздел 3.1), что для современного стиховедения актуален вопрос о критериях разграничения монометрических цезурных размеров, связанных с цезурными эффектами (усечением и наращением), и размеров логоэдических, системообразующими признаками которых являются: а) позиционная урегулированность стоп; б) использование инометрических вставок.

Определим инометрическую вставку [Москвин 2018: 34] как стопу, не соответствующую метрическому контексту по слоговому объему. Роль такой вставки играют:

1. 3-сложная стопа на фоне 2-сложных, замедляющая течение речи, например стопа дактиля на фоне хорей:

- (24) Тиши|на при|*ходит* — *ре*|чной и| вечной
иво|вою| *дудочкой*| *напря*|мик:
так в лице *уснувшего* *безупречном*
дивный свет *упрека на* краткий миг
пробегает, *ужасом* *дна* бликуя,
мимо, *по* *цикадным* его чертам, —
и *молочной* *рана* *звонит* рекою,
и *ночным* *путем* — *незаживший* шрам.

Б. Кутенков. Тишина приходит...

1.2. Полная либо усеченная 2-сложная стопа на фоне 3-сложных, ускоряющая течение речи. Так, в гекзаметре для маркировки БЦ регулярно используется вкрапление хорейческой стопы на дактилическом фоне:

- (25) Путь же о|братный те|*бе* о|ттуда о|трезали| Парки,
И даже мать лазурная в дом не вернет уж тебя.
Там обле|гчай ты ви|*ном* и| песней тя|*ж*елое| горе:
Они утеху сладкую в скорби тяжелой дают.
Гораций. Эподы (перев. Н. С. Гинцбурга)

Предел позиционного варьирования такого вкрапления регулируется правилом св. Альдхельма (ок. 639–709): «Spondaeī quin- tam contemnat syllaba partem» ‘Пятой стопы избегают слоги хорей’ [Aldhelm 1984: 355]: в противном случае цезурный хорей сольётся со стихомаркирующим. Усеченная цезурная хорейческая стопа, сталкиваясь в гекзаметре с ударным слогом 1-й постцезурной дактилической стопы, производит спондеическую БЦ:

- (26) Ты же теперь среди знати, подруга, ты в Риме осела,
Это сто|лица, мой| *свет*|, там и ду|рак молодец.
Там записные миньоны пишут стихи записные,
Что на ба|заре у| *нас*| *ценятся*| выше мо|их.

А. Романовский. С латинского

Модификация гексаметра, в которой каждое полустишие заканчивается усечённой стопой хорей, известна как ПЕНТАМЕТР (греч. *πεντάμετρος* ‘пятистопный’)²⁷.

Инометрическая вставка представляет собой стопу, которая должна: а) с тем, чтобы быть заметной, отличаться по слоговому объему от окружающих стоп; б) гармонировать с контекстом по восходящему либо нисходящему характеру метра (исключения из этого правила в русской поэтике редкостны)²⁸. БЦ может быть усилена инометрической вставкой (см. пример 26); таксономическая релевантность данного факта будет показана ниже.

3.1. БЦ и её маркеры

При анализе БЦ необходимо различать два случая:

1. БЦ совпадает с внутренним синтаксическим членением составных колонов естественного происхождения (см. Замечания 2 и 3). Приметами БЦ в этом случае становятся: а) симметричность синтаксической композиции стихов; б) наличие пунктуационных знаков, которые отмечают членение стихов и которые в письменной речи становятся графическими маркерами БЦ (см. раздел 3.1.2). БЦ данного типа принято именовать синтаксическими (англ. *syntactic caesura*):

²⁷ М. И. Шапир [Шапир 1994: 44] указывает на алогизм внутренней формы этого термина, ибо «<...> пентаметры тонико-силлабического дистиха, так же как и гексаметры, имеют по шесть стоп». Однако в античной метрике долгий слог, в нашем случае формирующий усеченную стопу, был равен двум морам и считался половиной дактилической стопы (4 моры), отсюда термин *пентаметр*: 2,5 стопы + 2,5 стопы = 5 стоп.

²⁸ Понятие инометрической вставки, введенное нами [Москвин 2018: 35–36], является близким, однако не вполне тождественным понятию ипостасы, которое использует В. Я. Брюсов. Ипостаса [греч. *ὑπόστασις* ‘подмена’] «состоит в том, что в чистом метре (мы будем говорить только о “чистых” метрах, то есть составленных из одинаковых стоп) каждая стопа может быть заменена другой, состоящей из *того же количества слогов* <здесь и далее курсив наш. — В. М.>: например, *ямбическая* стопа — *пиррихием*, *спондеем* или *хореем*, *амфибрахическая* — любой из трехсложных стоп и т. п.» [Брюсов 2014: 705].

- (27) Как эта улица зовется — || ты на дощечке прочитай,
А для меня ее название — || мой рай, потерянный мой рай.
Е. Шварц. Как эта улица зовется...

Синтаксическая БЦ может быть образована за счёт сквозного позиционно упорядоченного синтаксического переноса (cf. [King 2002: 24]), ср.:

- (28) Мне очень нравится, когда
Тепло и сыро. И когда
Лист прело пахнет. И когда
Даль в сизой дымке. И когда
Так грустно, тихо. И когда
Всё словно медлит. И когда
Везде туман, везде вода.
Е. Кропивницкий. Мне очень нравится, когда...

Дефиниции БЦ бывают привязаны:

а) к синтаксическому членению стиха; в этом случае БЦ трактуется как «обязательная синтаксическая остановка», ср.: «нормально цезура должна совпадать с границей синтагмы или еще более крупной синтаксической единицы» [Щерба 1963: 172], как «the limit of a syntagm» ‘граница синтагмы’ [Dupriez 1991: 88], «a slight rhythmic pause or break in a line of verse, often corresponding with a syntactic break, i.e. the end of a phrase, clause, or sentence» ‘лёгкая ритмическая пауза или членение стихотворной строки, часто соответствующие синтаксическому членению, т. е. концу словосочетания, фразы или части сложноподчиненного предложения’ [Califf 2002: 14], cf. [Baldick 2008: 45], ср. также: «Caesura (cesura). A rhetorical and extrametrical pause or phrasal break pause within the poetic line» ‘Цезура. Риторическая и экстраметрическая пауза или синтаксический стык в стихотворной строке’ [Fussell 1986: 25], «caesura (plural caesurae) — A pause within a line associated with a syntactical juncture such as the boundary between sentences or clauses» ‘Цезура (множ. -ы) — пауза в строке, ассоциируемая с синтаксическим стыком, таким, как граница между фразами или частями сложного предложения’ [Hartman 2015: 278], в связи с чем цезурная пауза характеризуется как грамматическая [Auger 2010: 40];

б) к пунктуации: БЦ — это «разрыв или пауза в стихотворной строке, обусловленные естественным ритмом языка и усиленные пунктуацией» [Cuddon 2013: 98; cf. Auger 2010: 40; Brogan, Hart 2016: 39; King 2002: 24; Wales 2014: 48], etc.).

За грамматико-пунктуационным подходом в определении БЦ стоит глубокая традиция. Так, британский филолог Альфрик Грамматист (ок. 955–1010), формулируя в приписываемом ему трактате правила пунктуации, пишет (здесь — вслед за Исидором Севильским):

«Positura est figura ad distinguendos sensus per cola et commata et periodos; que dum ordine suo apponitur, sensum nobis lectionis ostendit. Prima positura media distinctio dicitur, quia mediam litteram puncto notamus. Eadem est et cola. Secunda subdistinctio ob eo quod punctum subter accipit, que et comma dicitur. Ultima distinctio, quae totam sententiam distinguendo claudit, punctum ad caput litterae habens, ipsa est et periodos, cuius, ut diximus, partes sunt cola et com[m]ata. Hoc quidem apud oratores. Nam apud poetas unaqueque pars orationes cola dicitur. Commata uero caesurae sunt. <...> Totus autem uersus periodos est» 'Расстановка < знаков препинания > является приемом различения смыслов чрез колонны, коммы и периоды, которые, приняв свой порядок расположения, при чтении смысл нам указывают. Первый знак именуется средней дистинкцией, ее отмечаем приподнятой к середине буквы точкой. Она же есть и колон. Вторая — субдистинкция — нижней точкой обозначается и называется также коммою. Последняя дистинкция, которая целое предложение отделяет и заключает, отмечается приподнятой к верхней части буквы точкою, она же есть и период, частями которого, так скажем, являются колонны и коммы. Так принято у ораторов. У поэтов же отдельные части высказывания зовутся колоннами, коммы [т. е. нижние точки (.). — В. М.] воистину цезурами являются. < ...> Целый же стих период <в нашей терминологии: составной колон, см. Замечание 3. — В. М.> составляет' [Excerptiones... 2002: 318]²⁹.

²⁹ Альфрик описывает здесь систему ОРАТОРСКОЙ ПУНКТУАЦИИ, введенную Аристофаном Византийским и принятую в Византии со II в. до н. э.: *ὑποστιγμή* 'нижняя точка' (.) — знак, маркирующий комму; *στυγμή*

Подобные трактовки, отождествляя БЦ с одним из целого ряда средств ее выражения, жестко привязывают ее к границам естественных колонов (см. Замечание 2).

2. БЦ отмечена разделительным сигналом, который может: а) совпасть с границей естественных колонов, уже отмеченных пунктуационным знаком; в подобных случаях следует говорить об усилении синтаксической БЦ; б) не совпасть с такой границей, в этом случае данный сигнал производит искусственные колоны. Подразделим такие сигналы (маркеры) на звуковые и графические.

3.1.1. Звуковые маркеры колометрической БЦ

К числу звуковых сигналов указанного типа должны быть отнесены:

1. Цезурная рифма. В позиционном отношении такая рифма является внутренней [нем. *innere Reim*], в количественном — сквозной. Определим цезурную рифму [англ. *caesural rhyme*] как сквозную внутреннюю рифму, симметрично связывающую внутреннюю точку стихотворного текста с другой внутренней точкой либо его правым краем. По направлению, соединяющему данные точки, подразделим цезурные рифмы на три типа: 1) связывающие фрагменты одного стиха; назовём такие рифмы горизонтальными (см. пример 29); 2) связывающие фрагменты разных стихов: а) вертикальные (пример 30); б) диагональные (примеры 31, 32). Тип (2) связывает строки смежные, реже — разделенные одним стихом, при этом чем ближе рифмы, тем сильнее ощущается их связь, «теснота ряда». В типологии внутренних рифм, разработанной

μέση ‘срединная точка’ (·) — знак, маркирующий колон; *στιγμή τελεία* ‘верхняя точка’ (˘) — знак, маркирующий период. В грамматике Дионисия Фракийского (170–90 до н. э.) читаем: «*στιγμαί εἰσι τρεῖς, τελεία, μέση, ὑλοστιγμή. καὶ ἡ μὲν τελεία στιγμή ἐστὶ διανοίας ἀληρτισμένης σημεῖον, μέση δὲ σημεῖον πνεύματος ἕνεκεν παραλαμβάνομενον, ὑλοστιγμή δὲ διανοίας μηδέπω ἀληρτισμένης ἀλλ’ ἔτι ἐνδεούσης σημεῖον*» ‘Существует три <вида> точек: верхняя, срединная и нижняя. Верхняя точка есть знак завершённой мысли, срединная — знак для дыхательной паузы, нижняя же мысли незавершённой краткую часть означает’ [Διονύσιος 1816: 630].

К. Бартшем [Bartsch 1867: 129–130 ff.], условию симметричности, предъявляемому цезурой (см. Замечание 4, пункт 2), отвечают следующие два вида внутренних рифм, связывающих внутреннюю точку, в частности середину стиха:

а) с концовкой этого же стиха («Mittelreim», по К. Бартшу):

- (29) Красное тѣло зрѣти весело.
 егда растрлится, мерзко явится.
 Тое кто любит, душу си губит,
 ибо то будит, да всяк с ним блудит.
 Не любии тѣла, и будет цѣла
 душа конечно, поживет вѣчно.
 При жизни хлѣбѣ со Христом в небѣ.
 Душы любите, тѣло мертвите.
 Да его страсти вас во напасти
 никогда вводят, но да отходят.
 Ничто вредивше, цѣлы лишивше.

С. Полоцкий. Тело красное [Polockij 2000: 259]

б) с внутренней частью следующего стиха («Inreim», по К. Бартшу):

- (30) Какого же всё-таки цвета мундиры Измайловского полка?
 Что, Яуза, прячешь глухие квартиры, нелепая ты река?
 Ю. Ряшенцев. По Яузе

Пример комбинации случаев (а) и (б), приводящий к образованию диагональной рифмы (*ярд* и *Стюарт*, *вычерт* и *визави* — *черт*):

- (31) Проводите, стюарт, к трону Мэри Стюарт!
 Выслан десятью — **ярд** — милями теперь,
 тю! Людовик, **Ричард**, Генрих, визави — **черт**
 чертит страшный **вычерт** завтрашних потерь.
 Н. Мальцева. Диссонанс на карильоне башенных часов

Пример ряда диагональных рифм, образующих хиастические структуры:

- (32) Как прозрачный *кристалл*, как сверкающий **луч**,
 Переменчивый **ключ** меж камней *трепетал*,
 На граните *блистал*, и красив, и **певуч**,
 Жаждой жизни **могуч**, он от счастья *рыдал* <...>
 К. Бальмонт. Зарождение ручья

По мнению В. М. Жирмунского [Жирмунский 1923: 50], цезурная рифма «является особенно отчетливым признаком обособления полустиший. Поэтому, при прочих благоприятных условиях, в длинных стихах с цезурной рифмой мы невольно усматриваем два стиха». Такая рифма «ломает» стих на части (не обязательно на две, см. раздел 2), отсюда ее французское название — *rime brisée*, букв. ‘ломаная’, т. е. создающая ломаный стих.

2. Ударная (2.1) или безударная (2.2) усеченная стопа, усиливающая синтаксическую БЦ. Такая стопа в различных метрических типах контекста ведет себя неодинаково:

2.1. В стихах с нисходящими метрами, каковыми являются дактиль (см. пример 33) и хорей (пример 35), последняя, усеченная стопа левого полустишия на фоне полных стоп создает ощущение липометрии; этот же эффект возникает при использовании усеченной на один слог предцезурной стопы амфибрахия³⁰. При метрическом анализе стихов с нисходящими метрами возникает сложная проблема: хореическая стопа на дактилическом фоне («Скиптры да|вая|, звать|ся ра|бом») может быть воспринята как усеченная дактилическая (ср. примеры 33 и 34), усеченная же на один слог хореическая стопа на хореическом фоне — как последний слог дактилической стопы: «И зо|ви ко| мнè || жени|ха-то| старова» или (с приглушением): «И зо|ви ко мнè || жени|ха-то| старова»? (ср. примеры 35 и 36), поэтому при анализе усеченной стопы (как маркера синтаксической БЦ в стихах с нисходящими метрами) необходимо найти способы ее отграничения от инометрической вставки, т. е. выявить критерии разграничения цезурных размеров и размеров логоэдических.

Рассмотрим в этой связи метрический статус двусложной стопы в дактилическом контексте. На наш взгляд, ее необходимо трактовать, в зависимости от позиции:

³⁰ Ср.:

(iii) Медвяна|я тишь от| луны || округлой| и желто|огромной
В сосновом| лесу ра|злилась, || дремотный| безмолвству|ет бор.

К. Бальмонт. Медвяная тишь

а) как усеченную стопу дактиля (см. пример 33) — в позиции перед строгой синтаксической БЦ (по аналогии с усеченной стопой в конце стиха):

- (33) В этих ра|скидистых| *кленах* || есть водо|пад|вдохно|венья.
Солнце вза|имного| *чувства*, || звезды и|стома|ночной...
И. Северянин. В кленах раскидистых

б) как полную стопу хоря (см. пример 34) — в случае отсутствия строгой БЦ (по аналогии с полной хорейческой цезурной стопой в гекзаметре, см. раздел 3):

- (34) Быть везде| *первым*| в мужестве| *строгом*,
Шутками| *зависть*|, злобу шты|*ком*,
Рок низла|гать *мо*|литвой и| *богом*,
Скиптры да|*вая*|, зваться ра|*бом*,
Доблестей| *быв стра*|далец е|*диных*,
Жить для ца|рей, *се*|бя изну|*рять*?

Г. Р. Державин. Снигирь

Н. А. Богомоллов [Богомоллов 1995: 60, ср. Шенгели 1960: 31] утверждает, что размер этого стихотворения представляет собой «<...> четырехстопный дактиль с цезурой после пятого слога <...>». Данное мнение трудно принять. Дело в том, что синтаксическая БЦ после 5-го слога (он выделен курсивом) рассекает ряд слов, а потому невозможна³¹. Если в данном тексте есть цезура, то: а) вариативная; б) синтаксическая; в) поддержанная инометрической вставкой.

Рассмотрим метрический статус предцезурных слогов в хорейском контексте. Здесь усеченная предцезурная стопа, сталкиваясь с ударным слогом 1-й постцезурной стопы, производит спондеическую БЦ:

³¹ Позже исследователь пришёл к выводу, что в этом стихотворении имеет место «<...> четырехстопный дактиль с цезурой после седьмого слога <...>» [Богомоллов 2017: 36], что по указанной нами причине также выглядит сомнительно. В этой связи логичнее было бы в данном тексте видеть «асимметрический сдвиг цезуры» [Гаспаров 2000: 73], при более вольном понимании последней (см. Замечание 4).

(35) ЛЮБАША. < ... >

Снаря|жай ско|рей, || мату|шка ро|димая,
Под ве|нец сво|ё || дитя|тко лю|бимое.
Я гне|вить те|бя || нынче| заре|калася,
От се|речно|го || друга| отка|залася.
Распле|тай же| мне || косы|нку ше|лковую,
Поло|жи ме|ня || на кро|вать те|совую.

Пеле|ну на|брось || мне на| груди| белые
И скре|сти под| ней || руки| поме|ртвелые.
В голо|вах за|жги || свечи| воску| ярова
И зо|ви ко| мне || жени|ха-то| старова.
Пусть ста|рик во|йдёт, || смотрит| да ди|вуется,
На кра|су мо|ю || деви|чью лю|буется.

Л. Мей. Царская невеста

В песне Любаши 11 из 12 предцезурных слогов лексически ударны (*скорей, своё, тебя* и др.), в исполнении Т. И. Синявской данного фрагмента из одноименной оперы Н. А. Римского-Корсакова эти слоги не приглушаются, и спондей звучит явно и четко. Если же предцезурные слоги лексически безударны, есть основание говорить о дактилической, т. е. инометрической по отношению к контексту вставке:

(36) У о|кна о|дна си|дела я, || голо|ву по|нуря
С неба| тяжким| зноем| *парило*. || Прибли|жалась| буря
В красной| дымке| солнце| *плавало* || огне|нной лу|ною
Он — не|жданный|, он — не|гаданный ||

тихо| встал за| мною.

М. Лохвицкая. В час полуденный

2.2. В стихах с восходящими метрами последняя, усеченная, а потому безударная стопа левого полустишия встречается с предударной частью 1-й стопы правого полустишия — стопы ямба (пример 37а), анапеста (37в и 38) или же усеченного на 2 слога амфибрахия (37б), в результате течение речи замедляется и возникает так называемый «качельный» размер» [Харджиев 2006: 269]:

(37) а. Как э|та у|лица| зове|тся — || ты на| доще|чке про|читай,
А для| меня| ее| назва|нье — || мой рай|, поте|рянный|

мой рай.

Е. Шварц. Как эта улица зовется...

- б. Красивы|е деву|шки || еврейско|го племе|ни,
Я вас на|блюдал с та|йной дро|жью| в мечтах;
Как черны|е воло|сы || упру|ги| на теме|ни,
Как странен| огонь в ва|ших черных| зрачках!
В. Я. Брюсов. Еврейским девушкам
- в. Я мечто|ю ловил | уходя|щие те|ни,
Уходя|щие те|ни || погаса|вшего дня,
Я на ба|шню всходил, | и дрожа|ли ступе|ни,
И дрожа|ли ступе|ни || под ногой| у меня.
К. Д. Бальмонт. Я мечтою ловил уходящие тени...

Цезурное наращение состоит в «<...> прибавлени[и] перед цезурой безударного слога, *реже двух* <курсив наш. — В. М.> <...>» [Холшевников 1987: 64]. Наращение на 2 слога, ведущее к скоплению 4-х безударных слогов вокруг синтаксической БЦ, действительно встречается редко:

- (38) В парке пла|кала де|вочка: || «Посмотри|—ка ты, па|почка,
У хоро|шенькой ла|сточки || перело|млена ла|почка,
— Я возьму| птицу бе|дную || и в плато|чек уку|таю...»
И отец| призаду|мался, || потрясе|нный мину|тою,
И простил| все грядущие || и капри|зы и ша|лости
Милой ма|ленькой до|чери, || зарыда|вшей от жа|лости.
И. Северянин. В парке плакала девочка

В восходящих метрах усеченные предцезурные стопы являются экстраметрическими, поэтому вызывают ощущение гиперметрии.

Проанализированные два приема известны в научной литературе как цезурное усечение [прием (2.1)] и цезурное наращение [прием (2.2)], хотя иногда эти процедуры называют предцезурными³², ср.: «Цезурные разновидности размеров становились особенно ощутимы, когда цезура сопровождалась слоговым наращением или усечением *предцезурного окончания* < левого полустишия > <курсив наш. — В. М.>» [Гаспаров 2000: 217].

³² Наращение действительно располагается, как правило, перед цезурой. Ср., однако:

(iv) В Варшаве|, и в Вильне, || и| в задумчи|вом Тальсе|не <...>
В. Я. Брюсов. Еврейским девушкам

Согласно известному правилу, при определении стихового размера ударная усечённая стопа в концовке стиха в расчёт принимается, безударная — нет: «The general principle may be thus laid down, that one or two unaccented syllables preceding the initial accent or following the final accent of the line are non-essential to the rhyme, and may be added or omitted without necessarily changing the metre» ‘Таким образом, может быть сформулирован общий принцип, согласно которому один или два безударных слога, предшествующие инициальному ударению или следующие за последним ударением стиха <т. е. за константой. — В. М.>, незначимы для ритма, и могут быть добавлены либо пропущены без изменений метра’ [Mayor 1901: 91]. Если полагать, что: а) предцезурная каталектика изоморфна концовке стиха³³; б) концовка стиха имеет не слоговую, а стопную природу³⁴, то на предцезурную каталектику должны распространяться: а) стопный статус; б) указанное нами правило. Следовательно: а) предцезурные окончания имеют не слоговую³⁵, а стопную природу³⁶; б) в восходящих метрах предцезурные усечённые стопы не должны учитываться при счете стоп, в нисходящих — должны, поскольку первые безударны, вторые —

³³ Ср.: «Цезура как граница полустиший *может приобретать черты сходства со стихоразделом как границей стихов* <курсив наш. — В. М.>: предцезурное сильное место становится обязательно-ударным, а окончание первого полустишия между ним и цезурой может быть короче (цезурное усечение) или длиннее (цезурное наращение), чем при ровной последовательности стоп» [Гаспаров 1974: 15]; cf. [Жирмунский 1975: 136]; [Жирмунский 1925: 154].

³⁴ Ср., например: «Каталектика — учение об окончаниях. Если последняя стопа дана в полном виде, то стих называется неусечённым, акаталектическим; если последняя стопа лишена одного или более слогов, стих называется усечённым, каталектическим <...>» [Шенгели 1923: 137].

³⁵ Пример такого подхода: «Сильная цезура может быть обозначена <...> особым цезурным окончанием, т. е. явлением “каталектики” — добавочного или усечённого *слогового элемента* <курсив наш. — В. М.> в цезуре <...>» [Жирмунский 1923: 50].

³⁶ Пример такого подхода: «Являясь обычно сильной интонационной паузой, Ц<езура> отчасти сближается со стихоразделом: *предцезурная стопа* <курсив наш. — В. М.> может (подобно клаузуле) принимать усечения и наращения <...>» [Гаспаров 2001б: 1182].

ударны. Предцезурная стопа амфибрахия при усечении на 2 слога безударна, т. е. не должна учитываться при счете стоп и определении размера, при усечении на 1 слог — ударна, а потому должна учитываться. В сферу действия сформулированного нами предписания попадают только *усеченные* стопы. Любая *неусеченная* внутрискриптовая стопа при определении размера облигаторно должна учитываться, в противном случае исследователю придется столкнуться с серьезными затруднениями при метрическом анализе (см. примеры 43 и 45–48, а также комментарии к ним).

Из фактов, представленных выше, вытекает, что наращение числа безударных слогов происходит только в восходящих метрах — за счет присоединения усеченной (а значит, безударной части) предцезурной стопы ямба, амфибрахия (1 слог) или анапеста (1 или 2 слога)³⁷ к безударной части постцезурной стопы ямба, амфибрахия или анапеста (общая формула наращения: «1 / 2 + 1 / 2»), в нисходящих же метрах возможно лишь уменьшение числа безударных слогов в предцезурной стопе за счет ее усечения (см. табл. 1).

Тот факт, что цезурное наращение в хореическом тексте технически невозможно, не всегда принимается во внимание при метрическом анализе стихов с хореической основой:

- (39) После| первой| встречи|, первых| жадных| взоров
 Прежде| неви|давшихся|, незна|комых| глаз,
 После| испы|тую|щих, лука|вых| разго|воров,
 Больше| мы не| виде|лись. То| было| только| раз.

Но в душе, за|хваче|нной бе|змерно|стью и|сканий,
 Все же| зата|ил|ся ла|скаю|щий на|мек,
 Словно| там спле|тае|тся| зыбь бла|гоу|ханий,
 Словно| распу|скае|тся| вкрадчи|вы| цвет|ок...

Мне е|ще не|внятно|, непо|нятно| это.
 Я е|ще не| знаю. По|верить| я бо|юсь.

³⁷ Данный факт лишает основания вторую часть следующего утверждения: «Дактиль может быть усечен на два или на один слог; амфибрахий и хорей — только на один; *ямб же и анапест, оканчивающиеся ударяемым слогом, вовсе не могут быть усеченными* <курсив наш. — В. М.>» [Шенгели 1926: 10; Шенгели 1960: 24].

Таблица 1

Зависимость характера цезурного эффекта от метрического контекста

Метрический контекст	Тип метрического контекста		Тонический тип усеченной предцезурной стопы		Релевантность для определения размера	Характер цезурного эффекта		Число гиперметрических безударных слогов в предцезурной стопе	Число липометрических безударных слогов в предцезурной стопе
	Восходящий метр	Нисходящий метр	Ударная стопа	Безударная стопа		Нарастание числа безударных слогов за счет усечения предцезурной стопы	Уменьшение числа безударных слогов за счет усечения предцезурной стопы		
Дактиль	-	+	+	-	+	-	+	-	1 / 2
Хорей	-	+	+	-	+	-	+	-	1
Ямб	+	-	-	+	-	+	-	1	-
Амфибрахий	+	-	-	+	-	+	-	1	-
Анапест	+	-	-	+	-	+	-	1 / 2	-

Что-то| будет| в будущем|? Робки|е при|веты?
Тихо|е ль то|мельне|? Ласко|вый со|юз?

Или| уни|женья|? Нова|я тре|вожность?

Или| же не| будет, не| будет| ниче|го?

Каже|тся, что| *есть во мне*|, есть в ду|ше во|зможность,

Тайна|я во|зможность, не| знаю| лишь — че|го.

В. Гофман. После первой встречи

Думается, что в этом тексте имеет место не «цезурное наращение» [Гаспаров 2001а: 84], а маркировка некоторых БЦ инометрической вставкой, в данном случае — дактилической стопой на хореическом фоне (отмечена курсивом)³⁸, поэтому 3-й слог дактилической стопы (например, частицу *-ся*) рассматривать как «цезурное наращение», т. е. как «лишни[й] слог, не учитываемы[й] при счете стоп» [Гаспаров 1993: 81; Гаспаров 2001а: 85], здесь нельзя. Как кажется, прав Ю. И. Левин [Левин 1998: 117], трактуя эту ритмическую модель как цезурованный хорей «<...> с дактилической надставкой <курсив наш. — В. М.> в цезуре (ХЗдакт.+3: “Скучные-нескучные, как халва, холмы” <О. Э. Мандельштам. Там, где купальни, бумагопрядильни... >»». Такая же вставка (т. е. дактилическая стопа на хореическом фоне), а не наращение, применяется и в следующих стихах, которые, по мнению Дж. Бейли [Бейли 2004а: 163], «<...> имеют цезуру с дактилическим наращением, в которой предцезурное полустишие всюду удлиняется на один слог <...>»:

- (40) Много| сокро|венного, || для на|уки| темного,
Зрени|ем ху|дожника || ясно| прозре|вается;
Всюду|, всюду| *дома он*, || не сде|ржать не|скромного;
Им пол|ней, чем| *знаем*, || правда| ощу|щается.

К. Случевский. Много сокровенного, для науки темного...

³⁸ Анализ показывает, что здесь цезуромаркирующей функции подчинён ряд средств. В этой связи обратим внимание: а) на наличие пунктуационно отмеченного синтаксического шва после 6/7-го слога во всех строфах, исключая 2-ю; б) на тот факт, что четвёртая стопа представлена (во 2-й, 3-й и 4-й строках 1-й строфы, а также в 1-й строке 2-й, 3-й и 4-й строф) пиррихием (см. пункт 3.2 настоящего раздела).

По этой же причине, т. е. ввиду технической невозможности наращений в хореическом стихе, спорным представляется и мнение, в соответствии с которым в стихотворении М. Лохвицкой «В час полуденный» (см. пример 36) перед цезурой «<...> наращивается дополнительный слог <...>» [Александрова 2004: 225]. С. Гардзонио [Гардзонио 2000: 654] утверждает: «Мандельштам допускает ритмическую вольность и применяет четырехстопный хорей с цезурным наращением: “Чернобровая, будь скромней!”», ср.:

- (41) Веер| карт ра|зличной| масти —
 Вере|ница| разных| лиц.
 Нет спа|сенья| от на|пасти:
 Слишком| много| в клетке| птиц.
 Черно|бровая|, будь скро|мней!
 Кана|телла|, будь сми|рней!

О. Э. Мандельштам. Канателла

Однако: а) цезура должна иметь сквозной характер (см. Замечание 4); б) в хореическом стихе возможно не цезурное наращение, а только цезурное усечение, производящее спондей. Здесь же имеет место варьирование ритма за счет инометрической вставки — дактилической стопы на хореическом фоне. Проанализируем следующие хореические стихи:

- (42) Здесь ко|гда-то| ты жи|ла, || старше|клас|сни|цей бы|ла, 1
 А сра|вните|льно не|давно| свое|вольно| уме|рла. 2
 Как, на|верно|е, до|лжна || скверно| тика|ть ти|ши|на, 3
 Если| женщи|не-кра|савице | жиз[?]нь| стала| не ми|ла. 4

С. Гандлевский. На смерть И. Б.

А. Э. Скворцов [Скворцов 2013: 165] видит здесь «нечетные строки по 14 слогов, четные — по 15 (цезурное наращение)». Мы же видим в нечетных слогах цезурное усечение, поддержанное цезурной рифмой, во 2-м стихе — чистый хорей, в 4-м — дактилическую вставку и 16 слогов за счет паремптосиса³⁹. В этой же связи рассмотрим ямбические стихи. М. Л. Гаспаров [Гаспаров 2001а: 97]

³⁹ ПАРЕМПТОСИС [греч. *παρέμπτωσις* ‘втекание’] — вставка гласного в середину слова, вид эпентезы, известный как приём метрической вольности [Москвин 2017: 261].

полагает, что стих в следующем тексте «<...> можно считать чередованием 3- и 2-ст. ямбов с дактилическими окончаниями, записанными в одну строку, или 5-ст. ямбом с двусложным наращением после <или до? — В. М.> цезуры»:

- (43) Как на| бульва|рах ве|село || среди сне|га бе|лого,
Как то|нка в не|бе кру|жево || заи|ндеве|лое!
В сугро|бах пе|рвых у|лица, || светло|зати|хшая,
И це|рковь с ко|локо|ленкой, || в снегу| пони|кшая.

Н. Крандиевская. В Москве

Однако наращение располагается обычно до цезуры и в ямбическом стихе является не более чем 1-сложным, наращение же на 2 слога технически невозможно. Думается, что здесь имеет место не цезурное наращение, а описанный ниже прием маркировки цезуры тонически контрастной стопой, в данном случае стопой пиррихия, выделяющейся на фоне полноударных стоп. Указанные типовые неточности в метрическом анализе являются следствием: 1) недостаточной полноты научного описания феноменов цезурного наращения и усечения; 2) отсутствия методики их отграничения от смежных тактик.

3. Тонически контрастная стопа, усиливающая синтаксическую цезуру. Тесис такой стопы облигаторно предшествует цезуре, арсис же может находиться за ней (см. пример 46). Такая стопа выступает, по нашим наблюдениям, в двух вариантах:

3.1. Полноударная стопа, преимущественно на фоне пиррихий:

- (44) Мы с то|вари|щем ма|йором || за пол|-литром| само|гона
Прони|кае|мся друг| к другу || заду|шевной| тепло|той,
И, хо|тя у| нас ма|ленько || отли|чаю|тся по|гоны,
Не мо|гу вам| не за|метить — || чело|век он| золо|той.

И. Иргеньев. Мы с товарищем майором...

С тем, чтобы быть эффективным, данный прием предполагает жесткий запрет на использование пиррихия в цезуромаркирующей позиции⁴⁰.

⁴⁰ Этот запрет (впрочем, без объяснений) фиксирует Г. А. Шенгели [Шенгели 1960: 87, cf. 95, 96 et al.]: «При известных изменениях в связи

3.2. Стопа пиррихия, преимущественно на фоне полноударных стоп (примеры 43, 45); обратим внимание, что замедление на пиррихии также создает «качельный размер», ср.:

- (45) Тебе|, Евге|ни^я, || мне сча|стье да|вшая,
Несу| горя|че^е || свое| раска|янье...
Прими, любив|шая, || прими, страда|вшая,
Пойми тоску| мою, || пойми отча|янье.

И. Северянин. Спустия пять лет

Чтобы быть эффективным, этот прием предполагает жесткий запрет на использование полноударной стопы в цезуромаркирующей позиции. Данную тактику наблюдаем и в следующих пеонических стихах (1-й пеон):

- (46) Спи|те|, полу|мертвы|е || у|вядши|е цве|ты,
Так и| не| у|знавши|е || ра|сцвета| красо|ты,
Близ пу|тей за|езже|нных || вра|щенные|е тво|рцом,
Смяты|е не|виде|вишм || тя|желым| коле|сом...

К. Бальмонт. Придорожные травы

Трехдольные метры в роли тонически контрастного маркера БЦ не применяются, поскольку пиррихий для таких метров нехарактерен.

Прием (3.1) известен в стиховедении как ЦЕЗУРНОЕ УДАРЕНИЕ (англ. *caesural stress*), или ПРЕДЦЕЗУРНОЕ УДАРЕНИЕ (англ. *pre-caesural stress*). Первоначально данный прием указывался лишь как исключительная примета силлабики: «Обязательное ударение перед цезурой характерно для силлабической системы, где роль цезуры благодаря этому особенно значительна» [Жирмунский 1975: 130, ср. Жирмунский 1925: 147; Щерба 1963: 172; Холшевников 1972: 17; Гаспаров 2000: 36 и др.]⁴¹, но в дальнейшем был *ex analogia*

с цезурованием пиррихийем не замещаются некоторые внутренние стопы <...>».

⁴¹ Такое ударение наблюдаем в стихотворении П. Ронсара «Гимн Справедливости» [Reiss 2017: 129–130]:

- (v) Dieu transmist la *Justice* en l'âge d'or ça bas
Quand le peuple *innocent* encor' ne vivait pas

применен и к русской силлаботонике [Бейли 2004б: 220, ср. Панов 2007: 473]⁴². Данная аналогия, состоящая в механическом перенесении реалии силлабики в сферу силлаботоники, представляется ложной⁴³, поскольку подменяет понятие *цезуромаркирующей стопы* (которую американский стиховед Дж. Бейли за ударением не увидел) понятием *цезуромаркирующего ударения*, вследствие чего был упущен из вида дихотомически противоположный прием (3.2). Рассмотрим слабые места методики Дж. Бейли на примере следующего четверостишия, где наблюдаем 6-стопный ямб и маркировку БЦ пиррихием на 3-й стопе:

- (47) Весе|нней я|блонц || в нета|ющем| снегу
 Без со|дрога|ния || я ви|деть не| могу:
 Горба|той де|вушкой — || прекра|сной, но| немой —
 Трепе|шет де|рево, || тума|ня ге|ний мой...

И. Северянин. Весенняя яблоня

Если бы мы, вслед за автором цитируемой ниже диссертации, посвящённой цезурному ударению [Корчагин 2012], применили методику Дж. Бейли, то нам пришлось бы увидеть в данном катрене: а) цезурное наращение, которого на самом деле здесь нет,

Comme il fait en *peché*, et quand le Vice encore

N'avoit franchi les *bords* de la boette à Pandore <...>.

‘Бог ниспослал Справедливость на землю в Золотой век, / Когда невинные люди ещё не жили, / Как живут ныне, в грехе, и когда Порок / Ещё не покинул ящик Пандоры’. Следует полагать, что если в силлабике цезурное ударение закреплено за концовкой полустипишия (третьстишия), то в силлаботонике (что представляется естественным и логичным с точки зрения устройства этой системы стихосложения) — за стопой.

⁴² Между тем силлабика характерна для языков с фиксированным ударением, отсюда следующий хорошо известный специалистам факт: «<...> наличие акцентных констант в силлабическом стихе — признак вторичный, производный, являющийся следствием постоянства словесных ударений <...>», а «[т]ак как в русском языке ударение подвижное, то перед цезурой константа (постоянное ударение) не образовалась» [Холшевников 1972: 13 и 17]; даже в русской силлабике «[б]лагодаря подвижности русского ударения постоянное ударение перед цезурой образовалось не сразу» [Тимофеев, Тураев 1974: 347].

⁴³ В логике и гносеологии ложная аналогия считается грубой методологической ошибкой (см., например: [Штофф 1978: 185]).

поскольку при наращении в ямбическом стихе экстраметрическим является только 1 безударный слог, а не 2 (что технически невозможно, см. табл. 1); б) 5-стопный ямб вместо 6-стопного [Корчагин 2012: 152–153]. Серьезные затруднения пришлось бы испытать и при анализе пеонических размеров. Рассмотрим в этой связи следующие стихи:

(48) Столе|тия| — фона|рики! || о, ско|лько вас| во тьме,
На про|чной ни|ти вре|менц, || протя|нутой| в уме!
Огни| много|обра|зные, || вы те|шите| мой взгляд...

В. Брюсов. Фонарики

В этом тексте, представляющем собою 2-й пеон, наблюдаем: а) 7-стопный ямб; б) пиррихий на 4-й стопе (что облигаторно для 2-го пеона), усиливающий синтаксическую БЦ. Но по методике Дж. Бейли окажется, что ямб тут 6-стопный, ибо «каждая строка такого размера делится сильной цезуры <так в тексте. — В. М.> на два 3-ст. ямбических полустишия», принимая при этом «сильную дактилическую цезуру <хотя в этой позиции 2-го пеона принято видеть стопу пиррихия. — В. М.>, но не имеющ<ую> на ней наращений» [Корчагин 2012: 135–136]. Автор называет свое решение «в значительной мере условным»; здесь с ним нельзя не согласиться. И действительно: что означает *дактилическая* БЦ в *ямбическом* стихе? Только неударность предцезурной стопы [Вейдле 2002: 168]⁴⁴, т. е., используя нашу терминологию, сквозной предцезурный пиррихий. Если вернуть стопу, «скрывшуюся» за пиррихией, то ямб оказывается 7-стопным, а понятие цезурного наращения — *облигаторно* иррелевантным. Иррелевантность наращения является облигаторной для пеонов любого типа: ведь если применить понятие цезурного наращения и к 1-му, т. е. *хореическому*, пеону (см. пример 46), то окажется, что в основе всех правых его полустиший лежит «двусложный размер — *ямб* <курсив наш. — В. М.>» [Корчагин 2012: 132]. Учитывая указанные нами неточности

⁴⁴ В. В. Вейдле, анализируя 6-стопный ямб, совершенно справедливо отмечает, что здесь дактилическая БЦ «означа[ет] неударность третьей стопы» [Вейдле 2002: 168].

в определении стихотворного размера и вольности в использовании понятия цезурного наращения, данную методику трудно признать корректной.

4. Метрический контраст полустиший. Данный прием был известен античным поэтам; он, в частности, встречается «apud Horatium et alios lyricos, mixtos ex dactylis et iambis» ‘у Горация и других лириков, кои дактиль с ямбом перемешивали’ [Priscianus 1818: 4–5]. Так, нечетные стихи следующего текста написаны гекзаметром, 1-е полустишие четных — ямбом, 2-е — дактилем, что нередко обеспечивает и спондеическое подчеркивание БЦ:

- (49) Грозным ненастием свод небес затынуло: Юпитер
Низводит с неба снег и дождь; || стонут и море, и лес.
Хладный их рвет Аквилон фракийский. Урвемте же, други,
часок что послан случаем. || Силы пока мы полны,
надо нам быть веселей! Пусть забудется хмурая старость!
Времен Торквата-консула || дай нам скорее вина!
Гораций. Эподы (перев. Н. С. Гинцбурга)

5. Скопление одинаковых или сходных звуков:

5.1. Гласных, образующих цезурный хиатус, характерный не только для античной (vide, e.g.: [Беляев 1875; Califf 2002: 18; Platnauer 2013: 57], но и для русской поэзии:

- (50) Это наша судьба, || это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку || **и** рвали над Бугом мосты.
С. Гудзенко. Мое поколение

5.2. Согласных, образующих цезурный консонанс; давно замечено, что при маркировке БЦ стечение согласных производит эффект, эквивалентный паузе⁴⁵:

⁴⁵ Cf.: «RULE. Syllaba saepe brevis Caesura extenditur, etsi Litera nec duplex nec consona bina sequatur. A short syllable in the caesura is frequently made long, though its vowel be not followed by two consonants or a double letter; the pause and emphasis being sufficient to produce the same effect as if the final consonant were doubled, or the final vowel pronounced with double length, and the initial consonant of the following word doubled» ‘ПРАВИЛО. Краткий нередко цезура слог удлиняет, Если за ним буква двойная или

- (51) По холмам — || **к**руглым и смуглым,
 Под лучом — || **с**ильным и пыльным,
 Сапожком — || **р**обким и кротким —
 За плащом — || **р**дяным и рваным.
 М. Цветаева. По холмам — круглым и смуглым...

Чем более регулярный характер приобретают подобные скопления, тем более явной и убедительной представляется их колометрическая функция.

3.1.2. Графические маркеры колометрической БЦ

ГРАФИЧЕСКИМИ МАРКЕРАМИ БЦ ВЫСТУПАЮТ:

1. Заглавная буква (*littera notabilior*), отмечающая начало 2-го полустишия (Howard 1815: CLII; Mertens 2005: 143; Jones 2006: 82); в старинных текстах такая буква нередко подкрашивалась красным или иным цветом. Пример из современной поэзии:

- (52) Day was gone Night covered sky
 Black over earth When we came there
 'День ушел Ночь накрыла небо
 Во мгле была земля Когда мы шли туда'
 W. H. Auden. Paid on both sides. A charade
 [Jones 2006: 80]

2. ГРАФИЧЕСКИЙ СИМВОЛ, как правило, расположенный между удлиненными пробелами:

2.1. Виргула, в частности *virgula suspensiva* (лат. 'наклонная ко- сая линия')⁴⁶ « / » (e.g.: Busby 2002: 163; Cruse 2011: 53; Scott 1965: 306–307), в старинных текстах иногда также подкрашиваемая красным цветом; в качестве примера приведем следующий акро- стих (при переводе нам не удалось его сохранить), маркирующий

согласных два не идут [лат.]. Краткий слог цезура часто удлиняет, если за его гласным не следуют два согласных или удвоенная буква; тот же эффект способны произвести пауза и эмфатическое ударение — так, как если бы конечный согласный был удвоен или же заключительный глас- ный произносился вдвое дольше либо начальный согласный следующего слова был удвоен' [Carey 1830: 161].

⁴⁶ Виргула (лат. *virgula* 'черта', букв. 'побег, веточка') является предтечей современной запятой. Двойной виргулой в старинных текстах иногда отмечалась концовка стиха.

заглавными буквами начальные и финальные части каждого полустишия (ср. пример 52):

- (53) Impotenti amoris oestrO / Haec beata percitA
Nardicum profudit ungueN, / Eluit lacrymis pedeS
'Любви бессильной оводом / красотка так ужалена,
Бальзамом мажет ногти, / слезами ноги моет'
Э. Роттердамский. Эпиграмма

2.2. Увеличенное двоеточие « : » [Howard 1815: CLII & CLVI].

2.3. Крестообразный символ « † » [Howard 1815: CLIII & CLVI].

2.4. ЦЕЗУРНАЯ ТОЧКА [англ. *caesural dot*], в частности гипостигма [Греч. *ὑποστιγμή* 'нижняя точка'] « . » или же точка, приподнятая над нижним срезом строки, нередко увеличенная либо «<...> изображ[енная] красной краской, для большей заметности»:

- (54) In a summer season • when soft was the sun <...>
'Лета было время • мягким было солнце <...>'
В. Лангланд. Видение о Петре-пахаре [Howard 1815:
CLII]⁴⁷

Как усиленный вариант цезурной точки может быть рассмотрен PUNCTUS ELEVATUS «†» [Solopova 2012: 433] — перевернутая точка с запятой.

2.5. Пунктуационные знаки (см. раздел 3.1). Некоторые из них связаны с маркерами (2.1–2.4) генетически: так, virgula является предтечей современной запятой; цезурные точка и двоеточие образованы от пунктуационных знаков путем увеличения и подкраски.

⁴⁷ «In all those MSS. the caesura in the middle, and the pause at the end of the line are pointed out with a precision that leaves no room for conjecture. The points or marks made use of, have no reference whatever / to punctuation: they never occur but at the place of caesura in the middle of the line, or at the pause at the end of it; and are often made with red paint, the better to catch the eye» 'В XII в. медиальная цезура и пауза в конце стиха указывались с точностью, не оставлявшей места для интолкований. Используемые < для этой цели > точки либо метки не имели какого бы то ни было отношения к пунктуации; они появлялись исключительно на месте медиальной цезуры или паузы в конце стиха, и нередко изображались красной краской, для большей заметности' (Op. cit.: CLI–CLII).

3.2. УДЛИНЕННОГО ПРОБЕЛА между полустипшиями (vide, e.g.: [Howard 1815: CLII; Jones 2006: 150; Brogan, Hart 2016: 39, etc.]):

- (57) может ты зачала в эту ночь
может быть родишь ты скоро дочь
может быть ребенок подрастет
может быть и в школу он пойдет
может быть научится читать
может быть найдет мою тетрадь
может быть стишок она прочтет
может быть она меня поймет

И. Ахметьев. Может...

Удлиненный пробел может усиливать цезурную рифму (см. пример 29).

Данный прием имеет длительную традицию. Так, в поэме «Эпос о Гильгамеше», созданной в 3-м тысячелетии до н. э., в записи VII в. до н. э., произведенной на двенадцати клинописных глиняных табличках, в каждом стихе «цезура отмечается пробелом между полустипшиями» [Дьяконов 1961: 135]:

- (58) *О* все видавшем до края мира,
О познавшем моря, *перешедшем* все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о все пронцавшем:
Сокровенное видел он, тайное *вед*ал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и *вернул*ся,
Рассказ о трудах на камне *высек*,
Стеною обнес Урук огражденный,
Светлый амбар Эанны священный⁴⁸.

Сходным образом организована ритмическая композиция англосаксонской эпической поэмы «Беовульф» (конец VII — нач. VIII в.), ср.:

- (59) Hwæt we **gardena** in **geardagum**
þeodcyninga **þrym** gefrunon,

⁴⁸ Курсивом в приведенном тексте обозначены конъектуры [Дьяконов 1961: 143].

hu ða æþelingas ellen fremedon!
 Oft Scyld Scefing sceapena þreatum,
monegum mægþum, meodosetla ofteah,
 egsode eorl[as], syððan ærest wearð

Если БЦ здесь членит стих, то аллитерация объединяет его. В русском переводе удлинённые пробелы заменены подстрочиями, что говорит о функциональном сходстве этих двух средств маркировки БЦ, ср.:

(60) Истинно! исстари
 слово мы слышим
 о доблести данов,
 о конунгах датских,
 чья слава в битвах
 была добыта!
 Первый — Скильд Скевинг,
 войсководитель,
 не раз отрывавший
 вражьи дружины
 от скамей бражных.
 За все, что он выстрадал <...>

[Беовульф 1975: 29]

Графические маркеры БЦ не изучены; считается даже, что они не существуют: «Normally there is no graphic mark of the caesura, but it may be indicated by a thin vertical line, or by an oblique stroke (here two obliques are used)» ‘Обычно графических знаков цезуры нет, но она может быть обозначена тонкой вертикальной или наклонной линией (здесь используется наклонная линия)’ [Dupriez 1991: 89]. Графические маркеры БЦ следует подразделить на два типа: а) авторские (*littera notabilior*, графические символы, подстрочие, удлинённый пробел); б) аналитические: *hastae* «||» и двойная *virgula suspensiva* «//».

3.1.3. Элокутивные и исполнительские маркеры БЦ

Инометрическая вставка, симметричное синтаксическое членение, рифма, усечённая либо тонически контрастная стопа, метрический контраст полустиший, скопление гласных или согласных,

а также указанные нами графические сигналы относятся к числу маркеров, предусмотренных автором и отвечающих ритмическому замыслу текста, а значит, их необходимо отнести к риторическому канону элокуции, т. е. этапу создания текста. К числу маркеров, отвечающих исполнительскому осмыслению текста и являющихся атрибутами канона исполнения, по нашим наблюдениям, принадлежат:

1. Удлинение предцезурного звука (лат. *productio ob caesuram* <*productio brevium syllabarum ob caesuram*, англ. *caesural lengthening*): а) ударного (*productio in thesi*, стих 1); б) безударного (*productio in arsi*, стих 2)⁴⁹, ср.:

- (61) Это наша судьб[џ:], || это с ней мы ругались и пели, 1
подымались в ата́к[у:] || и рвали над Бугом мосты. 2
С. П. Гудзенко. Мое поколение (исполн. В. С. Высоцкий)

М. В. Панов [Панов 2007: 473] характеризует этот прием как «<...> замедленное произношение ударного <курсив наш. — В. М.> слога в слове <...>» перед цезурной паузой, однако, как видим, удлиняться может и безударный слог.

Фигуру удлинения гласного, или эктасис, принято относить к числу метаплазмов. Согласно определению влиятельного римского филолога Сервия Доната, метаплазмы используются «<стихотворного> размера и украшения ради (*metri ornatusve causa*)» [Donati 1831: 29]. С этой точки зрения логичным представляется решение Г. Германа (1772–1848), согласно которому *productio ob caesuram* «*pars maiorem habet licentiam*» ‘по большей части имеет характер вольности’ [Orphica 1805: 697]. Если подразделить поэтические вольности на авторские и исполнительские [Москвин 2017: 295], то *productio ob caesuram* следует отнести к числу исполнительских вольностей.

2. Интонационный сигнал, т. е. «модуляция» (см. обзор: [Беляев 1875: 16–18], «pitch change» ‘смена интонации’ [Chatman 1965:

⁴⁹ В подобных случаях принято различать «<...> *productio brevis syllabae in thesi positae et vocalis brevis productio in arsi positae*» ‘удлинение краткого слога, расположенного на тесисе, и удлинение краткой гласной, расположенной на арсисе’ [Gerhard 1816: 197].

186], «перепад интонаций», «перепад тона» [Петрова, Чарели 2002: 192–193, ср. Калачева 1977: 86]: «До цезуры — одна интонационная волна, после цезуры — другая» [Панов 2007: 473].

3. ДЕКЛАМАЦИОННАЯ, или ЦЕЗУРНАЯ ПАУЗА. Еще Г. Герман указал на то, что БЦ обязательно «*novum introducit numerum, sed eum talem, qui cum proprio versus numero concilliari possit, neque eum nimia dissimilitudine perdat*» ‘вводит новый ритм, который, однако, должен соответствовать собственному ритму стиха, дабы не навредить ему чрезмерным рассогласованьем’ [Hermann 1817: 22]. Для применения паузы должны быть определенные основания, e.g. наличие: а) симметричного семантико-синтаксического членения стиха; паузу, усиливающую такое членение, называют СЕМАНТИЧЕСКОЙ (англ. *sense-pause*); б) спондея; усиливающая его пауза именуется СПОНДЕИЧЕСКОЙ (англ. *spondaic pause*). Как основание для паузирования рассматривается и нехватка дыхания. Однако ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ («дыхательная») пауза не связана с ритмическим замыслом текста, а потому носит паразитарный характер; с учетом этого факта трудно принять физиологические трактовки цезуры: «The caesura of the verse is a pause introduced to render the recitation more easy» ‘Цезура есть пауза, вводимая с тем, чтобы облегчить декламацию’ [Kühner 1844: 566]; «The caesura is a natural pause, corresponding to the breath in recitation» ‘Цезура представляет собою естественную паузу, соответствующую вдоху при декламации’ [Arnold 1905: 179]; cf. [Портер 2003: 114]; «Caesura. A verse (but never a word) is cut by the caesura (< *caedere, caesum*), or breathing pause, indicated <...> by two vertical lines (||)» ‘Цезура. Стих (но никогда слово) членится цезурой, или дыхательной паузой, обозначаемой <...> двумя вертикальными линиями (||)’ [Panhuis 2006: 216] и др. Такая пауза связана исключительно с физиологическим ритмом (см. раздел 2.10 в монографии: [Москвин 2020]).

Паузу следует считать: а) далеко не единственным приемом маркировки БЦ, что делает неприемлемыми следующие трактовки: «Совпадая со словоразделом (но не всегда со стопоразделом), Ц.<езура> выполняет функцию интонационно-фразовой паузы»

[Квятковский 1966: 331]; «Цезура — словораздел в стихе, выражаемый в звучащей стихотворной речи паузой, разделяющей стих на части и полустихия» [Тарасова 1997: 251]; б) факультативным (т. е. зависящим от воли исполнителя) приемом, поэтому пауза «не обязательно бывает реализована в каждом конкретном исполнении» [Habinek 1985: 186]. С этой точки зрения логична следующая мысль: «Цезура имеет тенденцию превращаться в паузу, но нельзя сказать, что каждая цезура есть пауза» [Harsh 1958: 239]⁵⁰. Определяя же цезуру как «вид междусловной паузы» [Тимофеев 1948: 267], «a pause in a line of verse that affects the metre» ‘паузу в стихе, воздействующую на метр’ [Auger 2010: 39], «a pause within a poetic line that breaks the regularity of the metrical pattern» ‘паузу внутри стиха, нарушающую регулярность метрической схемы’ [Poetry and drama 2012: 93]⁵¹, «a pause in the middle of a line of verse» ‘паузу в середине стиха’ [Wales 2014: 48], «[a] pause in the verse line» ‘паузу в стихотворной строке’ [Hodgson 1988: 46], etc., специалисты отождествляют цезуру с одним из целого ряда средств ее маркировки⁵², т. е. «смешивают цезуру с паузой» [Jakobson 1979: 32; ср. Шенгели 1926: 52]. За таким смешением стоят явно редукативные подходы и концепции, характерные для ранних этапов развития филологии и только для таких этапов естественные, допустимые и, добавим, простительные; по оценке С. Бассетта, в подобных случаях упрощённой трактовки БЦ на живых оказываются «возложены мертвые руки педантов древности» [Bassett 2003: 147]⁵³.

⁵⁰ Ср.: «The caesura has a tendency to become a pause, but this is not to say that each caesura is a pause».

⁵¹ Ср.: «...цезура (лат. *caesura* — разрез, рассечение) — обязательный постоянный словораздел (в схеме обозначается значком //), или, другими словами, обязательная ритмическая пауза, разделявшая стих на два относительно равных полустихия и облегчавшая его» [Орлова 2016: 37].

⁵² Это отождествление стоит и за логикой следующего суждения: «Отсюда — прямой переход к работе над синтаксической природою внутренних пауз стиха, т. е. цезур <курсив наш. — В. М.> и постоянных словоразделов (второстепенных цезур)» [Ярхо 2006: 35].

⁵³ Cf.: «Only because the dead hands of ancient pedants are upon us».

Если использовать один и тот же цезурный маркер, например смену интонации, то мы получим «безконечное повторение одной и той же мелодии» [Беляев 1875: 17]. С тем, чтобы избежать повторения, приемы маркировки могут чередоваться, в соответствии с принципом *variatio*: 1) друг с другом; 2) со стихами, в которых синтаксический шов никак не отмечен. С тем, чтобы усилить БЦ, такие приёмы могут комбинироваться.

5. Лексикографическая модель словарной статьи «Цезура»

За основу такой модели принята словарная статья, представленная нами в словаре «Язык поэзии» [Москвин 2017: 424–432]. Здесь должны присутствовать:

1. Толкуемый термин.

2. Этимологическая справка: лат. *caesura*, греч. *τομή* ‘рассечение’.

3. Лексико-семантические варианты данного термина (см. Замечания 4 и 5):

3.1. Цезура₁ ‘стопная цезура’.

3.2. Цезура₂ ‘малая синтаксическая цезура’.

3.3. Цезура₃ ‘большая цезура’. В данный сектор словарной статьи включены:

3.3.1. Позиционная типология БЦ (см. раздел 1 «Позиционные типы БЦ»).

3.3.2. Количественная типология БЦ (см. раздел 2 «Количественные типы БЦ»).

3.3.3. Инструментальная типология, содержащая систематизированный перечень основных маркёров БЦ (см. раздел 3 «Инструментальные типы БЦ»):

3.3.3.1. Инометрическая вставка как возможный маркёр БЦ, с отсылкой к словарной статье «Инометрическая вставка».

3.3.3.2. Звуковые и графические маркёры.

3.3.3.3. Элокутивные и исполнительские маркёры.

3.4. Цезура₄ (устар.), с отсылкой к словарной статье «Стиховое членение».

Актуальным лексико-семантическим вариантам поставлены в соответствие:

1. Дефиниция (см. Замечания 4 и 5).
2. Иллюстративный материал.

3. Критико-аналитическая справка с приведением мнений учёных: а) Античности; б) Средневековья; в) Нового времени, с указанием соответствующих источников. Чтобы словарная статья сохранила обзорность объёма и по своей сложности не приблизилась к жанру научной статьи или диссертационного исследования, в данной справке должны быть представлены лишь те оформленные предельно краткими цитатами мнения, которые отражают определённую филологическую традицию.

4. Синонимические обозначения, предваряемые пометой «*Син.*».

Каждая словарная статья словаря, в том числе и статья «Цезура», содержит отсылки к смежным понятиям (см. раздел «Вводные замечания»), что обеспечивает таксономическое единство макроструктуры словаря, например:

«**Цезу́ра** [лат. *caesura*, греч. *τομή* ‘рассечение’] — 1. Рассечение стопы (см.) границами словоформ. Обозначим такие Ц. знаком “ / ”:

Суди|, дружок|, не / **свы**|ше / са|пога! (А. С. Пушкин)

Ц. “объединяет речь” (Λογίφος 1866: 209) (см. *iunctura pedum*), противоположна Ц. ДИЕРЕЗА (см.). *Син.*: малая, стопная, метрическая Ц. <...>».

Как видим, словарная статья содержит описание не только родового (‘цезура’), но и целого ряда видовых понятий, т. е. словарь сочетает принципы алфавитного и гнездового (идеографического) расположения терминологии. С тем, чтобы сохранить обзорность словарной статьи, некоторые видовые понятия (например, позиционные и количественные типы БЦ), а также узуально значимые маркёры БЦ (например, цезурную рифму) целесообразно сделать предметом описания в отдельных словарных статьях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

1. Беляев 1996 — *Беляев В. Ф.* Основная терминология метрики и поэтики // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 573–605.
2. Гаспаров 20016 — *Гаспаров М. Л.* Цезура // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкин. М., 2001. С. 1181–1182.
3. Ирмшер, Йоне 1993 — *Ирмшер Й., Йоне Р.* Словарь античности / пер. с нем. В. И. Горбушина и др. / отв. ред. В. И. Кузищин. М., 1993 [1987].
4. Квятковский 1966 — *Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966.
5. Москвин 2017 — *Москвин В. П.* Язык поэзии. Приемы и стили. Терминологический словарь. М., 2017.
6. Н. Н. 1837 — *Н. <адеждинь> Н.* Версификация // Энциклопедический лексиконъ / изд. А. А. Плюшар. Томъ девятый. Вар–Вес. СПб., 1837. С. 501–518.
7. Остолопов 1821 — *Остолоповъ Н.* Словарь древней и новой поэзии. Ч. II. СПб., 1821.
8. Тимофеев, Тураев 1974 — Словарь литературоведческих терминов / ред. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974.
9. Торсуева 1990 — *Торсуева И. Г.* Ритм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 416.
10. Abrams, Harpham 2014 — *Abrams M., Harpham G.* A glossary of literary terms. Stamford, 2014 [2009].
11. Auger 2010 — *Auger P.* The Anthem dictionary of literary terms and theory. Lindon & New York, 2010.
12. Baldick 2008 — *Baldick Ch.* The concise Oxford dictionary of literary terms. New York, 2008 [1996].
13. Brande, Cox 1875 — *Brande W., Cox G.* A Dictionary of science, literature, & art. Vol. I. London, 1875.
14. Brogan, Hart 2016 — *Brogan T. V. F., Hart H.* Caesura // The Princeton handbook of poetic terms / Ed. R. Greene & S. Cushman. Princeton. 2016. P. 39–40.
15. Cuddon 2013 — *Cuddon J. A.* Dictionary of literary terms and literary theory. Blackwell, 2013.
16. Dupriez 1991 — *Dupriez B.* A dictionary of literary devices: gradus, A-Z. Univ. of Toronto Press, 1991.
17. Fussel 1965 — *F<ussel> P.* Caesura // The Princeton handbook of poetic terms / Ed. A. Preminger, O. B. Hardison Jr., & F. J. Warnke. Princeton, 1986 [1965]. P. 25–26.
18. Hodgson 1988 — *Hodgson T.* The drama dictionary. New York, 1988.

19. Hornsby, Brogan, Kutzko 2012 — *Hornsby R., Brogan T., Kutzko D.* Diaeresis // The Princeton encyclopedia of poetry and poetics / Ed. R. Greene, St. Cushman, C. Cavanagh et al. Princeton & Oxford, 2012 [1993]. P. 354.
20. King 2002 — *King N., King S.* Dictionary of literature in English / Ed. I. Marcousé. London & Chicago, 2002 [2001].
21. Mikics 2008 — *Mikics D.* A new handbook of literary terms. New Haven & London, 2008.
22. Murfin, Ray 2009 — *Murfin R., Ray S.* The Bedford glossary of critical and literary terms. Boston, 2009.
23. Poetry and drama 2012 — Poetry and drama: literary terms and concepts / Ed. K. Kuiper. New York, 2012.
24. Quinn 2006 — *Quinn E.* A dictionary of literary and thematic terms. New York, 2006.
25. Scott 1985 — *Scott A. F.* Current literary terms. A concise dictionary of their origin and use. Houndmills & London, 1985 [1965].
26. Wales 2014 — *Wales K.* A dictionary of stylistics. Ed. 3. London & New York, 2014 [1989].

Научная литература и источники

1. Александрова 2004 — *Александрова Т. Л.* Художественный мир М. Лохвицкой: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
2. Бейли 2004а — *Бейли Дж.* Метрическая и ритмическая типология поэзии К. К. Случевского // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М., 2004. С. 149–177.
3. Бейли 2004б — *Бейли Дж.* Русские двусложные размеры с сильной цезурой с 1890 по 1920 г. // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М., 2004. С. 220–251.
4. Беляев 1875 — *Беляевъ Д. Ф.* О зіяніи въ Одиссеѣ // Беляевъ Д. Ф. Омировскіе вопросы. СПб., 1875. С. 3–36.
5. Беовульф 1975 — *Беовульф* / пер. с древнеангл. В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / примеч. О. Смирницкой, М. Стеблин-Каменского, А. Гурвича. М., 1975. С. 27–180.
6. Бицилли 1976 — *Бицилли П. М.* Этюды о русской поэзии. Прага, 1926.
7. Богомолов 1995 — *Богомолов Н. А.* Стихотворная речь. М, 1995 [1988].
8. Богомолов 2017 — *Богомолов Н. А.* Краткое введение в стиховедение. М., 2017.
9. Брюсов 2014 — *Брюсов В. Я.* Ремесло поэта [1918] // Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. М., 2014. С. 698–718.

10. Вейдле 2002 — *Вейдле В. В.* Звучащие смыслы // Вейдле В. В. Эмбриология поэзии. Статьи по поэтике и теории искусства. М., 2002. С. 117–190.
11. Верли 1957 — *Верли М.* Общее литературоведение / пер. с нем. В. Н. Иевлевой. М., 1957 [1951].
12. Гардзонио 2000 — *Гардзонио С.* О переводных «Неаполитанских песенках» Осипа Мандельштама // Поэзия и живопись: сб. трудов памяти Н. И. Харджиева / под ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М., 2000. С. 651–656.
13. Гаспаров 1974 — *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих: метрика и ритмика. М., 1974.
14. Гаспаров 1993 — *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
15. Гаспаров 2000 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 2000 [1984].
16. Гаспаров 2001a — *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX в. в комментариях. Изд. 2. М., 2001 [1993].
17. Гиршман 1973 — *Гиршман М. М.* О ритме русской художественной прозы // *Slavic poetics: essays in honor of Kiril Taranovsky*. The Hague–Paris, 1973. P. 161–169.
18. Дьяконов 1961 — *Дьяконов И. М.* Эпос о Гильгамеше // Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / пер. с аккад. И. М. Дьяконова. М., 1961. С. 92–143.
19. Жирмунский 1975 — *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.
20. Жирмунский 1925 — *Жирмунский В. М.* Введение в метрику. Теория стиха. Л., 1925.
21. Жирмунский 1923 — *Жирмунский В. М.* Рифма, ее история и теория. Петроград, 1923.
22. Калачева 1977 — *Калачева С. В.* Выразительные возможности русского стиха. М., 1977.
23. Классовский 1863 — *Классовский В.* Версификация. СПб., 1863.
24. Корчагин 2012 — *Корчагин К. М.* Цезура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
25. Левин 1998 — *Левин Ю. И. О.* Мандельштам // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 9–155.
26. Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* Письмо о правилах российского стихотворства [1739] // Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758. М.; Л., 1952. С. 7–18.
27. Лотман 1972 — *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972.
28. Москвин 2020 — *Москвин В. П.* Ритмические средства языка. М., 2020.

29. Москвин 2018 — *Москвин В. П.* Теоретические основы стиховедения. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2018 [2009].
30. Орлова 2016 — *Орлова Н. Н.* Основы теории литературы. М., 2016.
31. Панов 2007 — *Панов М. В.* Рассказы о русском стихе. Цезура [1996] // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007. С. 472–484.
32. Петрова, Чарели 2002 — *Петрова А. Н., Чарели Э. М.* Сценическая речь / под ред. И. П. Козляниновой и И. Ю. Промптовой. 3-е изд. М., 2002 [1976].
33. Поливанов 1963 — *Поливанов Е. Д.* Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 99–112.
34. Портер 2003 — *Портер Л. Г.* Симметрия — владычица стихов: очерк начал общей теории поэтических структур. М., 2003.
35. Руднев 1989 — *Руднев П. А.* Введение в науку о русском стихе. Т. 1. Тарту, 1989.
36. Скворцов 2013 — *Скворцов А. Э.* Самосуд неожиданной зрелости. Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции. М., 2013.
37. Скулачева, Бужкова 2010 — *Скулачева Т. В., Бужкова М. В.* Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 37–54.
38. Сокальскій 1888 — *Сокальскій П. П.* Русская народная музыка. Харьков, 1888.
39. Тарановский 2010 — *Тарановский К. Ф.* Русские двусложные размеры [1953] // Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / под ред. В. Тарановской-Джонсон, Дж. Бейли и А. В. Прохорова. Пер. с сербского В. В. Сонькина. М., 2010.
40. Тарасова 1997 — *Тарасова Г. Н.* Поэтика словесного искусства. Тольятти, 1997.
41. Тимофеев 1982 — *Тимофеев Л. И.* Слово в стихе. М., 1982.
42. Тимофеев 1948 — *Тимофеев Л. И.* Теория литературы. М., 1948.
43. Томашевский 1996 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
44. Томашевский 1928 — *Томашевский Б.* Краткий курс поэтики. М.; Л., 1928.
45. Тынянов 1924 — *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. Л., 1924.
46. *Харджиев 2006 — Харджиев Н.* От Маяковского до Крученых. М., 2006.
47. Харлап 1980 — *Харлап М. Г.* Poleмический смысл «Домика в Коломне» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39. 1980. № 3. С. 219–229.

48. Холшевников 1987 — *Холшевников В. Е.* Мысль, вооруженная рифмами: поэтическая антология по истории русского стиха. Л., 1987 [1983].
49. Холшевников 1972 — *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения. Русское стихосложение. Изд. 2. Л, 1972 [1962].
50. Циммерлинг 2004 — *Циммерлинг А. В.* Драпа об Ароне в размере хрюнхент // *Исландские саги / пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. Стихи в пер. А. В. Циммерлинга и С. Ю. Агишева / под ред. С. Ю. Агишева, А. В. Бусыгина, В. В. Рыбакова.* Т. 2. М., 2004. С. 550–556.
51. Шапир 2000 — *Шапир М. И.* Metrum et rhythmus sub specie semioticae // Шапир М. И. *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков.* Кн. 1-я. М., 2000. С. 91–130.
52. Шапир 1994 — *Шапир М. И.* Гексаметр и пентаметр в поэзии Катенина (О формально-семантической деривации стихотворных размеров) // *Philologica.* Т. 1. 1994. № 1/2. С. 43–107.
53. Шенгели 1960 — *Шенгели Г. А.* Техника стиха / под ред. Л. И. Тимофеева. М., 1960 [1940].
54. Шенгели 1928 — *Шенгели Г. А.* Как писать статьи, стихи и рассказы. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1928 [1926].
55. Шенгели 1926 — *Шенгели Г. А.* Практическое стиховедение. Изд. 2, испр. и доп. Л., 1926 [1923].
56. Шенгели 1923 — *Шенгели Г. А.* Трактат о русском стихе. Ч. 1. Органическая метрика. Изд. 2-е, перераб. М.; Пг., 1923 [1921].
57. Штофф 1978 — *Штофф В. А.* Проблемы методологии научного познания. М., 1978.
58. Шульговский 1914 — *Шульговский Н. Н.* Теория и практика поэтического творчества. Технический начала стихосложения. СПб., 1914.
59. Щерба 1963 — *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. М., 1963.
60. Якобсон 1985 — *Якобсон Р.* Ретроспективный обзор работ по теории стиха // Якобсон Р. *Избранные работы.* М., 1985. С. 239–269.
61. Ярхо 2006 — *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы. М., 2006.
62. Adams, Lapidge, Reihardt 2005 — *Adams J. N., Lapidge M., & Reihardt T.* Introduction // *Aspects of the language of Latin prose / Ed. T. Reinhardt, M. Lapidge, & J. N. Adams.* Oxford Univ. Press, 2005. P. 1–36.
63. Aldhelm 1984 — *Aldhelmi opera / Ed. R. Ehwald.* München, 1984.
64. Aquila 1863 — *Aquilae Romani De figuris sententiarum et elocutionis liber // Rhetores latini minores / Emendabat C. Halm.* Lipsiae, 1863. P. 22–37.
65. Aristides 1652 — *Aristidis Quintiliani De musica libri III / Marcus Meibomius restituit, ac notis explicavit.* Vol. II. Amstelodami, 1652.

66. Aristoteles 1833 — Aristotelis De rhetorica libri tres / Ed. I. T. Buhlii. Oxonii, 1833.
67. Arnold 1905 — *Arnold E. V.* Vedic metre in its historical development. Cambridge, 1905. P. 179.
68. Aulus 1835 — Auli Gellii Noctes atticae. Lipsiae, 1835.
69. Bartsch 1867 — *Bartsch K.* Der innere Reim in der höfischen Lyrik // Germania. Vierteljahrsschrift für deutsche Alterthumskunde. 1867. S. 128–194.
70. Bassett 2003 — *Bassett S. E.* The poetry of Homer / Ed. B. Heiden. New York & Oxford, 2003 [1938].
71. Bassett 1919 — *Bassett S. E.* The theory of the Homeric caesura according to the extant remains of the ancient doctrine // The American journal of philology. Vol. 40. № 4. 1919. P. 343–372.
72. Beekes 1972 — *Beekes R.* On the structure of the Greek hexameter // Glotta. Vol. L. 1972. P. 1–10.
73. Busby 2002 — *Busby K.* Codex and context: reading old French verse narrative in manuscript. Vol. 1. Amsterdam & New York, 2002.
74. Califf 2002 — *Califf D. J.* A guide to Latin meter and verse composition. London, 2002.
75. Carey 1830 — *Carey J.* Latin prosody made easy. London, 1830 [1808].
76. Chatman 1965 — *Chatman S. B.* A theory of meter. The Hague, 1965.
77. Cicero 1828 — [Ciceronis] Rhetoric[a] ad Herennium // M. T. Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor. Eusdem De inventione rhetorica libri duo / Curavit F. Lindemannus. Lipsiae, 1828. P. 1–406.
78. Cruse 2011 — *Cruse M.* Illuminating the Roman D’Alexandre: Oxford, Bodleian Library, MS Bodley 264: the manuscript as monument. Cambridge, 2011.
79. Die Metaphysik 1847 — Die Metaphysik des Aristoteles. Grundtext, Übersetzung und Commentar nebst erläuternden Abhandlungen von dr. A. Schwegler [...]. Bd. I. Grundtext und kritischer Apparat. Tübingen, 1847.
80. Διονύσιος 1816 — Διονυσίου Θραϊκὸς γραμματικὴ // Anecdota Graeca / < Ed. > I. Bekkeri. Vol. II. Berolini, 1816. P. 627–644.
81. Dionysius 1808 — Dionysii Halicarnassensis De compositione verborum / Ed. G. H. Schaefer. Lipsiae, 1808.
82. Donati 1831 — Donati Ars grammatica tribus libris comprehensa // Corpus grammaticorum latinorum veterum / Collegit F. Lindemannus. T. 1. Lipsiae, 1831. P. 5–36.
83. Ἐκ τῶν Λογγίνου... 1855 — Ἐκ τῶν Λογγίνου τοῦ φιλοσόφου τὰ προλεγόμενα εἰς τὸ τοῦ Ἡφαιστίωνος ἐγχειρίδιον // Ἡφαιστίωνος Ἐγχειρίδιον περὶ μέτρων καὶ ποιημάτων / Ed. Th. Gaisford. T. I. Oxonii, 1855. P. 141–153.
84. Ἐρμογένους 1834 — Ἐρμογένους Περὶ μεθόδου δεινότητος // Rhetores graeci / Ed. Ch. Walz. Vol. VII. Pars II. Stuttgartiae et al., 1834. P. 1090–1352.

85. Excerptiones... 2002 — Excerptiones de Prisciano / Ed. D. W. Porter. Cambridge, 2002.
86. Gerhard 1816 — *Gerhard E.* Lectiones Apollonianæ. Lipsiae, 1816.
87. Greenough, Allen 2006 — *Greenough J. B., Allen J. H.* New Latin grammar. New York, 2006 [1903].
88. Habinek 1985 — *Habinek Th. N.* The colometry of Latin prose. Univ. of California Press, 1985.
89. Hahn 1865 — *Hahn K. A.* Mittelhochdeutsche Grammatik. Neu ausgearbeitet von Dr. Friedr. Pfeiffer, Stadtbibliothekar in Breslau. Frankfurt a. M., 1865 [1842].
90. Harsh 1958 — *Harsh Ph. W.* Early Latin meter and prosody 1904–1955 // *Lustrum*. Bd. III. 1958. S. 215–250.
91. Hartman 2015 — *Hartman Ch. O.* Verse: an introduction to prosody. Malden & Oxford, 2015.
92. Hermann 1817 — *Hermann G.* Elementa doctrinæ metricæ. Glasguæ, 1817.
93. Heusler 1956 — *Heusler A.* Deutsche Versgeschichte. Mit Einschluß des altenglischen und altnordischen Stabreimverses. Erster Band. Teil I & II. Einführendes. Grundbegriffe der Verslehre. Der altgermanische Vers. 2 unveränderte Aufl. Berlin, 1956 [1925].
94. Howard 1815 — *Howard H.* A dissertation on the state of English poetry before the sixteenth century // The works of Henry Howard earl of Surrey and of sir Thomas Wyatt the elder: In 2 vol. Vol. 1. London, 1815. P. CXXXVII — CCLXXXVI.
95. Innes 1994 — *Innes D. C.* Period and colon: theory and example in Demetrius and Longinus // *Peripatetic rhetoric after Aristotle* / Ed. W. Fortenbaugh & D. Mirhady, New Brunswick & London, 1994. P. 36–53.
96. Isidorus 1766 — *Isidori Iunioris Hispalensis episcopi Grammaticae artis nomina graeca et latina notata* // *Flavii Mallii Theodori De metris liber*. E vetustis Thesauri Guelpherbytani membranibus antea protulerat, nunc ad fidem Codd. Parisiensium castigavit, observationibus illustravit, praeterque scriptorum aliquot veterum apospasmata Cornelii Nepotis Fragmenta Guelpherbytana / Cum defensionibus suis adiecit I. F. Hevsinger. Lugduni Batavorum, 1766. P. 81–85.
97. Jakobson 1979 — [*Jakobson R.*] О чешском стихе — преимущественно в сопоставлении с русским [1923] // *Jakobson R.* Selected writings: on verse, its masters & explorers. The Hague, 1979. P. 3–130.
98. Jones 2006 — *Jones Ch.* Strange likeness: the use of old English in twentieth-century poetry. Oxford, 2006.
99. Kirchmann 1661 — *Kirchmanni Johannis Rudimenta rhetoricae* / Editio Casparis Dornavi. Cellis, 1661.

100. Kühner 1844 — *Kühner R.* Grammar of the Greek language / Transl. from the German by B. B. Edwards & S. H. Taylor. New York & London, 1844 [1836].
101. Lange 1787 — [*Lange J.*] Joachim Langens verbesserte und erleichterte lateinische Grammatica mit einem paradigmatischen und dialogischen Tirocinio. Halle, 1787.
102. Lennard 2006 — *Lennard J.* The poetry handbook. Oxford, 2006 [1996].
103. Λογγίνος 1866 — [*Λογγίνου τοῦ φιλοσόφου*] Σχόλια // *Scriptores metrici graeci* / Edidit R. Westphal. Vol. I. Hephaestionis De metris enchiridion et De poemate libellus cum scholiis et Trichae epitomis, adjecta Procli Chrestomathia grammatica. Lipsiae, 1866. P. 95–226.
104. Martinius 1645 — *Martinius P.* The Key of the Holy Tongue / Transl. J. Udall. Ed. 2. Amsterdam, 1645.
105. Mayor 1901 — *Mayor J. B.* Chapters on English metre. Ed. 2. Cambridge, 1901 [1886].
106. Mertens 2005 — *Mertens V.* Visualizing performance? Music, word, and Manuscript // Visual culture and the German Middle Ages / Ed. K. Starkey & H. Wenzel. New York, 2005. P. 135–158.
107. Orphica 1805 — *Orphica. Pars prima* / Cum notis H. Stephani, A. Ch. Eschenbachii, I. M. Gesneri & Th. Tyrwhitti. Recensuit G. Hermannus. Lipsiae, 1805.
108. Panhuis 2006 — *Panhuis D. G. J.* Latin grammar. 2006 [1998].
109. Platnauer 2013 — *Platnauer M.* Latin elegiac verse. Cambridge, 2013 [1951].
110. Plésent 1910 — *Plésent Ch.* Le Culex. Etude sur l'alexandrinisme latin. Paris, 1910.
111. Polockij 2000 — *Polockij S.* Vertograd mnogocvemyj. Vol. 3. «Prav nikto ze» — «Epitafion» Simeonu / Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Köln, Weimar & Wien, 2000.
112. Preuss 1859 — *Preuss Ed.* De senarii graeci caesuris. Dissertatio philologica. Regiomonti, 1859.
113. Priscianus 1818 — *Prisciani, caesariensis grammatici, Opera minora* / Ed. F. Lindemannus. Lugduni, 1818.
114. Quintilianus 1854 — *Quintiliani M. Fabii Institutionis oratoriae libri duodecim* / Recensuit Ed. Bonnell. Vol. II. Lipsiae, 1854.
115. Unbegaun 1956 — *Unbegaun B. O.* Russian Versification. Oxford & London, 1956.
116. Reiss 2017 — *Reiss T. J.* Ronsard: poet laureate, public intellectual, cultural // A history of modern French literature: from the sixteenth century to the twentieth century / Ed. Ch. Prendergast. Princeton, 2017. P. 113–136.

117. Solopova 2012 — *Solopova E.* The metre of the *Ormulum* // Studies in English language and literature / Ed. M. J. Toswell & E. M. Tyler. London & New York, 2012. P. 423–440.
118. Σικελιώτης 1834 — Ἰωάννου τοῦ Σικελιώτου Ἐξηγήσεις εἰς τὰς ιδέας τοῦ Ἑρμογένους // *Rhetores Graeci* / Ed. Ch. Walz. Vol. VI. Stuttgartiae et al., 1834. P. 56–504.
119. Sturtevant 1921 — *Sturtevant E. H.* Word-ends and pauses in the hexameter // *The American journal of philology*. Vol. 42. 1921. № 4. P. 289–308.
120. Vossius 1630 — *Vossii Gerardi Johannis Commentariorum rhetoricorum, sive oratoriarum institutionum, pars altera.* Lugduni Batavorum, 1630.
121. Westphal 1872 — *Westphal R.* Elemente des musikalischen Rhythmus mit besonderer Rücksicht auf unsere Opern-Musik. Erster Theil. Jena, 1872.

***V. Moskvin.* Caesura as the Object of Lexicographic Description**

Keywords: caesura, rhythm, rhythmic period, colon.

The description of the concept ‘caesura’ and its subcategories is specified, their taxonomic relations are defined, the typology of principal caesura species is developed, its markers are described and systematized; the model of caesura’s lexicographic description is built on this basis.

МАТЕРИАЛЫ МЕТАЯЗЫКОВОГО СЕМИНАРА ИЛИ РАН

2017–2019

Под редакцией

С. С. Волкова, Н. В. Каревой, Е. М. Матвеева

Компьютерная верстка: *Е. Е. Кузьмина*

Подписано в печать 06.10.2020. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 15,125. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Геликон Плюс»

199053, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 28

Тел.: (812) 327-46-13, 328-20-40